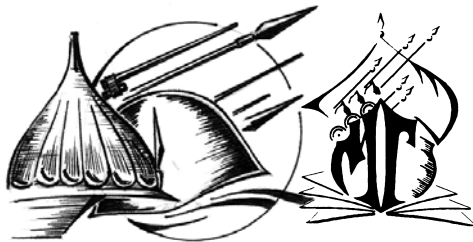

4
2009

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Основан в 1922 году

ПРОЗА

Валентин МАХОНИН. Пасынки времени. Роман. Окончание	119
Виктор ПАРШИН. Проталины. Рассказ	174
Сергей ШУМСКИЙ. Миниатюры	274

ПОЭЗИЯ

Валерий ХАТЮШИН. Звездный свет... Стихи	11
Анатолий КОВАЛЕВ. На вокзале юности. Стихи	17
Виталий СЕРКОВ. За желтыми цветами. Стихи	22
Иван РЫЖИКОВ. К родным истокам. Стихи	25
Стихи поэтов русского зарубежья	184

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Виталий АВЕРЬЯНОВ, Петр МУЛЬТАТУЛИ. Другой царь и другой Сталин	28
Владимир БОЯРИНЦЕВ, Людмила ФИОНОВА. Трагедия Москвы	40
Игорь ИГНАТОВ. Заявка на диктатуру	49
Максим КАЛАШНИКОВ. Коллапс путиномики и крах режима	58

Михаил АНТОНОВ. Россия XXI века: путь к мировому лидерству. Окончание	67
Олег ПЛАТОНОВ. Русское сопротивление грядущему антихристу. Продолжение	109

ДОСЬЕ «МГ»

Марат КАЛАНДАРОВ. Виза в пучину. Продолжение	193
---	------------

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Валерий ШАМБАРОВ. Мировой кризис – спланированное начало глобальных процессов	3
--	----------

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ЧЕРКЕСОВ. Провинциальные сюжеты	218
Александр РАКОВ. Знаки припоминания	225

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Сергей РОДИН. Иуда и Мазепа как символы самосознания «украинцев»	236
---	------------

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

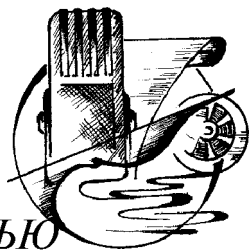
Сергей ЗАГАТИН. Кому на Руси жить?..	270
---	------------

МИРОВОЙ КРИЗИС — СПЛАНИРОВАННОЕ НАЧАЛО ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

На вопросы директора интернет-магазина Политкнига.Ру Дмитрия Якунина отвечает писатель-историк Валерий Шамбаров, автор популярных книг «Белогвардейщина», «Казачество: история вольной Руси», «Нашествие чужих: заговор против Империи».

— Валерий Евгеньевич, в своей книге «Антисоветчина. Оборотни в Кремле» вы писали, что так называемая Великая депрессия 1929 г. была организована искусственно. А что вы можете сказать о нынешнем кризисе?

— Не только Великая депрессия, но и все масштабные кризисы в США с начала XX в. создавались искусственно. Кстати, в одном из выступлений президент Медведев сказал, что о приближении кризиса было известно, Россия предупреждала иностранных партнеров, но никаких мер не предпринималось. А с чего их стали бы предпринимать? За океаном о предкризисных явлениях знали не хуже нашего. Но неужели президент или его советники не знакомы с работами известного политолога Ральфа Эпперсона и других авторов, которые как раз и

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

показали, что подобные вещи планируются целенаправленно ради сверхприбылей международных банкирских кругов, а главное — ради решения глобальных политических задач?

— Вы считаете, финансовые и экономические потрясения будут связаны с политикой?

— Без сомнения. Они связаны всегда. Механизм таких манипуляций описан Яном Козаком в его книге «Без выстрела»: создайте проблему, а затем подтолкните людей, которых она задела, к требованию законов, благоприятных тем, кто создал проблему. Именно такими способами уже неоднократно пользовались финансово-политические силы, которые великий русский философ И.А. Ильин назвал «мировой закулисой».

— Можете ли Вы привести конкретные примеры?

— Сколько угодно. Начнем с кризиса 1907 г. Крупнейший американский банкир того времени Дж.П. Морган провел несколько месяцев в Лондоне и Париже, консультируясь с британскими и французскими Ротшильдами, с которыми был тесно связан, а по возвращении в США вдруг стал распространять слухи, будто нью-йоркский Knickerbrocker Bank неплатежеспособен. Вкладчики перепугались, кинулись изымать деньги. Но хорошо известно, что в любом банке находится лишь небольшая часть вложенных средств, остальное отдается в заем, вкладывается в те или иные проекты. При одновременном массовом изъятии наличности наверняка не хватит — что и произошло. Катастрофа одного банка переполошила вкладчиков других, они тоже принялись забирать деньги, покатила повальная паника. Причем Морган, спровоцировавший ее, выглядел мудрым «пророком». Банки, чтобы расплатиться с клиентами, стали изымать средства, вложенные в различные предприятия и отрасли хозяйства, финансовая паника переросла в экономический кризис.

— А каковы были политические последствия?

— После кризиса на пост президента удалось провести Вудро Вильсона. Его программа «Новая свобода» представляла этого кандидата как защитника «маленьких людей», пострадавших от потрясений. Хотя на самом деле за ним стояли тузы Уолл-стрита — Морган, Шифф, Варбурги, Вандерлип и др. А непосредственно «великого президента» и стали серыми кардиналами при нем фи-

нансисты Мандел Хаус и Бернард Барух. И под предлогом того, чтобы не допустить подобных кризисов в будущем, в 1913 г. была создана Федеральная Резервная Система. Это аналог Центробанка, но система не является государственным учреждением, а представляет собой кольцо частных банков. Правительству США она не подотчетна, тем не менее ФРС получила право печатать доллары, ссужать их государству и определять его финансовую политику. Как отмечал конгрессмен Ральф Пэтмэн, «сегодня в Соединенных Штатах мы имеем, по существу, два правительства», одно конституционное, одно теневое.

— То есть кризис был вызван для проведения внутренних реформ в США, выгодных банкирам?

— Эти реформы, конечно же, не являлись самоцелью. Они стали инструментом, который использовался для колоссальных потрясений на международной арене. Одно из них — Первая мировая война. Воротилы, входящие в ФРС и в окружение Вильсона, очень крепко погрели руки на ней. Второе — революция в России. В ее финансировании и организации активно участвовали те же Морган, Варбурги, Шифф и т.п. Многочисленные доказательства этого приводились в книге профессора Э. Саттона «Уолл-стрит и большевистская революция», в недавно прошедшем на телеэкранах фильме Е.Н. Чавчавадзе «Лев Троцкий — тайны мировой революции», в моей работе «Нашествие чужих. Заговор против империи». Ну а после крушения России и военных бедствий была предпринята первая попытка глобализации и создания «мирового правительства», Лиги Наций. Из писем и дневников упомянутого серого кардинала Хауса известно, что целью ставилось мировое господство США. Америка должна была лидировать в Лиге Наций и навязывать другим странам свою волю под флагом защиты «демократических ценностей». Они провозглашались некой самодовлеющей величиной, а США выступали мировым учителем и контролером «демократии». Но антиглобалистские тенденции и в Европе, и в самой Америке оказались еще слишком сильны, и реализовать план не удалось.

— Но вернемся к теме нашей беседы. Пока мы разбираем последствия только одного кризиса.

— Второй был организован в 1920 г. В его механизме сумел разобраться конгрессмен Линдберг, в своей книге

«Экономические тиски» он писал: «Согласно закону о Федеральном Резерве, паники создаются на научной основе. Данная паника была первой, созданной научно, она была просчитана подобно математической задаче». Действительно, ФРС стала готовым инструментом для организации кризисов. В 1920 г. был резко сокращен кредит, банки получили указание требовать возврата долгов. Итог — разорение миллионов американских фермеров, их земли были по дешевке скуплены крупными финансовыми корпорациями. Кроме того, вылетели в трубу много мелких и средних предприятий и 5400 банков. Какая задача преследовалась? Как ни парадоксально, сокращение «классического» капитализма. На словах от него, разумеется, никто не отказывался, но уничтожалась база свободного предпринимательства. Весь американский бизнес должен был перейти под контроль группировки могущественных олигархов. Кризис 1920 г. начал этот процесс, Великая депрессия 1929 г.— завершила.

— За ее организацией стояли те же круги?

— Да, это доказано. Механизмы, приведшие к Депрессии, разобраны в работе Р.Эпперсона «Невидимая рука, или Введение во взгляд на историю как на заговор». В США развернулись широчайшие биржевые спекуляции, причем внедрилась методика продажи акций в кредит при оплате лишь 10 % стоимости. Для покупателей это было чрезвычайно выгодно. Но в договоры вводился пункт — при определенных условиях брокер был вправе потребовать в 24 часа вернуть полную сумму. Казалось бы, ничего страшного, если понадобится, владелец продаст часть акций и расплатится. Но по сигналу верхушки Уолл-стриты такое требование было предъявлено сразу многим держателям акций. Их выброс на биржу вызвал понижение стоимости. Тут же кинулись продавать другие владельцы акций, и произошел обвал. Известно, что в день «черного вторника» Бернард Барух привел на нью-йоркскую биржу своего друга Уинстона Черчилля — продемонстрировать собственное могущество и начало катастрофы мирового уровня. Сам Барух, как и его коллеги из финансовой элиты США Варбурги, Диллон, Кеннеди и пр., заблаговременно избавились от акций и ничуть не пострадали.

— Каковы же были результаты?

— Кризис был затяжным и очень тяжелым. А Федеральная Резервная Система, созданная вроде бы для предотвращения таких бедствий, наоборот, усугубляла его. Она вправе регулировать объем денежной массы, и стала резко сокращать ее. За 4 года количество денег, находившихся в обращении, уменьшилось с 45,7 до 30 млрд. долларов, более чем в 1,5 раза! Это затруднило расчеты, парализовало кредит, лопались банки, останавливались заводы, миллионы людей остались без работы, а то и без крыши над головой. После чего в 1932 г. финансисты провели на пост президента Франклина Рузвельта. Он со своей программой «Новый курс», как когда-то Вильсон, провозглашался защитником «маленького человека». Хотя его предвыборную кампанию возглавляли те же Хаус и Барух, который стал при президенте главным советником. И в команду Рузвельта вошли представители крупнейших банковских концернов.

— То есть, люди совсем не «маленькие»?

— Да уж какие «маленькие»! Рядовым американцам, наоборот, еще раз досталось. Под предлогом «антикризисных» мер Рузвельт провел радикальные преобразования. В апреле 1933 г. он отменил золотой стандарт — свободный обмен долларов на золото и осуществил принудительный выкуп золота у населения. Отказавшимся сдать золото грозило тюремное заключение или солидный штраф. А в октябре 1933 г., когда большую часть золота уже «выкупили», Рузвельт объявил о девальвации доллара. Обесценил бумажки, полученные гражданами за драгметаллы. Добавился еще ряд подобных шагов, и «антикризисные» меры ограбили американцев не меньше, чем сам кризис. Мелкий и средний бизнес в США был окончательно подорван. Разорилось 16 тыс. банков. А организаторы катастрофы скупали обесценившиеся акции предприятий, и в итоге 100 из 14 000 американских банков стали контролировать 50% активов страны.

— Получается, небольшая группа лиц обворовала все государство?

— Не только обворовала. Одним из тех, кто понял, что произошло, был конгрессмен Луис Мак Фэдден. Он писал, что ФРС «незаконно захватила правительство», что денежные ресурсы США отныне контролируются группой «Фест нэшнл банк» Моргана и «Нэшнл сити банк» Куна-Лоеба, и приходил к выводу: «В Соединенных

Штатах устанавливается мировая банковская система. Сверхгосударство, управляемое международными банками и промышленниками, чтобы подчинить мир своей воле». Мак Фэдден пытался выдвинуть официальное обвинение в ограблении народа и заговоре, дважды в него стреляли наемные убийцы, третье покушение удалось — он был отравлен. А Рузвельт в рамках тех же «антикризисных» мер менял и сам облик США, похоронил «классический» капитализм, отбрасывал демократические «свободы». Ввел планирование, регулирование экономики, жесткое вмешательство государственных ведомств в деловую и частную жизнь американцев.

— Но Великая депрессия поразила не только США.

— Да, это был первый из американских кризисов, перекинувшийся на другие страны. Особенно болезненным он стал в том государстве, которое сильнее всех было связано с американским бизнесом, — в Германии. И силы «мировой закулисы» использовали это, чтобы привести к власти Гитлера. Американские политики и спецслужбы заинтересовались им еще с 1922 г., а с 1923 г. его партия получала крупные суммы из-за границы. В окружении Гитлера очень отчетливо можно выделить «американский след», подробно я разбирал этот вопрос в своей книге «Антисоветчина». В частности, «финансовым гением» фюрера был Ялмар Шахт, тесно связанный с Уолл-стритом. Почти все предприятия в третьем рейхе, производившие оружие, были совместными, германо-американскими. По расчетам «мировой закулисы», Гитлер должен был сокрушить конкурентов США в Европе, а потом его требовалось столкнуть с СССР, чтобы они измочалили друг друга. А цель ставилась прежняя: мировое господство Америки. Так же, как после Первой мировой, создавалось «мировое правительство», ООН, верховодить там должны были США, а навязывать свой диктат остальным странам снова предполагалось под флагом «защиты демократических ценностей».

— И этот план опять сорвался?

— Он удался наполовину, в отношении Западного мира. Но СССР, вопреки всем ожиданиям, вышел из войны не ослабленным, а усиленным, очень быстро преодолел разруху, обрел свое ядерное оружие (перечеркнув план Баруха о ядерной монополии США). И пришлось вести длительные подрывные операции по раз-

валу Советского Союза. Кстати, отмена Рузвельтом золотого стандарта дала ФРС возможность печатать доллары вообще неограниченно, каждые 10 лет денежная масса примерно удваивалась, и потоки «баксов» заливали весь мир, вовлекая его в сеть финансовых игр. Был и еще один «промежуточный» кризис, в 1978 г. А результат — принятие в 1980 г. закона, который предоставил ФРС контроль над всеми депозитарными учреждениями США, независимо от того, имеют они отношение к ФРС или нет. И в этот раз нашелся конгрессмен, Ральф Пэтмен, председатель комиссии по банкам Палаты представителей, обративший внимание, что надо бы контролировать саму ФРС, потому что ее не проверяли со времени создания, с 1913 г. Ему повезло больше, чем Мак Фэддену. Его просто сместили с поста председателя комиссии.

— Как, по-вашему, будет протекать нынешний кризис?

— Он будет долгим, продлится, по крайней мере, несколько лет — с неожиданными поворотами и «наворотами», временными стабилизациями и новыми рецидивами. Ведь организаторам надо выбить из колеи обывателя, деморализовать, заставить метаться, вогнать в панику, чтобы он с радостью и с облегчением принял реформы, которые ему предложат.

— А что это будут за реформы?

— В предшествующий период, после Второй мировой войны, «закулисе» удалось превратить большинство западных обывателей в натуральных зомби — бездуховных, бескультурных, сытно жрущих, совокупляющихся, закливающих жизнь на покупках и потреблении, легко программируемых рекламой и средствами массовой информации. Сейчас будут внедряться механизмы управления этими зомби. А именно — жесткая диктатура. Причем сами несчастные американцы будут пребывать в уверенности, что у них сохраняется «демократия» (хотя ее уже давно упразднили, в Америке нет даже всеобщего избирательного права). Искренне поверят, что диктаторская система нужна во благо той же «демократии» и для их собственной пользы. Словом, США будут превращаться в Империю Зла не только по содержанию, но и по форме.

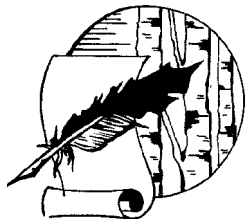
— А на международной арене?

— Так же, как в 1929—1933 гг. «мировая закулиса» обворовала американцев, теперь она обворует другие стра-

ны. И эти дела начались еще до кризиса, вспомним хотя бы отправку российского золота в «стабилизационный фонд». А в политическом плане будет сделан дальнейший шаг к глобализации. Можно привести пример. Допустим в некоем доме один жилец хочет контролировать остальных. Он устраивает прорыв отопительной трубы и заливает всех. Потом созывает собрание жильцов и предлагает: чтобы избежать таких бедствий, надо создать комиссию, которая получит право заходить в любую квартиру, проверять, указывать хозяевам. Сам автор диверсии при этом становится председателем комиссии. А жильцы, не желающие пускать ее, объявляются врагами — получается, что они подвергают опасности затопления весь дом. Следовательно, у них допустимо выламывать двери, их надо принуждать силой, наказывать.

— Как вы считаете, сможет ли нынешнее руководство России противостоять попыткам «выламывания дверей»?

— Вот это вопрос очень сложный. Ведь в самом этом руководстве наблюдаются слишком противоположные тенденции. Все знают, как оно дало отпор распоясавшимся грузинам, выражает озабоченность окружением России военными базами НАТО, нагнетанием антироссийских настроений у прибалтов, украинцев. Но почему-то в это же время вдруг появляются планы очередных военных реформ с массовым сокращением сухопутных войск, офицерского состава, прапорщиков. Как это прикажете понимать? Тут уж поневоле выстраивается эдакая логическая цепочка: нашу армию больше 20 лет, начиная с «перестройки», ломали и кромсали реформами, потом натравили Грузию, но оказалось, что войска еще боеспособны, и хотя бы грузин разгромить могут. Значит, надо еще сокращать... Получается, что в руководстве государства и вооруженных сил кто-то действует вопреки линии президента и премьер-министра? Вот и остается гадать, почему это оказывается возможным? А отсюда неоднозначным получается и ответ на ваш вопрос. Он будет зависеть от того, какие же силы и тенденции все-таки возьмут верх в российских высших эшелонах.

Валерий ХАТЮШИН

ЗВЕЗДНЫЙ СВЕТ...

* * *

И сирень, и каштан расцвели под окном,
значит, жизнь повернулась на лето.
Я запью эту радость печальным вином
горьковато-усталого цвета.

Отчего же не радует больше весна?
Что случилось во мне и в природе?
На каштанах и вишнях цветов белизна —
весть о скорой ненастной погоде.

Обесцветит ненастье сиреневый куст,
лепестки разлетятся по свету.
Снова сердце сожмет непонятная грусть —
значит, время приблизится к лету.

В тополиной метели осветится взгляд,
устремленный в небесную просинь.
И глядишь — одуванчики вдруг отгорят...
Значит, жизнь повернется на осень...

* * *

Июльской ночью нива так светла
и далеко видна в степи дорога.
Тоска моя, надолго ль ты пришла?
Побудь еще со мною, ради Бога!
Я не уйду отсюда до утра,
я побреду за солнцем в степь ночную,
и у чьего-то дымного костра
о всём прошедшем тихо потоскую.
О невпопад растраченной любви,
о детских снах, подернутых слезою,
о горьких днях в нахлынувшей нови...
Тоска моя, побудь еще со мною...

НА ПЕРЕЛОМЕ

Памяти Николая Кузина

Мое уходит поколение,
друзья уходят навсегда —
надежд познавшие крушение
в несносно подлые года.
Ожгло предательское время
огнем коварства их сердца,
оно несовместимо с теми,
кто верен правде до конца.
Друзей высокая дорога
откроет времени печаль
другим годам... Еще немного —
мы все уйдем в глухую даль,
последние, кто в поколение
хранит отцов великий дух
и в ком Победы отражение
таят глаза, душа и слух,
кто чуда ждал в растленном Доме,
жить не желая без борьбы,
служа любви на переломе
России, мира и судьбы.

НАКАНУНЕ

Хохот стоит над простором страны.
Вопли бесовские — в телерекламе.
В этом похабно галдящем бедламе
звуки родные уже не слышны.

Дикторов мерзких картавая речь.
Невыносимой попсы завыванья...
Знает о скором конце испытанья
Архистратига сияющий меч.

Наши сердца перед кровью большой
стойкой пропитаны анестезией.
Черные тучи плывут над Россией,
хмурое небо висит над Москвой...

В ПЛЕНУ

Позабыв об отваге,
проморгали страну.

Вся Россия — концлагерь.
Мы — в позорном плену.
Наших предков свершенья
стали здесь не нужны.
И смешны возмущенья,
и обиды — смешны.
Наши «братья» для смеху
подло кинули нас.
Мы врагам на потеху
сдали Крым и Кавказ.
Иномарки и тряпки
оказались нужней,
и шуршащие бабки
стали чувствам родней.
Мы на баксы и жвачку
разменяли страну.
И стоим враскорячку
в этом телеплени..

ЧУЖИЕ

Одна и другая — чужие,
и нас по краям развели
две силы — Москва и Россия,
два полюса русской земли.

Нам стала враждебна столица.
Нас выгодней перемолоть.
Не сможем мы с ней породниться
и слиться в единую плоть.

Она всё черней и развратней,
ей грязные слаще слова.
Всё дальше и всё безвозвратней
уходит от русских Москва.

И скоро, ощерясь клыками,
спеша опуститься в Содом,
она всем идущим за нами
устроит кровавый погром.

* * *

Ушел июль, и лето — на закате,
короче дни, прохладней вечера.

Я не жалею больше об утрате
бессонных гроз, гремевших до утра.

Прошедших лет не повернуть обратно.
Зеленым листьям суждено истлеть.
И обо всём, ушедшем безвозвратно,
довольно мне грустить и сожалеть.

Всё на земле уходит и проходит.
И скоро листья с ветром улетят.
Лишь облака и звезды в небосводе
на нас глазами вечности глядят.

Но верю, вновь зерном нальется колос,
цветок опавший снова расцветет,
и этот Божий дар — мой грустный голос
среди облаков и звезд не пропадет.

* * *

Не грусти, ты был поэтом.
Это что-то в мире значит.
Жизнь твоя надежды светом
для отверженных маячит.

Что с того, что небо хмуро
и деревья клонит ветер...
Не гляди на мир понуро,
всё познав на белом свете.

Было трудно. Было горько.
Одиноко. Ну так что же?
Ведь в окне — сияла зорька,
и тебя — любили тоже...

И в любимом, влажном взоре
ярких звезд играли блики...
Видел ты закат над морем,
журавлей ты слышал клики.

Все равно настанет лето.
Всадник ветра прочь ускачет.
Оглянись: ты был поэтом.
Это в мире что-то значит..

НА РУИНАХ ЦХИНВАЛА

Им долго жить в разрухе и печали,
золой и пеплом их не Бог занес...
Играл оркестр в разгромленном Цхинвале,
и невозможно было спрятать слез.

Больной стране еще одним уроком
предстала эта общая беда.
В зияющих, пустых глазницах окон
застыл предсмертный ужас навсегда.

Торжественно-молитвенные звуки
лились над черной копотью домов.
Росла надежда — этот свет Христов, —
в глазах, остывших от сердечной муки.

Услышав и запомнив каждый взрыв,
все обойдя руины и воронки
и скорбный лик ладонями закрыв,
стояла Богородица в сторонке.

Играл оркестр, во тьме горели свечи,
вкруг умолкли птичьи голоса,
и слушали недвижно небеса
его звучанье в этот горький вечер.

Поджали когти ястребы войны,
но жаждут жертв кавказские капканы.
Уж сколько лет разорванной страны
кровоточат бесчисленные раны!

Над нами Божьей Матери покров —
как изболевших душ анестезия.
Нас крепче свяжет пролитая кровь,
Осетия, Абхазия, Россия...

* * *

В Голицынском парке скамейки пусты,
в Голицынском парке — прохлада.
На клумбах широких сгорели цветы
в багряном огне листопада.

Аллеи безлюдны, качели — тихи,
устало-безмолвны деревья,
стада облаков, как немые стихи,
спешат в ледяные кочевья.

И вновь я простился с травой и листвой,
и лету сказал «до свиданья».
В Голицынском парке над хмурой водой —
небес и тепла угасанье.

Стою над водой и не холодно мне,
и прежнего нет сокрушенья.
Угрюмому сердцу спокойно вполне.
Бесслезны души сожаленья.

Дорога осенняя жизни моей,
недолгие годы земные
и сумрак остывших, увядших аллей
сошлись и слились, как родные.

* * *

Желтые бабочки в сером окне
трепетно кружатся, будто во сне.

Кто они? Что они? Отблески чьи?
Может, сгоревшие годы мои.

Может, мелькнувший из снов золотых
пепел угасших надежд молодых.

Может, забытые в сумраке дней
лица любимые жизни моей...

* * *

Шестьдесят остались за спиной.
Как ни странно, я их пережил.
Звездный свет струится надо мной —
золотая весть небесных сил.

Шестьдесят — серьезная пора,
откровенный разговор с судьбой,

каждый час опасная игра
с жизнью, смертью и самим собой.

Много было на веку борьбы,
слез, ошибок, взлетов и побед.
Столько лет всевластные жлобы
погружали нас в пучину бед!

Видел я большой страны распад.
Ясно помню все свои грехи.
Из тоски, падений и утрат
вырастали жесткие стихи.

Шестьдесят — мой невозвратный путь.
Не избыть его, не изменить.
Ни любви ушедшей не вернуть.
Ни шальных ночей не повторить.

Но живут на свете дочь и мать,
два родимых сердца на земле,
две души, которых не отнять,
звездный свет, струящийся во мгле...

Анатолий КОВАЛЕВ

НА ВОКЗАЛЕ ЮНОСТИ

ВСТРЕЧА

Ах, какие года пронеслись.
И какая война полоснула!
Угасает отцовская жизнь
И моя на закат повернула.

Мы, обнявшись, прижались к крыльцу,
Цвет герани в окошке мигает,
И слеза у отца по лицу
Торопливо, как жизнь, пробегает.

* * *

А то, что было, — мне уже
Не вычеркнуть из памяти:
Изба стояла на меже
Среди вишневой замяти.

Ткала мне бабка сказку вслух
О Соловье-разбойнике,
И на заре молочный дух
Витал и пел в подойнике.

И как турист, туман седой
Ночлежничал за речкою,
Где конюх — парень молодой
Звенел в лугах уздечкою.

И на виду всего села,
Знать, на правах хозяина,
Петух чечетку в два крыла
На крыше бил отчаянно.

...Бродили гуси косяком,
Шли ливни, землю радуя,
И детство мчалось босиком
В распахнутую радугу.

ГАРМОНИСТ

Где паслись избушки под горою,
Шел он, не окликнутый родней,
В пиджаке нерусского покроя,
В сапогах, живущих век чужой

Шел он не с победой,
Шел из плена
Без наград и званий — без всего,
И боялась узнавать деревня
Кольку — гармониста своего.

Только страшно мать заголосила,
Как слепая, бросилась с крыльца,
Тяжкий плен она ему простила —
Страшной правде веря до конца...

Перед теми,
С кем в одной колонне
Уходил на фронт он, как солдат,
Перед каждым домом с похоронной
Разве был он в чем-то виноват?..

Гладил он морщинистые стены,
И курил жестокий самосад...
Гармонист,
Вернувшийся из плена,
Человек,
Пришедший без наград...

* * *

Земля моя!
Ты вместо колыбели,
Меня качала в алых клеверах,
А над тобою
Жаворонки пели,
Невидимо качаясь на ветрах.

Жар-птицей детства
Ласточка летала,
Котенком ветер ластился к лицу,
Покуда мать
В лугах стога метала
И плакала украдкой по отцу.

Узнал я дух твоих сырых
Землянок.
Дорогу в школу — в восемь долгих верст,
Их пролетал в мороз я,
Как подранок,
Не замечая ни луны, ни звезд.

Ты дождь пила,
Ты в засуху кричала,
Меня будила с первым петухом.
Какую ж тяжесть
Ты в себя впитала,
Когда легла
На материнский холм...

ИНВАЛИД

Солнце в знойном костре догорает,
Над рекою осока шуршит.
Без ноги, на костыль опираясь,
Он духмяный покос ворошит.

В неумном рабочем порыве
Бьются грабли о землю крылом,
Перед ним придорожная ива
Наклонилась в поклоне земном.

И ни вздоха, ни жалобы горькой,
Только пот на рубахе рябой.
...Мне на двух
В жизни сделать бы столько,
Сколько сделает он на одной.

* * *

На вокзале юности моей
Не было больших очередей,
И в далекий или ближний свет
Был доступен каждому билет.

На вокзале юности моей —
Не встречал нарядных я людей:
Телогрейки, на ногах кирза,
И платки — по самые глаза.

На вокзале юности моей
Бедность всех нас делала родней:
Ломоть хлеба, кружку молока
Подносила добрая рука.

На вокзале юности моей
Проще было все и веселей:
Под окном дремал покорный конь,
Где-то разливала грусть гармонь.

На вокзале юности моей
Было много грустных матерей,
Прикорнувших вспугивал людей
Тяжкий стон усталых костылей.

От вокзала юности моей
К праздной жизни не было путей,
Потому на склоне трудных лет
Сожалений о прошедшем нет...

* * *

А с возрастом все любитя сильней,
А с возрастом все видится виднее,
От родинки в соцветии бровей
До жилки, что пульсирует на шее.

Целуя, пряди отвожу со лба,
Делю с тобой и солнца свет, и мысли,
И устоялась общая судьба,
Как ведра на высоком коромысле.

* * *

Осенние птицы поют на рассвете,
Озябшие крылья туманом прикрыв,
И громче других на распластанных ветвях
Выводит ворона картавый мотив.

Как всё на земле уготовано мудро!
Хоть иней на крышах и в лужицах лед,
Но с пения птиц начинается утро,
И солнце над миром под песни встает.

*Редакция журнала «Молодая гвардия» сердечно
поздравляет нашего автора Анатолия Арсентьевича
Ковалева с семидесятилетием.*

*Мы желаем поэту отменного здоровья и добрых
трудов.*

ЗА ЖЕЛТЫМИ ЦВЕТАМИ

* * *

Березовый высится крест
Меж пыльных дорожных извилин,
Такой охраняя секрет,
Который судьбе равносителен.

* * *

Обнять друзей, простить врагов,
От зла добром отгородиться;
Уйдя от милых берегов,
Чужими всуе не гордиться;
Сгорая, близких обогреть,
Себя понять, с природой слившись,
И незаметно умереть,
На светлый образ помолвившись.

ПРИТЧА

Я обращался к мудрецу
Не раз, не два, не три...
Шла сеть морщинок по лицу,
Сиянье — изнутри.
— И долг замучил и долги,
И нечем дорожить.
Скажи: как жить? — А ты не лги
И станет легче жить.
Я смысл искал в самой глубине,
Стал память ворошить.
Там пусто. — Как мне жить? — Люби
И станет легче жить.
Я дальше шел, тернист был путь.
Обиды встали в рост.
И на вопрос: как жить? — Забудь! —
Ответ был очень прост.
— Измены как перенести? —
Вновь перед ним затих.
И он сказал: — А ты прости
И станешь выше их...

* * *

Ты к Богу льнешь, не веря в Бога,
И сатана тебе не враг.
Не говори: виной — эпоха,
Судьбою вырытый овраг.

Но я тебя не порицаю —
Мы в нашем выборе вольны.
Лишь вспомни: сладко ль полицаю
Бывало в пламени войны?

Ах, не на ту свернул дорогу?
Ах, путь совпал с путем страны?!
Но выбор был — служенье Богу
Иль служба в стане сатаны.

ПАСХА

Бегут ручьи, набухли почки —
Шальной весны пришли денечки,
И сладко слышать мне окрест:
«Христос воскрес!»

Жена печет большую пасху
И режет конскую колбаску,
Шумит в волненье ближний лес:
«Христос воскрес!»

Доносит ветер: «Аллилуйя!»
Горит щека от поцелуя,
И яркий свет бежит с небес —
Христос воскрес!

Живи, мой друг, во славу Бога,
Да будет долгою дорога!
Не зря трясется в страхе бес —
Христос воскрес!

* * *

Наше время прошло. Наше время еще не настало.
Мы уйдем, не поняв гробовое молчанье страниц

И привычно грустя об ушедшей России устало,
О предательстве властью исконных земель и границ.

Жерновами годов перемолоты мысли и чувства,
И из этой муки мы для вас замесили хлеба,
Не надеясь, что их извлекут из загниоток искусства
И, отведав, поймут, что и нас не щадила судьба.

Не готовясь к борьбе, мы уныло по кухням роптали
И когда, наконец, повзрослев, перестали роптать,
Стало ясно как день, что Россию жестоко пытали,
Но сумела она после пыток невыносимых встать.

И откуда взяла столько сил и сокрытого духа?!
Пошатнувшись не раз, в нашу сторону сделав шаги,
Обозначила крест, словно в спину крестила старуха,
И шепнула чуть слышно: «Убогим, Господь, помоги...»

Мы вернемся еще на страницы правдивых изданий,
И под шелест листвы, и под шорох осенних дождей
Вы услышите боль безысходности наших метаний,
И проклятья падут на потомков продажных вождей.

* * *

От городской устану суеты,
Захочется душе переворота —
Уйду туда, где желтые цветы
По склону убегают за ворота.

Где никуда не надо мне спешить,
Где все так чисто и первоначально
И где закат, всполохами прошит,
Задумчиво струится и печально.

Лишь окунувшись в эту благодать,
Я, может быть, подумаю впервые:
Вот отчего добры отец и мать —
Крестьяне, хлебопашцы рядовые.

Захочется быть чище и родней,
Проникнусь обжигающей тревогой
За все: от перелеска до камней,
От речки до оврага за дорогой.

К РОДНЫМ ИСТОКАМ

* * *

Вот и суди, по чьим расчетам
На нас свалилось столько бед:
Спустили старое болото,
А вместе с ним
И клюквы нет.

Была река.
А что осталось?
Поди, разуй свои глаза:
Там, где всегда она плескалась
Волною чистой, как слеза, —

Сухой помет, ветла-горюха,
Осоки ржавое тряпье.
Убили реченьку Теплуху,
А мы ведь пили из нее!

* * *

Россия-мать!
За твой простор,
За радость первых слез,
За чистоту твоих озер
В тени густых берез,
За теплоту твоих снегов,
За твой небесный свет
И даже за твоих врагов,
Которым счету нет,
Твой сын готов
Хоть в мир иной,
Не знать бы только дня,
Когда т у д а
Пойдут со мной,
О б р а т н о —
Без меня!

* * *

Я вновь иду к своим истокам:
Суди меня, родимый дом,

Своим крутым,
Своим высоким
И самым праведным судом!

Судите, горькие осины,
И ты, седая лебеда,
Как судит мать
Родного сына,
И то, наверно, не всегда.

Я припаду к землице милой,
К порогу отчему прильну:
— Судите!
Больше я не в силах
В себе носить свою вину!

Мне острый нож —
Очаг без дыма,
Пустое поле без межи.
Ты узнаешь меня, родимый?
Скажи.
Хоть что-нибудь скажи!

Ведь я же ел твой хлеб когда-то,
Играл у твоего плетня.
Ты вспомни.
Смотрит виновато,
Видать, не узнает меня.

* * *

Где ж вы, нивы мои и луга?
Где ж ты, речка Теплуха?
Только хмель да сухая куга,
Да кукушка-горюха.

Где ж ты, милое сердцу окно,
Сказка отчего дома,
Где, как сказано было давно,
И солома едома?

В старой бане проснусь на заре,
Поброжу наудачу,

И на стылом глухом пустыре
Потихоньку поплачу..

* * *

Теперь мне что-нибудь попроще:
Речушка,
Сизая ветла,
Вдали желтеющая роща,
Дымки случайного села,

Где грядки перед каждым домом,
Где маки празднично горят,
Где даже вовсе незнакомым,
Как близким, «здравствуй» говорят.

* * *

Окружены оградкой тесною,
В осеннем парке, за окном,
Стоят, как тени бестелесные,
Деревья в сумраке ночном.

И только тихо-тихо шепчутся,
Не нарушая тишины.
О чем? О бренности? О вечности?
О том, что ночи холодны?

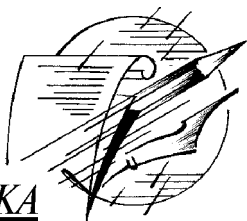
А может, проще: думы грустные
Одни и те же много лет
О том, чего мы и не чувствуем,
Чему у нас названья нет?

Виталий АВЕРЬЯНОВ,
Петр МУЛЬТАТУЛИ

ДРУГОЙ ЦАРЬ И ДРУГОЙ СТАЛИН

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ РОССИЯ

Тем, кто вслед за советскими историками продолжает безапелляционно осуждать отречение царя, было бы вполне достаточно ознакомиться с творчеством Михаила Кольцова, чтобы понять всю легковесность собственных утверждений. Кольцов, рассуждая об обстоятельствах так называемого «отречения», писал: «Где тряпка? Где сосулька? Где слабовольное ничтожество? В перепуганной толпе защитников трона мы видим только одного верного себе человека — самого Николая. Нет сомнения, единственным человеком, пытавшимся упорствовать в сохранении монархического режима, был сам монарх. Спасал, отстаивал Царя один Царь. Не он погубил, его погубили». Эти строки стали широко известны в наши дни благодаря неоднократному переизданию исторического сборника 20-х годов под общим названием «Отречение Николая II». Кстати, последние исследования обстоятельств «отречения» убедительно доказывают, что Государь не только не отрекался добровольно, но и что сам факт подлинности так называемого «манифеста»

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

об отречении вызывает самые серьезные сомнения.

Падение нашей монархии было выгодно не только Германии, но, как это ни парадоксально, и союзникам по Антанте. До недавнего времени оставалось тайной то, что Николай II добился от них признания за Россией права на черноморские проливы, Константинополь, Средиземноморское побережье и даже Палестину. Так называемым «союзникам» нужно было, использовав Россию, вывести ее из победоносной войны, поскольку в противном случае она становилась глобальным лидером. Когда монархия в России пала, британским премьером Ллойд-Джорджем был дан этому весьма красноречивый комментарий: «Одна из целей войны для Англии, наконец, достигнута».

Глупо и антиисторично отрицать, что в советский период страна достигла огромных успехов в области науки, культуры, образования, здравоохранения, социальной политики. Так же, как и отрицать, что Советский Союз был величайшей мировой державой, без которой не могло быть принято ни одно значимое решение в международной политике. Другое дело, что эти успехи могли быть достигнуты гораздо раньше, в начале XX века.

Например, рассуждая о большевистской модернизации, Сергей Кургинян констатирует: «Если бы это сделал царь — было бы в чем-то лучше. По крайней мере, крови было бы очевидным образом меньше». Но царь не только «мог бы» это осуществить, он эту модернизацию осуществлял! Для чего и понадобились кадеты и большевики? Первые, чтобы убрать царя, вторые — чтобы ввергнуть страну в Гражданскую войну и тем затормозить, если не уничтожить, естественный рост могущества Русской цивилизации.

Сергей Кургинян верно замечает: «Что же касается красно-белых полемик, то они себя во многом исчерпали. Прошло время, когда можно было проклинать или восславлять. Нужно научиться понимать. Нужно отказаться от расхожих клише и категоричностей».

Но сегодняшнюю борьбу между красными и белыми, эту продолжающуюся гражданскую войну в умах нужно изживать вовсе не потому, что страна слишком долго была терзаема данным противостоянием и устала от него. Это не недуг и не род социальной шизофрении.

Последствия этой борьбы должны быть преодолены потому, что теперь становится все более и более ясно — дистанция между красными и белыми, между Лениным и «февралистами» не так уж и велика. Они делали одно дело — разрушали Россию. «Белые республиканцы» начинали — «красные радикалы» заканчивали.

В газете «Завтра» Сергей Кургинян затрагивает тему «ритуального убийства»: «На месте власти (такой, которая есть) я бы отер холодный пот. Чьи ритуалы, какие ритуальные убийства? Зачем это все сооружали агитпроп Белой армии в ходе Гражданской войны, эмиграция в ходе борьбы с СССР и так далее — понятно. Естественно, говорилось — чьи убийства и что за ритуалы».

Но какие белые и когда говорили про ритуальное убийство? Существуют книги следователя Соколова и генерала Дитерихса. Где же там тема ритуального убийства? И уж тем более, нет там разъяснений «ритуалов» и их исполнителей! Впервые о ритуальном убийстве Царской семьи написал человек под псевдонимом Энель, исследователь кабалистики, никакого отношения к белым не имевший. Белые же убийство Царской семьи вообще замалчивали, так как им было совершенно невыгодно пропагандировать это событие, поскольку они боялись, что их причислят к монархистам. То же касается и использования «ритуальной» темы для борьбы с СССР. Вообще же безапелляционное обращение с данной темой подозрительно напоминает мнение правительственной комиссии времен Ельцина и Немцова.

Кстати, среди так называемых белых образца 1918 года главным советником антантовского генерала Жанена числился родной брат Якова Свердлова — Зиновий Свердлов, прикрывавшийся фамилией Пешков. Именно он курировал с «белой» стороны все обстоятельства Екатеринбургского злодеяния, а затем организовал вывоз вещественных доказательств по делу следователя Соколова.

Но мы говорим о другом. Нас пытаются уверить, что Император Николай II и все та же мифическая «белая элита» погубили страну. Мысль эта не нова и повторена сотни раз разного рода недоброжелателями Николая II. В последний раз ее воспроизвел телеведущий Владимир Соловьев и «большой эстонский писатель» Михаил Веллер. Здесь нет возможности снова, в который раз опровергать это голословное и антиисторическое утвержде-

ние. Достаточно вспомнить констатацию Уинстона Черчилля, что сила государства определяется не теми поражениями, которые оно претерпело, а теми ударами, которые оно вынесло, и той мощью, которую оно развило. Именно империя Николая II в нечеловеческих условиях всеобщего противостояния, когда Россия вела борьбу с самыми могущественными силами Запада, вплотную подошла к исторической победе в Первой мировой войне, победе, оплаченной кровью ее солдат и огромным напряжением ее народа. Но участвовать в этом триумфе ей не дали!

Хотя, как говорят, история не терпит сослагательного наклонения; все же порой представляется полезным видеть и альтернативные сценарии развития событий. Какой была бы Россия-победительница в войне под руководством Императора, сумевшего во второй раз обуздать внутреннюю Смуту и переиграть международный заговор? Несомненно, это была бы держава с собственной передовой индустрией, авиацией, подводным флотом, рекордными темпами роста экономики, культуры, образования, с лучшим кинематографом и искусством, завораживающей архитектурой, и при этом с мощной армией, сдерживающей нестабильность не только на Востоке, но и на Западе. Возникла бы иная мировая система, другая Лига Наций, другое международное право, основанное на православной морали и русском понимании справедливости. Мир, скорее всего, развивался бы без доминирующих коммунизма и нацизма, без Дрездена, Хиросимы, Багдада, Белграда и Беслана.

В действительности, история могла бы пойти совсем по другому руслу. Кровавых событий 30-х годов и Второй мировой войны можно было избежать, если бы в 1917 году русские войска вошли в Берлин, а российское общество нашло бы в себе силы объединиться вокруг царя и отложить государственные преобразования на послевоенный период. Но властная элита дала вовлечь себя в безответственные политические игры, правила которых были разработаны вне пределов России. Расплачиваться за эту безответственность пришлось царю, который был убит со всей семьей в Ипатьевском доме, и народу, понесшему миллионные жертвы.

Император Николай II несомненно являет собой пример нравственного политика. Он не видел власти вне

категорий долга, и от своих подчиненных также ждал ответственности за судьбы Родины. Своим примером Император Николай II полностью опровергает расхожее представление о том, что «политика — грязное дело». Она становится таковой, когда ее вершат грязными руками. Николай II считал, что цель никогда не оправдывает средства, а решение великих задач не списывает огромные человеческие потери. Не вина Николая II в том, что ограниченное и близорукое российское общество не осознало драматизма переживаемого момента и не разобралось в планах своего Государя.

НА ТОЙ ЕДИНСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ...

Примером такого непонимания служат работы Юрия Мухина. При этом Мухин — автор весьма достойной книги, где вскрываются ложь и фальсификации «Катынского дела». Почему же Мухин, когда пишет о Николае II, опускается до такого же антироссийского подлога, в каком он справедливо обвиняет своих оппонентов по Катынскому делу?

Так, в одной из своих книг «Россия. Еще не вечер» Мухин пишет о царе буквально следующее: *«Чтобы как-то сгладить то впечатление, которое производила отстраненность семьи Романовых от войны, Николай II в конце лета 1915 г. возглавил армию, но совершенно ею не руководил и даже доклады слушал с явно читаемым выражением на лице: «Как мне все надоели!» Между тем при наличии царя в Верховных главнокомандующих начальник штаба Ставки генерал Алексеев по-настоящему командовать не мог... В разгар войны Николай II, главный дворянин России, изменяет присяге, не забыв оговорить разрешение выехать за границу, пока не наступил мир. Октябрьская революция 1917 г. была справедливой — это была удачная попытка стряхнуть с шеи России жидов, на тот момент — дворянских и капиталистических. А Николай II, зашив в подкладки платьев дочерей бриллианты, размышлял где-нибудь скоротать деньки в приятном ничегонеделании и в занятиях любимой фотографией».*

Если бы мы не знали, что приведенные выше строчки принадлежат перу Мухина, то решили бы, что их написала какая-нибудь троцкистская дрянь или современный бесноватый «демократ». Рукоплескали бы Мухину

и откровенные западные русофобы, ненавидящие Николая II. Ведь здесь каждое слово о Государе является ложью — причем такой примитивной и легко опровергаемой, что удивляешься: неужели «Катынский детектив» и «Антироссийскую подлость» написал тот же человек, что и автор подобного вздора?

Мухин, конечно же, не русофоб. В народе таких называют: «без царя в голове» — в прямом и переносном смысле. Открыто называя себя противником православия, не веруя в Бога, выдумав какую-то свою теорию о жизни «душ после смерти», он просто обязан быть врагом Николая II, и он им является. Он продолжает воевать на «той единственной гражданской», которую не выбьешь из голов как новоявленных «красных», так и «белых».

Нельзя не согласиться, что порой аргументы антикоммунистов не выдерживают никакой критики по той же причине — они опрощают историю, только делают это с другим знаком. Так, Сергей Кургинян весьма уместно обличает подобный подход, приводя следующие слова протоиерея Георгия Митрофанова из интервью Интерфаксу: «Мы и так уже чрезвычайно опоздали с процессом декоммунизации нашей страны. Мы оказались в двусмысленном положении: русский народ, главная жертва коммунизма в мировой истории, ведет себя, по существу, как народ, ощущающий свою духовно-историческую преемственность по отношению к этому режиму. Как будто всех по-прежнему пытаются убедить, что русский — это коммунист, а самый последовательный коммунист — это именно русский. Это кощунство, когда жертва отождествляется с палачом».

Вообще у о. Георгия есть много высказываний, с которыми, мягко говоря, нам согласиться не позволяют ни убеждения, ни исторические факты. К ним, прежде всего, относятся: героизация предателя Власова и власовщины, очернение всего советского периода нашей истории. Так же, как не может не вызывать недоумение и заявление о. Георгия о недопустимости служения панихид по Сталину. Как известно, по Сталину панихиды служил сам Святейший Патриарх Алексей I, который хорошо знал Генералиссимуса, причем эти панихиды были частными, и никто Патриарха их служить не заставлял. И, наверное, Святейший Патриарх лучше разбирался в этом вопросе, чем о. Георгий. Нельзя согла-

ситься с о. Георгием и в том, что русский народ ощущает себя духовно-историческим преемником коммунистической власти и «жалеет» о гибели советского режима.

Жалеть надо страну, а не режим. И народ жалеет именно страну. Народ чувствует, что Сталина кроют в основном те, кто разрушал государство в конце 80-х. Кроме того, Сталин был Верховным Главнокомандующим в самой страшной войне. В нашем народе жива еще память об этой великой трагедии, и народ чтит память того, кто привел его к Победе. Все это вовсе не означает, что наш народ хочет повторения всего, что творилось при Сталине. Нет, он не хочет ни концлагерей, ни «черных воронок», ни колхозного строя. Во все времена люди жаждут справедливости и исторической правды. И мы должны об этой правде говорить, а вместо правды нам снова навязывают разделение на «проекты» — красные и белые!

КАКОЙ «КРАСНЫЙ» ПРОЕКТ?

Некоторые из апологетов «красного проекта», утверждая на каждой странице, что Сталин явился «продолжателем Великого Октября», оказывают ему медвежью услугу, ибо как раз Сталин этим «продолжателем» не являлся.

Мы не чужды «красному проекту» в его пафосе социальной справедливости. Мы исходим из того, что страна и народ через страдания и огромные жертвы изжили зло и разрушения Смутного времени. Но не верим в пропагандистский блеф о «преемственности» развитого социализма резонам пламенных революционеров. Россия 70-х годов XX века уже давно переварила этих, по выражению Салтыкова-Щедрина, «нивелияторов» и всю их патологию, потому и понадобилась бесноватым разрушителям перестройка, что их предыдущая революция задохнулась. В «Русской доктрине» мы и наши единомышленники писали о событиях прошлого столетия: «Революционные перевороты и преобразования не вытекали из естественного хода русской истории, не были вызваны глубинными запросами нации, а являлись формами глубочайшего кризиса русской элиты, неспособности сформировать национальную доктрину и выстроить вокруг нее здоровый и сплоченный правящий слой».

Сомнителен, мягко говоря, тезис о том, что СССР победил в Великой Отечественной войне за счет коммунистической идеологии, а не вопреки ей. (Известны слова Сталина: «Русский народ воюет не за нас, коммунистов, а за Матушку-Россию».)

И когда разрушение СССР именуют «обменом с потерей качества», «метафизическим падением», тем паче таким обменом и падением следовало бы назвать 1917 год и тем большим безумием явились убийство членов Дома Романовых, государственный террор и Гражданская война.

Революция была не «избавлением», а извращенным кровавым и порочным исходом из кризиса. Далеко не оптимальным. Миллионы русских людей (под словом «русский» мы понимаем всех подданных России) легли костями, чтобы этот чудовищный исход не состоялся. Это те, кто был замучен в подвалах ВЧК, расстрелян как заложник, закопан заживо во время рассказывания, утоплен на Неве в баржах палачом Зиновьевым, это те, с кого сдирали заживо кожу в Одесской чрезвычайке, кто был задушен газами в тамбовских лесах, спущен под Кронштадтский лед; те, кому прибивали гвоздями погоны к плечам, выкалывали глаза, распинали на Царских вратах в церквях и соборах. И это были не только офицеры и дворяне, но и крестьяне, казаки, рабочие, православные священники, а также мусульманские имамы, иудейские раввины, буддистские ламы.

Такова ли цена модерна, такова ли изнанка развития? О сути и смысле развития поговорить стоит отдельно — слишком бережного и серьезного отношения требует эта тема.

Известно, что дворян и генералов в рядах Красной армии было больше, чем в Белой. Поэтому обвинять врагов «красного проекта» в том, что они ненавидят свой народ, только на основании их социального происхождения вряд ли возможно. Разве не известно, что под командованием Колчака воевало 150 тысяч солдат-рабочих, добровольно вступивших в Белую армию? Семь тысяч из них попали в плен к большевикам и были ими хладнокровно расстреляны. Семь тысяч русских рабочих методично — выстрелами в затылок — были убиты! Как можно говорить о какой-то безоговорочной поддержке народом «красного проекта»?

Никогда и никто не наносил народу России такого вреда, как большевизм Ленина, Свердлова и Троцкого. Никто и никогда не сумел организовать такой широко-масштабный геноцид нашего народа, как большевизм 1918—1929 годов. Это был преступный, людоедский режим, в значительной мере навязанный нам извне. Поэтому утверждать, что русский народ выбрал такой «красный проект», — это клеветать на русский народ.

Что же касается инородцев, то, безусловно, они сыграли огромную роль в большевистском успехе в 1918—1919 годах, тогда, когда у красных не было регулярной армии. Общеизвестно, что большевики широко использовали китайцев, прибалтов, венгров, немецких и австрийских военнопленных для расправы с народными восстаниями. Также ясно, что в большевистском руководстве было значительное число людей, которые являлись агентами влияния западных спецслужб и тайных организаций. Отрицать это можно только находясь по ту сторону исторической правды.

ДВА ЛИКА РОССИИ

Сразу оговоримся, что нам претит модное, но нелепое, по нашему мнению, понятие «православный сталинизм». Нельзя быть «православным сталинистом», «православным коммунистом», или «православным националистом». Понятие «православный» может сочетаться только с одним понятием — христианин. Мы также далеки от того, чтобы видеть в Сталине единственный «свет в окошке», единственно великую личность в русской истории. У Сталина были фундаментальные просчеты, были и тяжкие грехи перед русским народом. Говоря о роли, которую сыграл Сталин в 30-е годы, нужно помнить, что Сталин был частью той жестокой эпохи и, следовательно, как и его эпоха, был жесток, неразборчив в средствах, и, не жалея людей, рассматривал их преимущественно как ресурс в политике.

Но, будучи жестоким и даже порой беспощадным, Сталин, тем не менее, не был ненавистником России. Более того, в отличие от Троцкого и Ленина, Сталин видел будущее советской власти воплощенным в сильном государстве, в том государстве, которое принято называть «советской империей». А «советская империя»

могла базироваться только на русском патриотизме. Сталин это понимал и последовательно, хотя и осторожно, придавал СССР облик исторической России, сделав существенные шаги в сторону восстановления национального самосознания.

Именно Сталин, начиная с середины 20-х годов, в невероятно тяжелых условиях исподволь сумел уничтожить всю головку большевизма с его человеконенавистнической и антирусской идеологией. Уничтожив Коминтерн и восстановив Патриаршество, он нанес большевизму в России такой удар, от которого тот уже не смог оправиться. При этом Сталин сумел оснастить державу современной промышленностью и вооружением и добиться победы в великой битве 1941—1945 годов.

Не вызывает никаких сомнений, что Сталин в период своего единоличного правления явно был сторонником скорее национального великорусского государства, чем интернационального образования. Об этом свидетельствует вся сталинская идеология военных и послевоенных лет. Нам, естественно, будут возражать, что все это он делал из-за политической конъюнктуры и «патологической» любви к власти. Не желая вдаваться в споры, заметим лишь одно: по каким бы причинам Сталин ни принимал те или иные решения, направленные на защиту и усиление России, важно то, что он их делал.

Народ, который не захотел иметь над собой Божьего Помазанника, получил сурового и беспощадного Диктатора, в котором отразилась вся противоречивая послереволюционная эпоха. Сталин, в силу своих субъективных и объективных качеств, был далеко не худшим вариантом возможного развития событий в послереволюционной России. В отличие от пришедшей к власти радикальной секты, ненавидевшей и презиравшей Россию, Сталин себя от страны не отделял. Он был плоть от плоти послереволюционной России, хотя и впавшей в грех богоотступничества, но в душе не утратившей веры в Высший Промысл. Сталин не предал Россию, не отдал на съедение троцкистам, не проиграл ее нацистам и не продал либеральному Западу.

При попытке объективного взгляда на Сталина из лагеря сторонников «белого проекта» раздаются обвинения в «сталинизме». А когда заявляешь, что Николай II был великим государственным деятелем, из преслову-

того «красного проекта» слышатся обвинения в «монархизме». Что тут сказать? Только одно: наше общество по-прежнему живет разными «измами», не желает осмысливать собственную историю, остается, по пушкинскому выражению, «ленивым и нелюбопытным».

Наша цель не апология Сталина, а попытка разобраться в том, что произошло с нашей страной в 30-е—50-е годы. Надо помнить и учитывать, что для сотен тысяч людей имя Сталина связано с гибелью и мучениями их родных и близких, связано с усеянным костями Беломорканалом, ГУЛАгом, с взорванными храмами, с голодом и бесправием. Ряд решений Сталина по геополитическим вопросам (например, о включении Южной Осетии в состав Грузии) отзывается кровавым эхом по сей день. Но точно так же надо помнить и учитывать, что для не меньшего числа людей имя Сталина связано с успехами и выдающимися достижениями, с развитием промышленности и прорывами в науке, наконец, с Великой Победой. Сталин, как бы к нему ни относились, был и остается Верховным Главнокомандующим нашей армии—победительницы в самой кровавой и тяжелой за всю историю человечества войне. Профиль Сталина отчеканен на медали «За победу над Германией». И только Сталин — единственный из советских, да и постсоветских деятелей поднял тост «За здоровье русского народа».

Поэтому оскорбление памяти Сталина, а тем более глумление над ним оскорбляют и Россию. В пьесе Э.Ростана «Орленок» французский офицер королевской армии вызывает на дуэль человека, непочтительно отозвавшегося о Наполеоне. И когда этого офицера с недоумением спрашивают: «Как, вы, посланец короля, вы заступаетесь за Бонапарта?» — офицер отвечает:

*Нет, дело здесь о Франции идет,
И Франции наносят оскорбленье.
Кто смеет оскорблять того,
Кого она любила?*

Так и со Сталиным. Когда всю эпоху 30-х—50-х годов, все что в ней было хорошего и ужасного, сводят только к его имени, это не только несправедливо, но и не исторично, а потому вредно для нашего будущего. А именно о будущем России, о ее процветании и благополучии мы должны думать в первую очередь.

Сталин в эпоху своего правления был вынужден выполнять те же задачи развития, которые враги России руками «февралистов» не дали выполнить Николаю II, сорвав наш триумф в Первой мировой войне. Однако эти же задачи Сталин решал на гораздо более непрочном фундаменте, в стране, отброшенной революцией назад на многие десятилетия, в стране с надорванным духом, с разрушенной ментальностью. Отсюда та жестокость, кровь и сверхусилия, с которыми был сопряжен прорыв 30-х годов, отсюда и невиданные жертвы Великой Отечественной войны.

Поэтому мы категорически не принимаем конспирологические теории, связывающие отмечание в 2008 году 90-летия убийства Царственных Мучеников с желанием подыграть США с их «неделей поработенных народов». Сегодня мы каемся не за «мнимый грех», не за то, что наши предки убили Царскую Семью, а за то, что они позволили состояться этому лютому злодеянию, положившему начало трагедии всего народа, каемся потому, что и нам сегодня нужна метанойя — «перемена ума» — и пытливое переосмысление своего прошлого, а не повторение придуманных «старшими товарищами» агитационных клише.

Россия — не Запад и не альтернатива Западу. Россия — это Россия и только Россия. Запада может и не быть, а Россия будет — вот что нужно помнить всем и всегда.

Несмотря на попытки «февралистов» и свердловых-троцких, совместные усилия международных финансовых олигархов и международных революционных мафий вогнать ее в свои проекты, самобытность нашей цивилизации не исчезла, не иссякла.

Нам нужен не самоповтор «красного проекта», а новое открытие собственной цивилизации как исторического синтеза, выстраивания преемственности с тысячелетней Россией. Не только со сталинской, но и с николаевской, с Россией Бородина 1812 года, с Россией Полтавы 1709 года, и с Московской Русью.

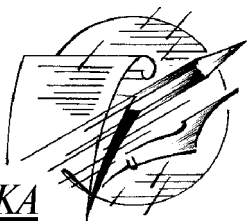
В такой оптике Николай II и Сталин не только совместимы, они представляют собой два лика России, восстановление, несмотря на революционный разрыв, социальной ткани Отечества. Их союз в надысторическом измерении есть не смешение ценностей, а утверждение, что России — быть. Быть, несмотря ни на что!

Владимир БОЯРИНЦЕВ,
Людмила ФИОНОВА

ТРАГЕДИЯ МОСКВЫ

За годы «реформ» Москва стала самым желанным местом, куда стремятся попасть люди со всей России, из ближнего и дальнего зарубежья. В Москве есть работа, здесь высокий уровень зарплат, здесь большие возможности для образования, лечения, здесь самое высокое качество жилья, обслуживания. Москвичи имеют самый высокий уровень доходов и вообще уровень жизни, несоизмеримый с таковым в провинции, потому что Москва стягивает на себя до 80% денег России.

Уродливая концентрация капиталов в столице привела к уродливому разрастанию города. Москва превращена в гигантскую стройплощадку. Ежегодно в городе вводится в строй рекордное количество — около 5 миллионов квадратных метров жилой площади. Но в муниципальный фонд идет только 13% жилья, остальное продается. Но кому? Новые дома заселяет в основном приезжие, способные платить за квадратный метр уже более 5 тысяч долларов. Квартира в панельном доме на окраине Москвы сегодня стоит дороже, чем квартира в Нью-Йорке на Манхэттене. Продав типовую двухкомнатную квартиру в

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Москве, можно купить приличный дом в одной из европейских столиц. И все-таки московские квартиры покупают.

У кого нынче такие деньги? У воров, взяточников, наркоторговцев, у владельцев рынков, борделей, банков, казино... Эта публика, а также нищие иностранные рабочие и наполняют «демократическую» Москву. Среди этого пестрого многолюдства русские составляют уже меньшинство. По данным «Национальной газеты» (№1, 2003 г.), в Москве на 1 января 2003 года проживали: азербайджанцы — 1,5 млн., татары — 900 тыс., армяне — 600 тыс., евреи — 500 тыс., грузины — 300 тыс., цыгане — 300 тыс., молдаване — 300 тыс., чеченцы — 300 тыс., вьетнамцы — 240 тыс., таджики — 200 тыс., китайцы — 200 тыс., узбеки — 150 тыс., афганцы — 100 тыс., башкиры — 100 тыс., дагестанцы — 100 тыс., чувашаи — 60 тыс., ингуши — 50 тыс., африканцы — 50 тыс., турки — 15 тыс., курды — 20 тыс., греки — 20 тыс., другие — 230 тыс. Итого — 6 200 000 иностранцев и граждан России неславянской национальности. Всего в Москве, по данным переписи, на тот момент проживало 10,5 млн. жителей. Таким образом число русских составляло 3,36 млн. или 31%. И ситуация непрерывно ухудшается.

Власти Москвы и ее мэр целенаправленно и энергично превращают Москву в нерусский город. Является ли основой такой миграционной политики стремление к сиюминутной прибыли без заботы о последствиях или это **намеренное** разрыхление славянского социума — в любом случае такая политика способствует ослаблению России.

«Москва стала похожа на большой рынок с не нашим лицом. В столице России не услышишь грамотной русской речи... Я все время думаю, что нас ждет, и судьба Сербии воспринимается еще более, потому что, как только в процентном отношении уравниваются коренное население и пришлые нации, начинаются проблемы. Так получилось в Косово, то же самое может случиться в Москве...» (депутат Государственной думы IV созыва И.Савельева).

Традиционные обитатели столицы — высококвалифицированные специалисты, рабочие, инженеры, ученые, писатели, артисты, художники — вымирают от нищеты, уезжают за рубеж, не рожают детей. Их вытесняют мигранты из ближнего зарубежья — как правило,

люди низкой квалификации, претендующие на места дорожных и строительных рабочих, базарных торговцев. Более образованные завладевают банками, отелями, магазинами, рынками. Их ставленники активно внедряются в муниципальные властные структуры, в милицию, ГАИ, способствуя криминализации этих структур. Приезжие составляют большинство действующего в Москве криминалитета.

Пренебрегая всеми санитарными нормами, т.н. гастарбайтеры ведут «точечную застройку», притыкая дома вплотную к уже существующим, экономя немалые суммы на прокладке новых коммуникаций. В результате коммуникации Москвы перегружены и изношены на 70—80%. Уже наблюдаются колебания напряжения в электросетях, протечки водопровода и канализации, которые могут обернуться эпидемиями.

Стройку ведут неквалифицированные люди. Хозяева, озабоченные только наживой, нанимают людей с улицы, мигрантов, пренебрегают нормами строительства. Мягкие, пронизанные мелкими речками почвы Москвы непригодны для возведения небоскребов, предостерегают специалисты, избыточное давление может спровоцировать землетрясение. Однако строительство многоэтажек ведется ударными темпами. Город уже просел примерно на 5 метров, идут многочисленные провалы грунта. Трагедия Трансвааль Парка — только начало эры городских катастроф. Хотя в городе уже действует около 200 инициативных групп по борьбе с точечной застройкой, власти игнорируют их аргументы, для властей Москва — площадка для извлечения прибыли.

Активную роль в этом играет жена «лучшего мэра» Елена Батурина, занимавшая в 2007 году в списке «Золотой сотни» журнала «Forbes» 30-е место с капиталом 3,1 млрд. долларов, но составители списка, которые обычно приводят краткую биографию олигархов, на ее счет ограничились такой информацией: «Гражданская жена мэра Нью-Йорка Майкла Блумберга Дайана Тейлор — госчиновник, трудится в банковском департаменте правительства штата Нью-Йорк. Супруга мэра Мадрида Мария дель Мар Утрера — домохозяйка, воспитывает четверых детей. Жена лорд-мэра Мельбурна Венди Чен возглавляет Комитет жены лорд-мэра — этот институт за 40 лет существования собрал и потратил на

благотворительные цели около 1,4 млн. долларов. Жена мэра Москвы Елена Батурина за годы правления своего супруга приобрела на подведомственной ему территории капитал в 3 млрд. долларов. Нужны комментарии?»

Дающее баснословные доходы его организаторам московское строительство планомерно и безжалостно уничтожает исторические здания, просторные площади, придававшие Москве ее неповторимый облик. В старинную русскую застройку как попало втыкаются дикие образчики турецкой «архитектуры», стеклобетонные коробки, увенчанные стеклянными кипами. Разрушены исторические образцы московского зодчества — гостиница Москва, Военторг. Старый Арбат обезображен уродством офисного центра.

В Москве есть фирма, девиз которой звучит примерно так: «Прежде чем строить, надо сломать». Фирма занимается тем, что в терминологии «демократических» телевизионщиков называется «зачисткой» территории, представляющей коммерческий интерес.

Совершенно неважно, от кого «зачищается» будущая строительная площадка. Это может быть и территория детского сада, и станция юных натуралистов, и старый кинотеатр или здание, представляющее историческую ценность. Важно, что объект располагается в центре города, где земля особенно дорога. Вот только несколько примеров:

Мэр Москвы считает, что город должен стать местом притяжения массового туризма среднего класса из-за рубежа. Для этого гостиница «Националь» из бетона, стекла и металла, построенная именно для этих целей, была разрушена, и на ее месте построена очень дорогая гостиница, которая по высоте не должна была превышать старинное здание гостиницы. Но аппетит приходит во время еды, и новое здание значительно выше старинного.

Очень выгодное географическое положение занимало здание Военторга, построенное в конце девятнадцатого — начале двадцатого века. Здание было сделано так, что простояло бы еще не один десяток лет, но площадка нужна была под новострой. Военторг разрушили.

Привычным в архитектурном облике столицы было здание гостиницы «Москва». Оно спокойно перенесло налеты фашистской авиации, но не устояло под напором коммерсантов, выполняющих план разрушения исторической Москвы. По случаю уничтожения гостини-

цы возникают вопросы: если при разрушении Храма Христа Спасителя мрамор пошел на отделку станций метро и строительство гостиницы «Москва», то куда делся мрамор после ее уничтожения? Для отделки каких частных особняков он пригодился? Еще один интересный момент: куда делось отнюдь не дешевое внутреннее убранство гостиницы?

Горят бывшие колхозные рынки, на месте которых строятся недоступные для москвичей из-за дороговизны торговые комплексы. Сгорел Манеж, перепланировки которого несколько лет добивались московские власти.

С этим пожаром связаны очень странные вещи.

1) В субботу в здании была демонтирована одна выставка, а уже в понедельник должна была открыться другая. Следовательно, в воскресенье должен был бы идти монтаж экспозиции, но, по словам Ю.Лужкова, сгоревшее здание было пустым.

2) По словам московских властей, строительная документация на коренную переделку памятника архитектуры уже давно была готова.

3) Власти Москвы не обеспечили надежную противопожарную защиту здания (а это уже должностное преступление), но не устали говорить об опасности эксплуатации здания с деревянными перекрытиями, намекая на возможность пожара.

4) Лучший друг и товарищ мэра — «великий» скульптор Церетели сразу же после пожара пообещал (из США) приложить руку к восстановлению здания. Какой ужас у окружающих вызывают его творения, об этом не стоит даже говорить.

Традиционный простор Манежной площади изуродован «мэтром» Церетели. Над простором Москвы-реки возвышается его зловещий черный идол, нареченный почему-то Петром Великим. Извращенный вкус московского правительства лучше всего характеризуют уродцы М.Шемякина, которые власти вынуждены охранять от прохожих, лишенных «чувства прекрасного». Отчаянными усилиями жителей Патриарших прудов остановлено сооружение нового сомнительного «шедевра» в виде гигантского примуса. Величие московских памятников сменили пошлые статуэтки «ваятелей», исповедующих местечковый стиль, столь близкий вкусам московского правительства: куколки в стиле Барби — Турандот, Окуджава, Пушкин и Натали обезобразили Старый Арбат.

Москвичи не могут получить ответ на вопрос: почему это происходит? Почему допускают уничтожение уникальной русской архитектуры господ Лужков, Ресин и префект Центрального административного округа Музыкантский? Почему уродует город очень процветающая компания Центринвест во главе с ее гендиректором Львом Вайнбергом? Почему с такой легкостью приобретаются частными лицами и коммерческими фирмами уникальные особняки и бесценные участки земли в центре Москвы? Естественный ответ на тысячу подобных «почему» состоит в сказочных размерах барыша, который приносит эксплуатация центра Москвы. Невозможно не заподозрить также и злой умысел: уничтожить русскую столицу и Россию как государство.

Какую работу предлагает сегодня горожанину Москва? Промышленные предприятия города либо закрываются полностью, а на их месте открываются торговые центры и автосалоны, либо балансируют на грани остановки и вместо нормальной работы ведут тяжелые бои с захватчиками. Если сокращение промышленного производства за годы «реформ» по стране составило около 50%, то в Москве эта цифра приближается к 70%. Правительство Москвы приступает к массовому выселению предприятий за черту города. Заработают ли они на новом месте или закроются навсегда? На эти вопросы московские власти не дают ответа.

Традиционно обеспечивавшие работой большое число высококвалифицированного московского населения научно-производственные объединения практически прекратили свое существование, множество других практически не работают. Так правительство Москвы осуществляет программу превращения России в сырьевой придаток Запада, лишенный собственной науки и высоких технологий.

Еще работающие московские предприятия испытывают жестокий дефицит кадров, поскольку предлагаемая ими заработная плата, как правило, невысока. Отток кадров из производительной сферы обеспечивают финансовые, торгово-посреднические фирмы, сфера услуг, дающие своим сотрудникам более высокую заработную плату при меньшей интенсивности труда и более низком уровне квалификации. Самая доходная и престижная работа для молодого образованного москви-

ча — частные и иностранные фирмы. Чем же занимаются там способные выпускники престижных московских вузов? Обслуживанием финансовой сферы, проталкиванием на русский рынок западных товаров, сомнительного качества иностранных лекарств, внедрением инофирм в русские предприятия главным образом с целью их уничтожения или захвата, продажей за рубеж сырья, в лучшем случае металла. Огромное число молодых заняла сфера обслуживания проживающих преимущественно в Москве тех 15% населения, которые обогатились за счет разрушения государства. Это торговля, обслуживание автомобилей иностранных марок, рестораны, дома моделей, салоны красоты, фитнес-центры, казино, индустрия развлечений. Сегодня эти люди ощущают себя избранными, но их работа, приносящая сиюминутный успех, не дает навыков производительного труда, не обеспечивает профессиональный рост, не приводит к накоплению авторитета и социального веса. Что станет с этими молодыми людьми через десять-пятнадцать лет? Ведь для этой сферы сорокалетние — просто не нужны.

Но даже и этот привилегированный по сегодняшним меркам слой немногочислен в Москве. Кем могут работать остальные? Водителями, охранниками, торговцами — сегодня эти профессии стали самыми массовыми в Москве. Именно сюда устремились тысячи высококвалифицированных рабочих, инженеров, мечтая получить легкие средства для жизни. При этом они теряют квалификацию, приобретенную немалыми собственными трудами и большими затратами государства.

Было бы ошибкой считать, что москвичам живется хорошо, что хотя бы один город в России выиграл в результате «реформ». Жизнь в изуродованной «реформаторами» Москве почти невыносима и продолжает ухудшаться день ото дня. Огромное число пришлых «москвичей» перенапрягает инфраструктуру, рассчитанную на 5—6 млн. жителей.

Транспорт Москвы сегодня переполнен в любое время суток, в метро трудно дышать, ибо вентиляция практически отсутствует. Метро, рассчитанное на перевозку 5 млн. пассажиров, обслуживает ныне около 13 млн. Из-за перегрузки температура в метро постоянно растет и уже приблизилась к вредному для здоровья порогу. Это только в советское время можно было сказать про мет-

ро: «Летом в нем прохладно, а зимой — тепло». Уровень шума в метро составляет около 100 децибел при санитарной норме 45 (заметим, что даже в некоторых развивающихся странах, таких, как Мексика, вагоны метро имеют не дающие большого шума резиновые колеса). К тому же в Москве до 80% вагонов метро аварийны, так что спускаться в подземку опасно для здоровья, особенно для работников метрополитена, метро — фабрика для ускоренного превращения здоровых людей в инвалидов.

Но проехать наземным транспортом еще труднее — улицы Москвы превратились в сплошную, почти круглосуточную пробку. При плотности застройки города, примерно в 2,5 раза выше, чем в европейских столицах, сеть дорог в 7—8 раз меньше. Никто пока не подсчитал, сколько людей погибло, не дождавшись «Скорой помощи» или пожарных. Число автомобилей в городе достигло 4 млн., а глава московских строителей М.Ресин предсказывает, что в ближайшие два года их количество удвоится. Выход он видит в строительстве новых дорог и развязок, хотя любое новое строительство убивает город. Очевидно, что никакие новые дороги ситуацию в принципе не изменят, пока городские власти взвинчивают интерес граждан к сомнительным западным ценностям вроде «каждой семье — автомобиль».

Выхлопы автомобилей, использующих зачастую некачественный бензин, составляют уже сегодня около 85% загрязнений атмосферы. Вместо воздуха жители Москвы дышат ядовитым смогом, который распространяется уже примерно на 100 км от Москвы — даже на таком расстоянии фиксируется превышение концентрации вредных веществ над предельно допустимой нормой. Деревья в городе умирают, на Тверской раньше их высаживали заново каждые несколько лет, потом заменили растениями в бочках, теперь убрали и бочки.

За годы «реформ» автомобили и стройки увеличили уровень шума в городе в 8—12 раз. Ныне 80% жилых домов располагается в зонах с уровнем шума выше санитарной нормы. Варварская застройка уничтожила последние деревья, последние клочки зеленых газонов, а те, что остались, стали местом парковки автомобилей и выгула собак. Численность собачьего стада, живущего в квартирах, превысила 1,5 миллиона голов. За год они выкладывают на 1 квадратный метр газонов 7 килограм-

мов твердых отходов, а заниматься уборкой у московских собачников не принято. Неконтролируемое собаководство привело к тому, что в городе насчитывается до 38 тысяч бездомных собак, стаи которых нападают на людей; так, за 2005 год более 30 тысяч горожан пострадали от их укусов, но Мосгордума никак не желает принять закон об упорядочении собаководства в городе.

Горожанам негде заниматься спортом, гулять, отдыхать. Уровень шума в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького опасен для здоровья, на Поклонной горе фиксируется повышенный радиационный фон. Лесопарковая зона вокруг Москвы за годы «демократии» сократилась на 200 гектаров из-за вырубki леса ради строительства коттеджей. Вместо зоны, называемой «легкими Москвы», мы получили зону легочного больного. Город буквально завалил область мусором, так что поездка москвича на дачу — это путешествие по помойкам.

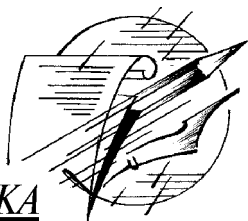
Многолюдство, скученность, бетон и асфальт вместо зелени, потоки машин, шум и смрад вызывают у москвичей нервозность и хронический стресс, что ведет к психическим заболеваниям. Власти города, признавая это, создали 7 пунктов психологической помощи, в которой нуждаются, по официальным данным, около 25% горожан (по некоторым данным, эта цифра 40%). Здоровых детей в городе почти нет, у них аллергия, постоянные простудные заболевания, проблемы с позвоночником, болезни пищеварения, кровообращения и пр. Статистика онкологических заболеваний в городе, в том числе у детей, устрашающая. Около 300 тысяч москвичей больны диабетом, число заболевших ежегодно увеличивается на 5%. Эндокринологи характеризуют положение как катастрофическое. Продолжительность жизни «счастливых» москвичей на 10—12 лет меньше, чем у «несчастливых» нищих провинциалов.

Однако москвичей все это, кажется, почти не волнует. Их не мучают угрызения совести по поводу паразитарного положения города по отношению к обескровленной, вымирающей провинции. Они вполне довольны жизнью и властями, раз за разом дружно голосуя за дорогого мэра, а стало быть, за продолжение его курса на уничтожение Москвы.

ЗАЯВКА НА ДИКТАТУРУ

Олигарх Петр Авен опубликовал в журнале для узкого круга «Русский пионер» некий трактат, который в среде продвинутой интернет-интеллигенции был воспринят как очередной манифест «новых русских». Какой же мессидж наших толстосумов скрыт за художественными «загогулинами» авеновского манифеста? Сами по себе духовные искания новорусских банкиров вряд ли привлекли бы к себе широкое внимание. Все основные тезисы были высказаны Мальтусом и Спенсером еще в позапрошлом веке, причем несравненно более ясно и художественно, чем это сделал Авен. Такие азы социал-дарвинизма — давно пройденный и обсужденный материал, достояние истории. И если сегодня в духовное пространство России вбрасывается «манифест» социал-дарвинизма, то на него следует обратить внимание исключительно в контексте наших реальных общественных процессов.

«Тезисы» Авена выражают установки, идеологические клише и намерения влиятельной и агрессивной социальной группы российского общества и представляют интерес

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

именно как декларация. Важен её смысл, который и надо извлечь из «манифеста», очистив от словесной шелухи.

«Манифест» недаром появился буквально накануне президентского Послания в ноябре 2008 г. В условиях разворачивающегося мирового финансового кризиса было очевидно, да и президент это не раз подтверждал, что Послание в значительной части своей будет посвящено государственным мерам по преодолению кризиса и социальной поддержке населения. Ведь согласно статье 7 Конституции Российская Федерация — это социальное государство, которое обеспечивает свободное развитие человека и при этом устанавливает гарантии социальной защиты.

Не могли тут олигархи промолчать: на кону огромные деньги, а президент того и гляди начнет раздавать какие-то обещания населению. Плевать им на мораль, на закон, на конституцию. Для них каждый, кто требует «гарантий социальной защиты» и «улучшения материального положения», — это лузеры, люмпены и социалисты.

Вот и решено было предъявить ультиматум. Авен — всего лишь парламентар, который подошел к нашим позициям и на копые протянул эту грубую и наглую грамоту. Подробно разбирать её нюансы — это лишь затуманивать главный смысл.

Авен говорит от имени тех, кто сколотил баснословные состояния в ходе «реформ», ввергнувших в нищету большинство населения. Как бы ни относиться к этой общности, смеющей называть себя «элитой», надо признать, что она — не россыпь индивидов. Это сообщество. Более того, это сообщество сплоченное и организованное, хотя и разношерстное. Там, среди загоревших на альпийских курортах банкиров и прихватизаторов наших недр, раздувшихся от важности чиновников администраций разного уровня, теледив и попсы, мелькают отдельные лица академиков и лирических поэтесс. Бычьи шеи солидной братвы и держателей общаков перемежаются с лицами вдов, жен и подающих надежды деток губернаторов и мэров. Это межклассовый интернационал паразитов.

Именно благодаря своему мировоззренческому единству и организованности это сообщество смогло захватить и собственность как источник экономической власти, и СМИ как источник символической власти. Обла-

дая рычагами экономической и символической власти, видимая верхушка «сообщества» стала полноправным участником политической власти. Какие бы крутые «силовики», «бюрократы» или «патриоты» ни заседали в Кремле и в Генштабе, выпутаться из паутины этого симбиоза — в рамках той общественной системы, которую приняли от Ельцина и которую охраняют, — они уже не могут. Экспессы вроде «дела ЮКОСа» — лишь инструмент «оптимизации» такого симбиоза, а не его отрицание.

Поэтому «манифест» Авена надо воспринимать как декларацию всего этого «сообщества», вообразившего себя коллективным хозяином России. Теперь, когда за два срока Путина произошла притирка между «силовиками» и «олигархами», «сообщество» объявляет населению рамочные нормы того жизнеустройства, в котором этому населению предстоит жить — если, конечно, оно не организуется, чтобы хоть как-то расширить его рамки.

Что нам объявляется в «манифесте Авена»? Прежде всего, разрыв негласного общественного договора, на основании которого население, пусть со скрипом, но приняло реформу. В начале 90-х лично Ельцин и вся президентская рать, от академиков до поэтов, просили население перетерпеть трудные времена. Ельцин даже говорил о «нескольких месяцах», но что с него возьмешь. Потом придворные писаки стали называть период необходимого долготерпения «обозримым будущим», что подразумевало одно поколение. Для детей 1992 года год 2008 уже находился за этими рамками. Тот компромисс понимали как образ будущего после долготерпения. Формально он был закреплен в конституции 1993 г., где Россия была объявлена социальным государством.

Теперь, когда «властная вертикаль» отстроена, а поток нефтедолларов начинает иссякать, «хозяева» разрывают контракт. «Лузерам» недвусмысленно указывают на их место в российской «новой античности» и предъявляют новый образ будущего. Маски сброшены. Пока простачки потуже затягивали пояса в надежде на светлое будущее, их попросту загнали в «зону». Не будет вам никакого социального государства! Его, мол, даже на богатом Западе демонтировали, что уж говорить о России, которая вся кормится от «трубы». При грядущем кризисе ликвидности всякие разговоры о социальном государстве — это «левизна, разрушение, социализм».

Авен признает, что в большей части мира этот вирус (левизны, разрушения, социализма) кажется непобедимым, но в России его удалось на время парализовать. И толстосумы наши надеются, что их спокойная жизнь обеспечена, а там хоть трава не расти. Авен предостерегает тех, кто не принимает порядка, установленного «сообществом» в России. «С тем, что мир наш сегодняшней не вполне совершенен, я спорить не собираюсь. Но вот эти умозаключения о невозможности нормального в нем существования и революции — тут уже моя рука тянется к пистолету».

Авен определенно ревизует смысл Конституции, которая в 1993 г. стала документом, закрепившим социальное перемирие. В манифестах важна фразеология. Устами Авена наши «демократические» олигархи заговорили нацистскими штампами — у Геринга и компании рука тянулась к пистолету при одном слове «культура». Наши оказались культурнее: книг не жгут, хотя наставник Авена Чубайс в непереносимости Достоевского признавался публично.

Какова будет реакция президента на тянущуюся к пистолету руку Авена в контексте Послания Федеральному Собранию? Ведь там президент заявил: «Считаю своим долгом предостеречь тех, кто надеется спровоцировать обострение политической обстановки. Мы не позволим разжигать социальную и межнациональную рознь». Собирается ли власть реализовывать это «предостережение» полностью или избирательно, а именно — со стороны неимущих? Ведь «манифест» Авена и есть самое настоящее и сознательное разжигание имущими социальной розни. Если вдуматься, то Авен предпринял редкостный по наглости демарш. «Равноудаленные» олигархи фактически уже не стесняются обращаться с президентом как с нанятым ими «менеджером».

Справедливости ради надо сказать, что это «демократическое сообщество» с самого начала не собиралось следовать общественному договору. Да, нация поверила мошенникам, за что теперь и расплачивается. Но это мошенников не оправдывает. Один из идеологических прорабов реформы писал в 1992 году в «элитарном» тогда журнале «Век XX и мир»: *«Поначалу в реформированном мире, в оазисе рыночной экономики будет жить явное меньшинство наших сограждан (может быть, только*

одна десятая населения»)... Надо отметить, что у жителей этого светлого круга будет намного больше даже конкретных юридических прав, чем у жителей крошечной (то есть внешней, окольной) тьмы: плацдарм победивших реформ окажется не только экономическим или социальным — он будет еще и правовым... Но для того, чтобы реформы были осуществлены хотя бы в этом, весьма жестком виде, особую роль призвана сыграть армия... Армия в эпоху реформы должна обеспечивать порядок. Что означает реально охранять границы первых оазисов рыночной экономики. Грубо говоря, защищать предпринимателей от бунтующих люмпенов. Еще грубее — защищать богатых от бедных, а не наоборот, как у нас было принято семьдесят четыре года. Грубо? Жестоко? А что поделаешь...»

Так и есть. Авен, чуть ему что не нравится, тянется к пистолету, а войска должны быть наготове — «защищать предпринимателей от бунтующих люмпенов». Пока мы «доедаем» советское наследство (алмазы и нефть с газом), никто не бунтует. Парализован пока «вирус левизны», пасутся мирные народы...

А пока народ безмолвствует, олигархи устами Авена еще вздумали читать людям мораль. Казалось бы, наши миры разделены и почти не пересекаются, ну и фарисействуйте в своих коттеджных гетто! Это разделение — условие хрупкого социального перемирия. Если полезете со своими проповедями к ограбленным вами людям, это, по выражению Д.А.Медведева, «спровоцирует обострение политической обстановки».

Авен, видимо, полагает, что право на менторский тон подкреплено у него тугим кошельком. Раз богатый, то уж, наверное, умный. Кроме кошелька, ничего за этой публикой нет: ни совести, ни труда, ни идеалов. Да и кошелек-то нелегитимен, что год за годом подтверждают исследования и ВЦИОМ, и западных социологов. Да они и сами это прекрасно знают — иначе не вкладывали бы деньги в бесконечные виллы и яхты, не отправляли бы детей и внуков учиться и жить за границу. Не на что им опереться в разговоре с честным человеком, нет авторитета, на который могли бы сослаться. Это люмпен-буржуазия, бесплодная и примитивная.

В середине 90-х годов еще теплилась иллюзия, что эти отпрыски номенклатуры и теневиков пустят срезанные у народа кошельки в дело, как вложили в производство

«первоначально накопленный» капитал протестанты. Те в значительной мере отмыли со своих долларов «следы грязи и крови». Но наши люмпен-буржуа пошли по другому пути. Кто растлил чиновников взятками? Кто отправляет тысячи девушек в секс-рабство в бордели Марселя, Стамбула и Бангкока? Кто расплодил в России мафию педофилов? Обслуживающая олигархов преступная прослойка. Они построили систему, при которой происходит более 30 тысяч убийств в год, еще 20 тысяч человек пропадают без вести, а 60 тысяч (население целого города) из-за полной утраты надежд на будущее и смысла жизни совершает самоубийства.

А главное, даже собственниками они оказались ничемными. Когда они толкались, как свиньи у корыта, при дележке нашего национального достояния, весь мир смотрел на них с брезгливостью. А чем сегодня могут похвастаться Авен и его «соратники»? Что они сделали своими руками, что изобрели? Почти двадцать лет не могут слепить мало-мальски приличную финансовую систему. Одни пирамиды, долги и офшоры. В производстве и того хуже. Получив обустроенные, на пике мощности, месторождения, умудрились в четыре раза снизить производительность труда и хищнической добычей истощить нефтяные скважины. Про высокие технологии и инновационное развитие и говорить нечего. С такими «эффективными менеджерами» мы уже почти скатились на уровень Африки. Потому и не получила легитимности их собственность.

Творческая импотенция, антиинтеллектуализм и ненависть к труду нынешнего «сообщества собственников» губительны для России. Циолковский в философской антропологии Авена — «лузер», а его современник, спекулянт керосином, — соль Земли. Если бы такая философия была принята всеми, мы бы и сегодня сидели у керосиновой лампы. Но ведь в том, что эта философия уже два десятилетия господствует в России, — прямая вина государства с его средствами культурной гегемонии. Ведь именно власть в России репрессировала истину и совесть и заключила позорный пакт с «коллективным Авеном».

Вспомним вехи на пути этой власти. 1992 год — украдены сбережения граждан, хранящиеся в государственном Сбербанке со всеми гарантиями, в размере около

500 млрд. долларов. Даже когда в последние пять лет пролился дождь нефтедолларов, украденное не стали возмещать вкладчикам даже в символических размерах. 1993—1995 годы — украдена и разделена среди «комсы и фарцы» народная собственность, 95% которой было создано трудом советских поколений. Экспроприирована без всякой компенсации! 1998 год — провернута огромная афера под кодовым названием «дефолт», разорен весь средний и малый бизнес и разворована государственная казна.

Отправили на пенсию «сгоревшего» Ельцина — и что изменилось? Говорили о «борьбе с бедностью» — и углубили расслоение общества. Говорили о «доступном жилье» — и организовали запредельный, бессмысленный всплеск цен на жильё. Говорили о восстановлении «реальной экономики» — и устроили в стране тупое потребление, как пир во время чумы.

Авен, который размахивает пистолетом, защищая наворованную собственность от тех, кого обокрали, — не клоун. Он — плоть от плоти того когнитивного диссонанса, который у нас везде и всюду. Чествуют ветеранов — и тут же проводят монетизацию льгот. Пускают слезу на могиле организатора беловежского сговора Ельцина — и тут же рвут на груди рубаху с криком «Севастополь — русский город». Играют по правилам, заданным США, вкладывают в их разоряющиеся ипотечные компании наши резервы — и тут же обвиняют Америку в кризисе ипотеки. Говорят о защите вкладов населения в банках, а на деле спасают людей в костюмах от Вигони. Получают благословение православного Патриарха — и провозглашают лозунги, достойные фанатиков кальвинизма. Пугают банкиров, «вывозящих капиталы» и запускающих лапу в «денежные сбережения граждан», — и тут же оформляют банкротство банков, оставляющих не только без сбережений, но и без зарплаты целые предприятия, зато оформивших на офшорные подставные фирмы многомиллионную недвижимость в центре Москвы...

И при царях с помещиками, и при советской власти россияне жили не слишком зажиточно, но прирастали числом и постепенно улучшали свою жизнь. Срыв произошел, когда приняли на свою шею авенов и компанию с их смыслами жизни, где высшим приоритетом является поклонение «золотому тельцу» («яхте Абрамо-

вича»). Желание приобщиться к этому идолу должно стать всеобщим и всепоглощающим, оно должно выжечь в нас совесть, которая толкает сострадать и помогать ближним. На это сегодня работают телевидение и пресса, искусство и школа. Как сказал философ о новых хозяевах жизни, «у них банки, у них биржи, а теперь у них и наше подсознание».

И какую же помощь получает население от государства в этой духовной гражданской войне? Никакой. Иногда поохают над нашей судьбой церковные иерархи. И на том спасибо, их соболезнования вливают в нас силу. А где же пресловутая Доктрина информационной безопасности? Где гарант, охраняющий наше достоинство и границы нашего духовного пространства? А примени мы средства самозащиты — на чьей стороне окажутся надсмотрщики культуры, все эти швыдкие с ерофеевыми? Признают ли они за «лузерами», которым предложено вымирать, право на сопротивление преступным замыслам «коллективного авена»?

Ведь как только возникает малейший конфликт интересов, наша власть однозначно становится на сторону последнего, даже когда он попирает закон и права граждан самым наглым образом. Как бесстрастно смотрели этим летом власти на обманутых «авиакомпаниями» пассажиров с детьми, которые по нескольку дней мыкались в аэропортах на каменном полу. Люди купили услугу, заключили контракт с предоплатой, контрагент не выполнил контракта и даже не возвращает деньги — где же «ночной сторож»? Как защищаются права покупателя и законы рынка? Как возмещается ущерб обманутым? Никак! При малейшем их протесте рука авенов «тянется к пистолету». Этот случай — мелочь на фоне прочего? Да, мелочь, но — символическая.

А вот другая символическая мелочь. Лондонский суд описал и обнародовал имущество Абрамовича. Виллы там и сям, строится особняк в центре Лондона, на верфи Германии готовится к спуску яхта длиной 200 м — самый крупный в мире корабль в частной собственности. И заявление Абрамовича: его «не волнует мнение обывателей в России». В одной фразе — тоже целый манифест, адресованный тем, кто, несмотря на умиления российских СМИ по поводу вложения «личных средств» Абрамовича в развитие Чукотки, прекрасно понимает,

что все его богатства выкачаны из России, причем самым нелегитимным способом.

При таких символах не может быть никакого инновационного развития в нынешней России, потому что эта «яхта Абрамовича» — плевок в лицо любому творческому человеку, сознательное оскорбление его труда и его жизни. Это знак на флаге Российской Федерации, как автомат Калашникова — знак на флаге Хезболлы. Этот плевок теперь вербально оформлен «манифестом» Авена. В разных знаковых системах, по разным каналам к нам идут одни и те же сигналы.

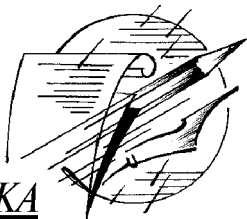
Рано или поздно их все поймут, как ни пытаются люди оттянуть этот момент, стараясь не видеть и не слышать неприятной для себя правды, чтобы сохранить социальное перемирие. Но делать это всё труднее и труднее, потому что от этих сигналов не отмежевываются ни «элита», ни «партия президента», ни сам президент.

КОЛЛАПС ПУТИНОМИКИ И КРАХ РЕЖИМА

Коррупция и управленческий дефолт

В здоровом обществе управленцы-чиновники отбираются по вполне разумным критериям. Например, по возможности сделать порученное дело в срок, качественно — и с наименьшими затратами. Или эффективно решить проблему. Если за такую работу управленцев щедро награждают, то страна процветает. Более того, ее государственный аппарат и элита в целом жадно ищут и применяют прорывные инновации.

А вот в больном обществе, коррумпированном сверху донизу, идет настоящий антиотбор. Государственную власть формируют «специалисты», умеющие угождать начальству и делиться с ним награбленным. Власть формируется по типу банды уголовников: главное — чтобы подчиненные были преданы пахану и не переходили границу своей сферы влияния. И не забывали делиться с паханом. Выполняешь эти условия — и ты в «элите». И тебе прощается даже самая вопиющая управленческая некомпетентность. Хотя это некомпетентность с нашей точки

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

зрения. А по мнению пахана, человек вполне компетентен, если сумел уворовать миллиард. Дескать, а для чего же еще власть существует? Ну, а то, что подчиненный при этом завод не сумел построить или у него там какое-нибудь ЖКХ рассыпалось — так это несущественные мелочи. Ведь банда живет не ради развития страны и не для ее нации. Она прежде всего ворует, глядя на ту же Российскую Федерацию как на добычу, как на настоящую мясную тушу для разделки. Разумеется, в такой системе «элита» плевать хотела на какие-то там инновации. А зачем? И так деньги льются в карман рекою.

Есть ли в мире страны, свободные от коррупции? Наверное, примеры европейских и особенно скандинавских стран уже оскомину набили. Я бы хотел привести пример страны, для нас несколько экзотической, азиатской. А именно — пример Сингапура, населенного в основном китайцами, и при этом — совершенно некоррупционного.

В 1990-е годы мир был поражен успехами, которые показывали сингапурские школьники в области математики и естественных наук. Это показывали и исследования, и итоги участия юных сингапурцев в международных олимпиадах по математике, физике, химии.

Но мало кто знал, что с 1982 по начало 1990-х годов в городе-государстве Сингапуре, каковым в 1959—1990 гг. правил премьер-диктатор Ли Куан Ю, проводился опыт позитивной евгеники. Об этом не любят вспоминать в нынешнем политкорректном мире, но в Сингапуре в те годы людей с врожденными заболеваниями, преступными наклонностями и просто с низкой квалификацией соблазняли: хотите получить от государства жилье и хорошее пособие? Пройдите операцию по стерилизации. В то же время поощрялись браки квалифицированных мужчин с женщинами — дипломированными специалистами. Для них устраивались круизы на «теплоходах любви», мужья получали от государства солидное вознаграждение при рождении детей. В то же время, государство штрафовало недипломированных женщин, если они заводили себе второго ребенка.

И вот сингапурские школьники стали показывать чудеса знаний и сообразительности. А Сингапур стал очень богатым городом-государством, по уровню жизни уступающим лишь Японии.

Сингапур — вообще своеобразное общество. Ли Куан Ю удалось полностью искоренить коррупцию. Именно ему принадлежит мудрость: сделай кристально честными сто первых людей в государстве, обеспечь их всем необходимым — и они будут думать только об интересах страны. Сингапур смотрится как воплощенная утопия совершенного общества. Какая-то помесь капитализма с социализмом. Легендарному премьеру принадлежит и сравнение Сингапура с большим компьютером, а сингапурцев — с его аккуратными микросхемами-чипами.

Вот что пишет Б. Вербер в энциклопедии относительного и абсолютного знания (М., «Гелеос», «РИПОЛ классик», 2007, с. 71—72):

«...Ли Куан Ю хочет того, чтобы среди его маленьких электронных чипов царил порядок. Он устраивает в одной стороне туристический город, в другой — город экономический, затем создает город-дортуйар. Три города четко отделены друг от друга границей, безупречным газоном шириной в пять километров. Он издает очень строгие законы: запрещено плевать на землю (штраф 1500 франков), курить в общественных местах (штраф 1500 франков), бросать использованную бумагу (штраф 1500 франков), поливая цветы, оставлять воду в блюдах под горшками (это привлекает комаров, штраф 1500 франков), парковать машины в центре города. Государство благоухает мылом. Если собака лает по ночам, ей обрезают голосовые связки. Мужчины должны всегда носить брюки, даже в очень теплую погоду. Женщины должны всегда носить чулки, даже в отчаянную жару.

Все машины снабжены сиренами, оглушающими вас, как только вы превышаете скорость в 80 км/ч. С шести часов вечера запрещено ездить в своем автомобиле в одиночестве. Вы должны подвозить коллег по работе или попутчиков, это уменьшает возможность возникновения пробок и загазованность (иначе штраф 1500 франков). Полиция обязала сингапурцев поместить датчики под днище машин для того, чтобы каждый знал маршруты сограждан. На большом световом табло можно проследить за передвижениями всех жителей. Входя в дом, нужно сообщить свою фамилию охраннику, постоянно дежурящему у дверей. Весь город наводнен видеорекарами. Сингапур — государство демократическое, но для того чтобы граждане не голосовали как попало, на из-

бирательном бюллетене пишется номер карточки избирателя. **Воровство, насилие, наркотики, коррупция наказываются смертной казнью в виде повешения.** До сих пор там существуют наказания кнутом.

Ли Куан Ю считает себя отцом своих сограждан. Он заимствует идеи и у коммунистов, и у капиталистов, лишь бы они были эффективны. Государство поощряет личное обогащение (сингапурцы на втором месте по уровню жизни в Азии, сразу за Японией, и всю играют на бирже), но общежития студентам предоставляются бесплатно. Разрешены все культы, но пресса подцензурна: ни одна газета не пишет ни о сексе, ни о политике.

...Ли Куан Ю строит школы для одаренных детей, для высокообразованных людей организуются бесплатные круизы.

Он понимает, что дать хорошее образование детям можно лишь тогда, когда их в семье не больше двух. По вечерам из полиции звонят в семьи, уже имеющие двоих детей, и напоминают о необходимости принять противозачаточную таблетку или использовать презерватив.

Ли Куан Ю удалось превратить свое экспериментальное государство в «азиатскую Швейцарию». Но и полиция не всемогуща, когда дело касается игры. «Китайца можно заставить делать все, но принудить его не играть в маджонг не под силу никому», — признал Ли Куан Ю в одной из речей...»

Конечно, пример своеобразный. Многим он не понравится. Но ... Сингапур действительно процветает. И по моему разумению, читатель, кое-что из сингапурской практики не мешало бы перенять и русским.

Там, где коррупции нет или она ничтожна, развитие действительно идет быстрыми темпами. Именно там рождаются смелые инновации. Туда бегут самые талантливые ученые и инженеры — это неоспоримый факт.

Однако приведем и обратный пример: общества безусловно больного.

Российский «кейс»

Как там сейчас называют учебные примеры в школах бизнес-управления? Если не ошибаюсь — «кейсами». Что ж, приведем пример страны, которая из-за коррумпированности своей «элиты» не сумела использовать

благоприятнейшую экономическую конъюнктуру и потерпела настоящую управленческую катастрофу. Это — Российская Федерация в 2000—2008 годах.

В самом деле, возьмем сей период «царствования» В.В.Путина уже как чисто исторический пример. Сей муж, оказавшись у власти, построил ее по классическому лекалу той самой группировки. Итак, во власти — исключительно свои, чужие — не допускаются. Будь они хоть семи пядей во лбу и трижды суперменеджерами. РФ в эти годы окончательно тонет в дичайшей, разнузданной коррупции. Даже само государство приватизировано и служит интересам обогащения тех или иных «припрезидентских» кланов. Причем интересам подчас самым низменным, шкурным, животным.

В то же самое время в РФ вливается немыслимое количество денег. На мировом рынке невиданно дорожают все статьи ее экспорта: нефть, газ, металлы, лес, минеральные удобрения, продукция химической промышленности. От пяти до шести триллионов долларов составляет общая выручка за эти годы. Финансовые резервы раздуваются до 0,6 триллиона долларов. Бюджет РФ с 1999 года возрастает в 14 крат!

Но несмотря на все это, РФ в сентябре 2008 г. вместе со всем миром влетает в жестокий кризис. Она практически лишается накопленных резервов, ее терзают инфляция, промышленный спад и нищета. Схлопывается ее торговый баланс. Рубль девальвируется. Капитализация рассеянных компаний уменьшается в разы, акции теряют в стоимости почти триллион долларов. Оказывается, что к концу правления Путина задолженность самой РФ, ее банков и корпораций дорастает до полутриллиона долларов. И почти все с таким трудом накопленное за «тучные нефтяные годы» утекает западным заимодавцам. Да, еще — РФ по-прежнему остается отсталой страной. За 2000—2008 гг. ее технологическая отсталость от Запада и Китая только увеличилась. Фактически, триколорная страна потерпела страшную катастрофу из-за некомпетентного, бездарного управления государством.

Откровения Гуровой

Чтобы нас не обвинили в коммуно-фашистской предвзятости, откроем вполне либеральный и право-путин-

ский журнал «Эксперт». 3 ноября 2008 г. он публикует разгромную статью Татьяны Гуровой «Удар силой в полтора триллиона долларов. Наши собственные ошибки форсировали экспансию мирового кризиса в Россию...» Фактически, было опубликовано обвинение путинского режима в полной экономической некомпетентности. Вкратце рассмотрим пункты статьи.

В 2000-е годы власть втянула крупные государственные банки и корпорации РФ в «ловушку больших внешних займов» при гигантском положительном сальдо внешней торговли. То есть, вместо того, чтобы давать кредиты своим банкам и компаниям из гигантских сверхдоходов государства, власть эти самые сверхдоходы стала либо омертвлять в так называемых финансовых резервах, либо откачивать за рубеж, покупая американские ценные бумаги. Возникла совершенно ослиная «экономика»: путинцы огромными деньгами кредитовали экономику США (покупая облигации их казначейства) — в то время, как собственно российские компании не могли взять в РФ больших и долгих кредитов. Им приходилось брать займы за рубежом. И получалось, что западные банки дают ссуды компаниям РФ из тех денег ... которые сама РФ откачала на Запад.

При этом путинский министр финансов Кудрин заявлял, что нефтяные сверхдоходы — это «неправильные», «плохие» деньги, которые надо «стерилизовать», вывести из экономики РФ. Ибо они, мол, могут разогнать инфляцию. К сожалению, никто не стерилизовал самого Кудрина, потому что тот морозил очевидную чушь. Ведь эти деньги все равно попадали в РФ, только через посредничество западных банков! Что толку от того, что Кудрин «стерилизовал» полтриллиона долларов во всяких резервах, коли из-за рубежа все равно притекли те же полтриллиона? Так уж лучше было давать займы отечественным компаниям самостоятельно, без участия Запада.

Гурова пишет: *«Мы много раз слышали, что такое поведение было единственно возможным. Мы выводим из обращения избыточные деньги, полученные за счет экспорта, и переводим накопления в высоконадежные бумаги других стран. При этом в условиях крайне дешевого мирового денежного рынка рыночные игроки на рыночных условиях (а*

это для нас якобы важно) занимают столько, сколько, по их мнению, нужно для развития. Риски при этом оценивают высококвалифицированные и хорошо отрейтингованные западные банки. Такая логика подсказывала, что если бы те деньги, что мы выводили за рубеж в качестве накопления на черный день, мы инвестировали бы в свою экономику, то перегрев был бы еще больше, так как брали бы и внутренние деньги, и внешние. Кроме того, сегодня, когда приходится думать о расплате по долгам, мы не имели бы денег для погашения внешних долгов стратегически важных заемщиков».

Но эта логика неизбежной зависимости от Запада имеет множество сбоев.

Первое, что бросается в глаза: на деньги, занятые за границей, в последние пять лет мало что построено. Приведем вопиющий факт: в Московской области не построено ни одной дороги, а земля при этом вся раскуплена, дороги-то уже и строить негде. Странно, но факт: весь этот поток внешних денег ушел в спекулятивное разогревание всех имеющихся в наличии активов

Госпожа Гурова лишь повторила то, что красные и патристические аналитики твердили с 2001 года, стараясь вразумить стадо путинских ослов-управленцев, что волокно РФ к нынешней катастрофе. Вместо того, чтобы на огромные деньги, притекавшие из-за рубежа, создавать новые активы (дороги, мосты и прочую инфраструктуру, а также новую промышленность на передовых технологиях), путинская группировка раздувала стоимость старых земель, сырьевых промыслов, надувала стоимость старых, изношенных основных фондов (основного капитала), оставшихся от СССР. То есть — по сути дела, надувала спекулятивно-фондовый пузырь, почти аналогичный тому, что американцы надували на рынке своей недвижимости. А надо было делать совершенно другое!

Здесь надо пояснить современному россиянинскому читателю, уже не имеющему советского образования: капитал — это не деньги, а прежде всего основные фонды (заводы, инфраструктура, оборудование, технологии, подготовленные кадры), которые могут давать прибыль. Деньги сами по себе — еще не капитал. Они становятся таковым, лишь превратившись в производственный аппарат. Вот что надо было создавать на нефtedоллары в

2000—2008 гг., а не спекулятивно разгонять цены на старые активы. Вместо того, например, чтобы осваивать новые газовые промыслы и строить заводы по производству сжиженного газа, путинские управленцы-идиоты просто увеличивали стоимость акций «Газпрома».

И Гурова пишет: *«Почему государство не могло противопоставить этому потоку внешних займов выделение целевых кредитных лимитов на те активы, которые, на его взгляд, необходимо было создавать? Просто противопоставить, ничего не навязывая. Если бы у нас сегодня, например, были бы новые нефтеперерабатывающие заводы, не надо было бы ФАС давить на нефтяников и, главное, была бы выше стоимость реального капитала, потому что это был бы новый, неамортизированный капитал. Это само по себе уменьшило бы глубину падения, так как у нового капитала в любом случае выше ожидаемый денежный поток.*

Почему государство само разогрело свои активы, не пытаясь создавать новый капитал? Ведь кратное увеличение стоимости того же «Газпрома» без создания новых мощностей могло взывать только тревогу. Государство действовало лишь в логике «чем больше мы стоим, тем больше нам дадут, тем больше мы будем стоять дальше». Есть ли примеры в истории, когда такая солидная держава целиком впадала в спекулятивный раж?»

И снова ответ ясен. Путинская «команда» состояла из коррумпированных и некомпетентных «руководителей», которые ничего реального делать не хотели, да и не умели. Ведь одно дело — «пилить», а другое — что-то реально строить, напрягать мозги и за что-то отвечать. Коррупция и некомпетентность толкали путинство на описанный Гуровой путь: чисто спекулятивный, сугубо «пиарный» и очковтирательский. Ни хрена нового не строим — зато создаем иллюзию невиданного удорожания старого основного капитала. Берем большие кредиты на Западе, а чтобы их выплатить — берем еще западные кредиты, а потом еще и еще — вот суть первого преступления режима. В основе их — лень «элиты», ее коррупция. Вот вам яркое свидетельство того, чего на самом деле стоят, как управленцы, все эти путины, кудрины, чубайсы и т.д.

Государственные компании в 2007 году, когда объемы выплат по внешним долгам компаний и государства уже приблизились к положительному сальдо торгового ба-

ланса РФ, так и не прекратили внешние заимствования. Государство же в 2007 году должно было рывкнуть тревожной сиреной и замигать красной лампой: «Кредитов больше не брать!» Но оно этого не сделало, продолжая все глубже загонять Эрэфию в долговую кабалу.

«По-видимому, главным препятствием к осознанию проблемы была ставка на быстрое вписывание страны в глобальную, читай, внешнюю по отношению к России экономику. Идея переплетения активов доминировала над идеей развития реального капитала в стране...» — считает Гурова.

Но мы назовем истинную причину произошедшего. Бело-сине-красным правителям в 2000—2008 годах было наплевать на интересы русского развития. Для них главным было вписать экономику РФ в западную систему, причем любой ценой. Зачем? Чтобы их, триколорных начальников, западная элита приняла в свой круг. Мол, теперь РФ — часть глобальной экономики! Для триколорных Россия — все-таки «эта страна», а жить им хочется на Западе. Ради этого они загнали РФ в долговую ловушку и остановили ее реальное развитие, что имело самые катастрофические последствия после осени 2008 года.

Вот только американско-европейская высшая элита бело-сине-красных в свой круг все равно не приняла...

РОССИЯ XXI ВЕКА: ПУТЬ К МИРОВОМУ ЛИДЕРСТВУ

(ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ СТРАНЫ НА
БЛИЖАЙШИЕ ГОДЫ)

Глава 16. РАВЕНСТВО И СПРАВЕДЛИВОСТЬ — СВЯТЫНИ РОССИИ

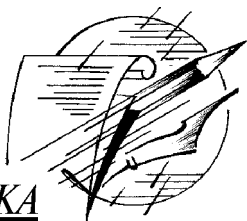
Справедливость в мире XXI века

Русский народ изначально живет на севере Евразии — территории, которую и на Западе, и на Востоке считают непригодной для проживания людей, и его «нордический характер» сформировался в этих трудных природно-климатических условиях в процессе преодоления социального гнета и отражения нападений врагов извне. Он многое вынес за свою историю и, как сказал поэт, «вынесет все, что Господь ни пошлет». Но он никогда не смирится с грубейшим нарушением основ справедливости.

Однако справедливость разными народами понимается различно. На Западе, где строй жизни выражался пословицей «человек человеку — волк», долго господствовало «право сильного» («Кто силен, то и прав», «Горе побежденным!»), которое

Окончание. Начало в №5-6 за 2007 г.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

впоследствии было ограничено законом. И там восторжествовал принцип: «Что не противоречит закону, то и справедливо», безотносительно к нравственности (в XIX веке в Англии на фабриках восьмилетние дети работали по 12 часов в день, — это не было запрещено законом). **А нам нужна справедливость по-русски, неотделимая от правды и равенства.**

Для романтиков (вроде писателя Александра Проханова) справедливость — это *«фундаментальный закон, на котором держится мироздание... универсальный закон природы, не меньший, чем закон сохранения энергии или закон всемирного тяготения»* («Завтра», 2008, №43).

Увы, в жизни этот закон, в отличие от законов сохранения энергии или всемирного тяготения, людьми нарушается повседневно и ежечасно, но и периодически восстанавливается — через борьбу и жертвы. Иначе говоря, справедливость — это не состояние, а процесс. И всякое грубое нарушение справедливости убивает в человеке (подчас навсегда) частичку его человечности. Вот Гитлер, которого пугала возможность повторения тех продовольственных трудностей, какие испытывала Германия в конце Первой мировой войны, пришел к выводу, что единственный выход — в освоении плодородных земель на востоке. Но там живут славяне? Не беда, ведь славяне — не люди. И с немецкой бесчеловечностью и педантичностью проводился расчет: сколько славян понадобится в качестве рабов для обработки этих земель, а сколько их лишних, подлежащих уничтожению.

Как же обстоит дело со справедливостью в начале нашего века в России и в мире? Основа русского миропонимания — идея равенства, (а западного, прежде всего — англосаксонского, — идея свободы). Но абсолютное равенство невозможно в природе вообще и, в особенности, в обществе, которое устроено принципиально иерархично, на основах господства и подчинения. Его члены не только неравны по своим природным данным, но и принадлежат к разным социальным слоям, неравны в имущественном отношении и пр. Задача справедливости — устранить или предельно смягчить естественные или искусственно создаваемые проявления неравенства.

Идеальный компромисс между равенством и иерархией — это меритократия, власть достойных («по заслугам и честь»). Здесь не происхождение, не «порода», не

размер капитала определяют место человека в обществе, а заслуги перед Отечеством. И возможна вертикальная мобильность: любому человеку открыт доступ к вершинам власти и культуры — в меру его дарований, усилий, признанных обществом достижений.

Напомню кратко вывод своей предыдущей книги. Русский народ (великороссы) сложился на идее служения и веками жил «боевым строем», наиболее полно воплощенным в самодержавном православном Московском государстве. Этот строй тогда приходилось отстаивать в борьбе с внутренними врагами, главным образом — с боярством. Позднее его исказили европеизаторы Романовы, превратившие Россию в криптоколонию Запада, против него бунтовала либеральная интеллигенция. В советский период у нас утвердился тоталитарный (пусть еще и несовершенный) строй, наиболее отвечавший русскому менталитету.

Тоталитарный строй — это строй, обеспечивавший единение народа. Тут каждый гражданин, с одной стороны, причастен к делам государства и участвует в управлении им (в определенной степени и через соответствующие механизмы), а с другой — является в той или иной мере предметом заботы со стороны государства от рождения до смерти. Организационный принцип тоталитарного строя — демократический централизм. Но в СССР, ощущавшим себя осажденной крепостью во враждебном капиталистическом окружении, где шла борьба и с внутренними врагами, «пятой колонной», начало централизации было выражено сильнее, чем начало демократизации. Сказалось тут и отставание теории, научного осмысления происходящего из-за господства химерической идеи коммунизма.

Принято считать, что Ленин и Троцкий были сторонниками мировой революции, для которых Россия была только средством к достижению этой цели, а Сталин выступал за построение социализма в одной, отдельно взятой, стране, в СССР, как бы ставя на первый план наши национальные интересы. Но это представление ошибочно. Социализм в СССР большевиками (и Сталиным в том числе) мыслился как первая фаза коммунизма, всемирного строя, мира «без России, без Латвий...». То есть сталинский курс был продолжением курса на мировую революцию, только с отсрочкой во вре-

мени. Большевики-сталинцы не осознавали, что нужно созидать свою русскую советскую цивилизацию, национальную, хотя и спасительную для многих народов, соединивших свою судьбу с Россией. Это было трагической исторической ошибкой. И все же советский строй позволил стране решить сложнейшие задачи и оказал громадное влияние на всю историю человечества в XX веке.

Советское государство было бюрократическим по форме и идеократическим по содержанию. Мы все были товарищами, в идеале братьями. Но и братья не во всем равны, и младшие слушают старшего. Тут возможен и большой разрыв в доходах, но средства производства принадлежат обществу, а дачи и прочие блага либо даются государством в личную собственность за заслуги, либо приобретаются гражданином на средства, заработанные честным трудом, но не захватываются в ходе воровской приватизации. Если бы удалось провести данный принцип в жизнь в полной мере — это было бы максимально возможное на земле воплощение равенства и справедливости: власть — у представителей государства, номенклатуры, чиновников (которыми могут стать выходцы из любого социального слоя), а не у собственников. Левее такого равенства — анархия или охлократия, правее — кастовость.

Реальная жизнь в СССР была еще далека от этого идеала, но именно в советское время возможности для самореализации человека, а значит, и осуществления принципа справедливости, были максимальными за всю историю человечества. Почти вся советская правящая элита и многочисленная интеллигенция вышли из «низов», были по происхождению преимущественно рабоче-крестьянскими, чего не бывало ни в одном существовавшем прежде обществе.

Ныне социальные завоевания СССР остались в прошлом. В стране утвердилось социальное бесправие большинства народа, коррупция, бесчинства олигархов и произвол чиновников. И потому строй жизни современной России надо признать не просто воплощением несправедливости, а еще и гигантским социальным регрессом, отступлением от ранее достигнутых высот едва ли не в каменный век. И это — регресс не только российского, но и мирового масштаба. Как замечательно сказала поэтесса Татьяна Глушкова, *«был весь мир провинци-*

ей России, Теперь она — провинция его». Восстановить Россию возможно, лишь устранив влияние на власть со стороны компрадорского «малого народа». Эта задача встала сегодня перед Россией и будет решаться на наших глазах и при нашем участии.

А вне России справедливости ныне еще меньше. Горбачевская «перестройка», положившая начало развалу СССР, явилась частью общемировой «перестройки». В первой половине XX века, особенно между двумя мировыми войнами, шел процесс быстрой социализации экономики, культурной и общественной жизни планеты. В 20 — 30-е годы на Западе возникли корпоративные и тоталитарные государства, еще не социалистические, но уже и не вполне капиталистические. Режим Муссолини в Италии, «Новый курс» Франклина Рузвельта в США и др., что означало новый этап исторического развития, ограничение стихии капиталистического производства и шаги к плановому хозяйству. СССР в этом смысле был уже мировым лидером, первопроходцем, прокладывавшим путь всему человечеству.

После Второй мировой войны на Западе возникло движение к «государству всеобщего благосостояния». Но наибольшая эффективность производства в масштабе народного хозяйства была все же достигнута в СССР. Она оказалась настолько высокой, а достижения советского ВПК в части создания «закрывающих технологий» столь грандиозными, что все силы мировой реакции — внешние и внутренние — были брошены на борьбу против нашей страны, и СССР был уничтожен. Силы реакции не остановились перед торможением научно-технического прогресса, лишь бы свести на нет прогресс социальный. На смену тенденции к социализации и плановому хозяйству пришло господство либерализма, социальные программы повсюду урезались. (Правда, эта эпоха уже подходит к своему бесславному концу.)

Этот либеральный реванш есть не что иное, как восстановление мирового быдла (прежде всего — высокопоставленного, в лице хозяев ТНК и иных закулисных правителей Запада) против гуманистического и прогрессивного течения истории. И сама история скоро загонит это быдло обратно в норы, из которых оно выползло. Но пока тенденция к социализации заменена глобализацией по-американски, которая выливается в новый рабов-

ладельческий строй с «золотым миллиардом» в качестве господствующего класса. Большого попра́ния принципа справедливости невозможно и представить.

Но и в мировом масштабе справедливость будет восстановлена. Западная культура, как и предсказывал Освальд Шпенглер в книге «Закат Европы», исчерпала свой творческий потенциал и разлагается (хотя этносы Запада продолжают существовать). Это — процесс объективный, и его не отменить (наши исследователи не замечают его вследствие неразвитости у них цивилизационного подхода). Русская же культура (и по предвидению Шпенглера — тоже) становится ныне авангардом мировой культуры, надеждой всего человечества. Но это тоже — только шанс, и дело в том, сумеет ли Россия им воспользоваться. И если сумеет — тогда сама история поставит Запад на место, выделив ему (в лучшем случае) поси́льную для него нишу — поставщика высококачественных потребительских товаров для России в обмен на нашу интеллектуальную и культурную продукцию, которую сам он уже не способен производить. XXI век, благодаря России, может стать веком торжества справедливости, насколько это возможно в нашем несовершенном мире. Что для этого сделать?

Кратко остановлюсь на одной стороне проблемы общественной справедливости, которая была решена в СССР более радикально, чем на Западе, но все же не до конца.

Незамеченная мировая революция

Обычно, когда заходит речь о мировой революции, представляются картины восстаний, кровавых битв и невыносимых страданий народных масс. А между тем в XX веке на наших глазах произошла подлинная мировая революция, но она осталась незамеченной, потому что развернулась в самой глубокой и таинственной области народной жизни — в «гендерной» сфере, как принято сейчас выражаться, то есть в разрезе взаимоотношений полов. Этой теме были посвящены две мои статьи в газете «Подмосковье», приуроченные к дню 8 Марта, — «Славная виктория женщин, или Стыдно ли быть хорошим мужем?» (1997, №12) и «О достоинстве женщин, или Зачем России «первые леди»?» (2001, №10). Вот их основные положения.

Многие будут шокированы, услышав, что «мы живем в эпоху сексуальной революции», и их можно понять. Ничего нового в сексе самом по себе изобретено не было, а вот «гендерная революция» произошла и продолжает неудержимо развиваться: вековые стереотипы, казалось бы, незыблемые представления о ролях мужчины и женщины в семье и обществе рухнули — и безвозвратно.

В принципе, это, конечно, хорошо: уважающий себя взрослый человек вряд ли согласится с радостью жить до седых волос по прописям, надиктованным ему еще в детском саду. Но беда в том, что в современной жизни далеко не каждый человек может правильно определить для себя роль, отвечающую его призванию, и это порождает драмы и трагедии.

В 70-е годы известный социолог Б.Урланис статьей «Берегите мужчин!» положил начало дискуссии, в ходе которой почтенные мужи, корифеи науки доказывали, что у мужчин и продолжительность жизни ниже, и сопротивляемость заболеваниям слабее, и устойчивость психики меньшая и т.д. Вывод напрашивался сам собой: мужчины — это самый настоящий слабый пол, поэтому его надо срочно освободить от ведущего положения в обществе и беречь, беречь, беречь...

На деле просто сильного и просто слабого пола нет, а каждый из них в чем-то может быть посильнее другого, а в чем-то послабее. И эта скромная и примиряющая формулировка ознаменовала собой революцию, можно сказать, космического масштаба, особенно если учесть, что мы живем в эпоху спорта: ведь и спортивные рекорды женщин ныне лишь немногим уступают мужским. Выходит, каждый пол в каких-то качествах превосходит другой, но не сильно. И в итоге вместо ходульных образов «мужского» и «женского» вырисовывается несравненно более тонкая картина половых различий в человечестве, да и гораздо более интересная — как подлинная жизнь всегда бывает интереснее самых хитроумных схем.

Поэтому самое ценное в «гендерной революции» — это углубление самопознания человечества, приводящее к ломке социальных стереотипов. А стереотипы эти подчас чудовищны. Так, Ницше (а вслед за ним и многие другие, в том числе Гитлер) утверждал: женщина с радостью покоряется сильному и презирает слабого. А в жиз-

ни часто женщина осознанно встает на сторону слабого и гонимого — как из чувства справедливости, так и затем, чтобы отстаивать свое право на выбор. Ницше тут не виноват, такова богатая псевдофилософская традиция.

Или, скажем, принято считать, что мужчина несет в себе активное начало, а женщина — пассивное. Так думали не только европейцы. И у китайцев есть концепция стихий «ян — инь» («ян» — это стихия солнечная, сухая, теплая, активная, а «инь» — женская стихия, соответственно лунная, влажная, холодная, пассивная). А в жизни? Кого больше среди участвующих в митингах, культурных и прочих мероприятиях? Конечно, женщин. А значит, именно женщины — существа активные... Да ведь и всегда так было, у женщин выше интерес к новостям, к событиям или хотя бы даже просто к сплетням. Только реализовать свою природную активность женщины могли в установленных (чаще мужчинами) рамках и не всегда достойным образом. А господствующее патриархальное сознание с фанатичным упорством не замечало этого женского качества, как не замечало оно и многого другого: врожденного стремления женщин к подвигу, заложенной в них жажды быть полезной людям (или хотя бы своей собачке), воли, хладнокровия, упорства в достижении цели и т.п. А мужчины, встретившись с такими качествами, каждый раз удивлялись: надо же, женщина, а по силе духа как мужчина! В юности я очень любил украинскую поэзию, особенно стихи Ивана Франко и Леси Украинки, и до сих пор помню, как поражался Франко мужественным стихам Леси. Сравнивая бодрую поэзию этой хворой женщины с упадочническими писаниями современных ей поэтов и прозаиков-мужчин, Франко говорил, что Леся — едва ли не единственный мужчина на всю тогдашнюю Украину.

Вот почему движение за эмансипацию, как это ни парадоксально звучит, есть борьба женщины не только за свои социальные права, но и за подлинную женственность — такую, какая она есть от природы, а не какой ее хотел бы видеть кто-то со стороны. Женщины в XX столетии, добившись максимально возможного юридического равноправия, не только не утратили исконные женские качества, но, наоборот, в полной мере раскрыли многие из них. Они показали человечеству, что природная женственность, помимо нежности и заботливости,

оказывается, включает в себя ответственность, исполнительность, умение настоять на своем, агрессивность, наконец. (Я просто говорю о том, что заложено в женщине, безотносительно к тому, хорошо это или плохо)

Вообще женское движение в истории — вещь довольно мистическая, то есть не вполне поддающаяся рациональному объяснению. Например, «почему-то» после «галантного» XVIII века началось движение женщин за право на образование; в XX столетии — за право на труд. Говорят, «гвоздем» XXI века станет решающее участие женщин в политике. Словом, феминистское движение — это не какая-то блажь женщин, не нашедших семейного счастья, а (если отбросить его крайности) глобальный процесс, синхронно затронувший все человечество и идущий непрерывно уже несколько столетий.

Но нам важнее разобраться в судьбах женского движения в России. Мы сами плохо осознаем, что российское общество исторически сложилось в достаточной степени матриархальным в отличие от большинства других, традиционных патриархальных обществ. Это может показаться странным, поскольку русская культура поверхностному наблюдателю представляется обычно ярко выраженной патриархальной. Ведь ей никогда не была присуща куртуазная традиция (изысканно вежливая, учтивая рыцарская поэзия с культом служения даме и пр.), на которой выросла европейская цивилизация. На самом же деле куртуазность как раз висит гирей на европейских женщинах в их попытках доказать свою стопроцентную принадлежность к человечеству, поскольку основывается как раз на концепции принципиального неравноправия полов. Российская же аскетически-героическая традиция всегда видела идеал взаимоотношений мужчины и женщины в подлинном высоком товариществе, что нашло прекрасное выражение в словах русской советской песни: «Дан приказ — ему на запад, ей — в другую сторону...» Да и в истории тому немало примеров, достаточно напомнить житие святых супругов князя Петра и княгини Февронии.

Ну а, пожалуй, главный вывод из сказанного — то, что именно Советский Союз стал первой в мире страной победившего феминизма. Только у нас женщины смогли с наибольшей полнотой реализовать свое право на юридическую самостоятельность (а активистки женсо-

ветов, которые, рисуя трудности современных женщин, совершенно проходят мимо этого кардинального факта). Но сталинские контрреформы 40-х годов как бы подвели черту под тогдашним состоянием общества, сохранив сумевшие укрепиться завоевания революции и соединив их с достаточно старорежимными порядками в остальном. Не стало исключением и положение советских женщин: они успели прочно закрепить за собой право на труд, но еще не успели так же успешно утвердить право на карьеру, вследствие чего часто стали удобной рабочей силой для самых неprestижных и низкооплачиваемых работ.

Когда не перейдена разумная мера, в таком положении особой драмы нет: женщины вообще больше тяготеют к ответственной, но не руководящей работе. Но когда в обществе явно стоит на определенном уровне барьер, труднопреодолимый для женщин, — это, конечно, ненормальность. И яркий пример тому — наша гордость, космонавтика. Наши космические ракеты вознесли героев космоса в заоблачные высоты не только в прямом, но и в карьерном смысле. Первые мужчины-космонавты (Титов, Николаев, Леонов, Шаталов, Джанибеков), попав в «струю» бурно развивающейся отрасли, давно стали генералами. Лишь полковник Терешкова добрых тридцать лет тянула ляжку в сем высоком звании, и только после этого благоволено было сделать ее генерал-майором авиации. Таким образом, наша героиня сумела первой преодолеть не только силу земного тяготения, но и «полковничий барьер» для женщин-военнослужащих. Она стала первым (не считая ответственного работника прокуратуры 30-х годов армвоянриста Ульяновой, а позднее в моем родном железнодорожном ведомстве — начальника Московского метрополитена Троицкой) отечественным женщиной-генералом (тогда как они давно были в китайской армии и даже в афганской!) И, думается, этот последний прорыв Терешковой более значителен, чем первый, и говорит он о многом.

Получается, что наше общество двойственно. При одном взгляде — это истинное «бабье царство», при другом — общество, где женщины дискриминируются больше, чем в иных странах «третьего» мира. Слово «эмансипация» не проясняет, а запутывает существо проис-

ходящего. Оно означает «освобождение». Кого? Конечно, женщины — от «идиотизма семейной жизни», понимая под этим всего лишь то, что интересы большинства людей все-таки шире круга пеленок и кастрюль, хотя семья остается устоем жизни. Точнее было бы выражение «экспансия», то есть расширение сферы деятельности женщины на общественную жизнь. Но тогда встанет вопрос и о «мужской эмансипации», о расширении круга интересов мужчин и на семейную жизнь. Вот эта «экспансия мужчин» и должна стать второй глобальной составляющей «гендерной революции».

Традиционная патриархальная идеология оставила нам ужасное наследство в виде подсознательной мысли о том, что заботливым мужем быть стыдно. Точнее, на словах всегда утверждалось, что хороший семьянин лучше плохого. Но в андеграунде мужского сознания до сих пор живо ощущение того, что если муж в чем-то снизойдет до проблем жены, то он быстро «обабится» (понятно, «высшее» не должно снисходить до «низшего», это закон философии). Вспомним грибоедовское «Горе от ума», обличительные слова Чацкого: *«Муж-мальчик, муж-слуга, из жениных пажей — Высокий идеал московских всех мужей...»* (каково после этого учителям словесности воспитывать мальчиков на положительных примерах хорошего семьянина!). Традиционно в девочках воспитывают хозяйку и жену (скорее, даже жену и хозяйку), а в мальчиках... только хозяина. Обязанности мужа представлялись нехитрыми: надо было уметь обеспечить семью и укротить жену, если она начнет «выступать». Но для полноценного мужа такого багажа мало. И вот сейчас, когда мужчину отставили от должности главы семьи (и совершенно справедливо: по сути, главой семьи может быть только жена, а главенствующее положение мужа поддерживается искусственно), в их сознании наступил жестокий кризис. А ведь сколько возможностей стать образцовыми мужьями при наших замечательных женщинах открывается перед нашими мужчинами, если только подходить к делу без амбиций! Но мужьям приходится входить в такое состояние слепо — им просто никто никогда об этом не говорил. Многие кончают тем, что спиваются, начинают отравлять жизнь жене, «чтоб знала свое место», или превращаются в тихих семейных дураков вместо мебели, кото-

рых можно время от времени выгнать из дома в магазин. И на эти грабли наступают все новые поколения мужей, из которых многие, наверное, при новых условиях стали бы хорошими отцами семейств, но, увы, их никто не учил семейной жизни.

Пока же футурологи, вдохновленные достижениями эмансипации, предсказывают (кто с тревогой, кто с радостью) глобальный кризис семьи с ее полным распадом в перспективе. Я в этом отношении большой оптимист: заявленный здесь второй этап «гендерной революции» вот-вот начнется, и поколение юношей, которое скоро вступит в жизнь, будет более подготовлено к тому, чтобы стать в большей степени образцовыми мужьями при своих женах, чем предыдущие.

Классики марксизма мечтали о том времени, когда человек вырвется из пут социальных законов и начнет строить жизнь сознательно. Пока особых успехов на этом поприще человечество не достигло. Зато наше время уникально тем, что мы можем строить свою семейную жизнь, исходя из интересов и целей самих супругов, а не потому, что так принято и что «скажет Марья Алексеевна».

За ту четверть века, что нашу страну «перестраивают» и «реформируют», на мой взгляд, более всего изменилось положение женщины. Только и слышишь сетования: «У безработицы женское лицо», «Женщины — самая незащищенная часть общества», «Почему женщин вытесняют из власти?» Зато сейчас не так уж редко можно встретить женщин, которые получили такое благополучие, какого вряд ли могли достичь в советские годы. А главное — у нас появились «первые леди» (супруги президентов), как и полагается «цивилизованным странам». К ним относятся как к «теневым президентам», им посвящаются аналитические статьи, о них пишут не только бульварные, но и респектабельные издания.

«Ну и что в этом плохого? — спросит читатель. Это «типичные» советские вожди вроде Брежнева не показывались на официальных мероприятиях вместе с женами. Страна у нас отсталая, чуть ли не с феодальными пережитками, вот и принято по старинке держать жен взаперти, тогда как в цивилизованных странах женщина пользуется свободой, и жена президента законно ездит с ним по свету». Другой возразит: «Тут как раз проявлялся тот принцип равноправия, который установил-

ся у нас со времен революции. Жена генсека ведь частное лицо, и если она, скажем, свинарка, то ни она на конгресс свиноводов своего мужа не потащит, ни муж ее за собой всюду возить не станет».

Правильно, эта традиция мнимого затворничества шла от представлений нашего народа о справедливости: в эпоху равноправия каждый должен получать по заслугам, по заработанному статусу. И вот теперь эта прекрасная традиция воспринимается как чуть ли не средневековый атавизм, как инерция эпохи угнетенности женщин!

Ссылаются при этом на протокол. Дескать, государственным мужам полагается ездить на всякие конференции с женами и даже с детьми, для них и специальные программы предусматривают. А ведь не только Брежнев ездил с визитами без супруги, но и Тэтчер в бытность премьером не таскала в обозе своего «первого лорда» (мужа). Да именно нам и следовало бы начать всемирное движение за то, чтобы великие мира сего не возили с собой по границам за казенный счет жен и не ходили там по музеям. (Выйдешь в отставку — приезжай и смотри). Собрались, поговорили о делах, скромненько ритуально выпили по бокалу — и по домам.

Нам всё умеют показать в кривом зеркале. Именно поэтому хлопоты о статусе «первых леди» России я воспринимаю как оскорбление всем нам. К западным авторам тут претензий нет: для них Россия всегда была и будет страной мрачных хором со слюдяными окошками, где среди духоты и тесноты правит тиран — государственный или семейный, от этого русских можно вылечить разве что военной силой. А что сказать про наших людей, молча проглатывающих это оскорбление?

Со времен революции у нас установился взгляд на государственное дело, как на нечто совершенно отделенное от частного, семейного. А остальной мир (буржуазный) жил еще в обстановке феодальных пережитков: государство — это частное владение короля (в Великобритании, например, все государственные структуры до сих пор называются «королевскими»), и визиты венценосных особ — это нечто вроде наших с вами походов в гости друг к другу. Потом и президенты подхватили эту традицию нездоровой семейственности. А революционная Россия резко пресекла эту практику: не-

чего, мол, жить по законам, данным Адамом и Евой, мы люди современные и должны ко всему подходить по-деловому! Так и общались советские руководители с иностранцами: скромненько и по-рабочему.

Но вот пришел к власти лидер, провозгласивший лозунг «Больше социализма!», и призвал «шире продвигать женщин в органы власти». И правильно: социализм-то ведь начинался с идеи равноправия, а женщин у нас как-то задвинули. А дальше мы увидели продвинутую женщину. Она всегда сопровождала советского лидера в поездках — особенно зарубежных. И всем своим видом показывала, какой должна быть женщина, живущая при большом социализме, и чего лишена несчастная советская женщина. Одежда на ней была от модных портных, делала покупки она в лучших магазинах, демонстрировала изысканнейшие манеры, а главное — была обладательницей золотой карточки с очень солидной суммой. В общем, «все во имя человека, все для блага человека», и мы видели этого человека.

Народ, однако, не впал в ликование, а платил своей «леди» фантастической по силе ненавистью. Обладательница золотой кредитки попирала в его глазах принципы того общежития, в котором существовали целые поколения: она была похитительницей, поскольку присвоила права, которые во всем мире социализма принадлежали только женщинам — членам Политбюро.

«Какой темный народ, — качали головами иностранные наблюдатели, — сколько еще должно пройти времени, чтобы он смирился с тем, что женщина тоже может играть активную роль в политике!» Два мира, две логики мышления.

Пусть не будут восприняты мои слова в личном плане (я понимаю, что наши первые-вторые-третьи и т. д. «леди» подчиняются обстоятельствам), но в глазах народа их никем не утвержденный статус выглядит так, что они как бы сделали карьеру через удачное замужество. Вот что писал один респектабельный журнал: *«Наши источники сообщают, что Людмила Путина, супруга президента России, намерена начинать самостоятельную карьеру... Источники не исключают, что в обозримом будущем Людмила Путина сможет играть в российской политике роль не меньшую, чем Татьяна Дьяченко в 1996 — 1999 годах. В частности, она может настоять*

на снижении политического веса ряда фигур, доставшихся президенту от предшественника...» И все. Никаких выводов. На наших глазах вырастает мощный «внеконституционный орган» — окружение «первой леди». Но ни Конституционный суд, ни правозащитники и тираноборцы этого не замечают. Оно и понятно: когда совершается великое таинство возвращения в мировую цивилизацию, суды и общественность, как музы при громе пушек, молчат.

Вместе с политическим статусом супруг президентов к нам вернулась и такая традиция, как благотворительность. Супругам президентов пристойно попечительствовать над детскими домами и музеями. В главе государства, по идее, как бы концентрируется государственный ум, которого по определению не может быть у прекрасного пола, вот его супруге и отводится благотворительная активность. Подпишет глава государства очередное постановление, оставляющее на бобах социально обездоленных, — а она, прихватив кулек конфет, едет в сиротский дом. И там с умильным выражением спрашивает: «Как живете, дети?» — «Хорошо живем!», — слабенькими голосками шутят в ответ сиротки. Идиллия! Могли ли мы подумать, что эти старорежимные пошлость и ханжество, которые, казалось бы, вместе со старым миром должны были навсегда отойти в прошлое, вдруг вернутся!

Еще одним знаменем нашего постперестроечного времени стал модный всплеск женских движений. Всевозможные партии, журналы, газеты, специальные издания постоянно сетуют на фактическое неравноправие женщин и выступают на защиту их прав. Но почему-то они совсем не интересуются: отчего в 90-е годы так обострилась «женская проблема» и именно женщины стали жертвами безработицы, нищеты, да и просто дискриминации? И каков был уровень, от которого можно вести отсчет, каково было их положение в СССР? Ответ-то ведь простой: вожди либеральной реакции 90-х поставили целью переиграть Октябрьскую революцию. Для этого страна во всех смыслах была втоптана в тот самый 1913 год, с которым мы когда-то так любили сравнивать себя и в промышленности, и в культуре, и в нравах. И положение женщин сейчас если и лучше по сравнению с дореволюционным временем, то разве что за-

писью о равноправии в Конституции да формальным избирательным правом. А уж из 1913 года, уверены либералы, надо дальше двигаться в направлении «магистрального пути развития», на каждом шагу спрашивая дорогу у «прогрессивного человечества». Но ни учреждения, ни целые институты, занимающиеся изучением вопросов половой дифференциации в обществе, не протестуют против этого. Более того, на страницах озабоченных «женским вопросом» изданий Россия предстает как страна, где женщина и слышать не слышала о правах, где дома ее традиционно бьют, а на работе стремятся изнасиловать. И если появилась впервые в истории возможность пожаловаться, то разве что международным правозащитным организациям! Такая защита женских прав может аукнуться почище ваучерного ограбления и закрытия предприятий. А чтобы мы побыстрее стали цивилизованными, нам устраивают пошлые конкурсы разных «Мисс», которые призваны показать, что женщину по-прежнему надо ценить за смазливое личико, ибо что еще с нее возьмешь? И что все женщины, кроме одной, — не «Мисс». А фестивали «высокой моды», кажется, устраиваются теми, кто не способен отличить красоты от уродства, и рассчитаны на таких же зрителей и зрительниц.

А раз негласной политикой 90-х было максимальное выключение женщин из общественной жизни, значит, все по-настоящему борющиеся за их благополучие организации обязаны стоять в идейной оппозиции курсу «реформ». Но много ли мы слышали о таких организациях? Зато столько смеха над пущенной кем-то дурацкой шуткой, будто в СССР «секса не было». Ах, «бесполое общество бесполоых»! И ведь знают же, что зарубежные феминистки считают одним из своих главных врагов сексуальную эксплуатацию женского образа! А наши радательницы женских прав ни разу не пикнули против хотя бы того же «Плейбоя»! Значит, «мощное женское движение» в постсоветской России — это просто обязательный атрибут гражданского общества. У всех есть — и в России должно быть.

Феминистское движение в западных странах борется за равноправие женщин — но в рамках капиталистического общества. И все же оно по определению стоит в оппозиции к устоям буржуазного общества, а у нас оно —

его порождение. И наши борчихи за женское счастье молчат трусливо по основным вопросам, зато мусолят любимую тему: может ли в России быть женщина-президент? Это у нас-то, где любая смотрительница жэка — почти готовый президент! Но зато среди женщин-политиков подходящих кандидатур не видно... История свидетельствует: занять женщине высший пост не так уж и невозможно, только вот на общее положение в обществе это практически не влияло. Были женщины на престоле и у нас, и за рубежом — ну и что? Все равно на суфражисток в XIX веке смотрели как на помешанных. В Индии Индира Ганди много лет была премьером, а самосожжения вдов там продолжались.

Еще один пункт наших «женактивисток» — женщины во власти. «Почему это в Госдуме женщин мало?» Но ведь народ у нас выбирает. Вот, видимо, чтобы не зависеть от таких случайностей, как мнение народное, наши женские партии требуют введения фиксированных квот на женское представительство, кланчат: «Дайте, дайте... мы были такими послушными, все делали, как нам указывали, — так почему же нас не вознаграждаете за примерное поведение, не сделаете участие женщин в органах власти нормой жизни, как в цивилизованных странах?» Да, только в «цивилизованных странах» женщины десятилетиями боролись за свои права (многие из которых для советских женщин были привычным делом). И даже сейчас борются. Они стоят в оппозиции ко всему строю жизни, протестуют по любому поводу; на них показывают пальцами, их считают сумасшедшими, но зато следующее поколение женщин получает возможность заседать в парламентах и правительствах. Это только нашим надо все — сразу и бесплатно, и чтобы они при этом не повредили наманикюренные ноготки.

Я хорошо помню моральную обстановку в советском обществе 1930-х годов. Только в СССР мог родиться кинофильм, в котором хор женщин поет такую песню: *«Для нас пути открыты все на свете, И свой поклон приносит нам земля. Цвети страна, где радуются дети И колосятся тучные поля! Цвети, страна, где волею единой Народы все слились в один народ! Цвети, страна, где женщина с мужчиной В одних рядах свободная идет!»*

Если бы наши женактивистки стояли на высоте своих задач, они были бы в первых рядах борцов против строя

лжекапитализма, насаждавшегося в России, и за возвращение тех достижений в области равноправия полов, какими ознаменовалось советское время.

Думаю, сказанное о «первых леди» и «женактивистках» никак не может обидеть остальных наших женщин — славных тружениц, заботливых жен, матерей и дочерей.

В фильме «Мертвый сезон» случайно попавший в разведку Савушкин интересуется у профессионала Ладейникова: «А какое качество для разведчика самое главное?» И получает неожиданный ответ: «Главное для разведчика — чувство собственного достоинства...» И не только для разведчика, конечно. Для любого человека. И для народа. Особенно для того, который мечтает вновь выйти в мировые лидеры. Когда люди на уроках ликбеза пишут: «Мы не рабы», это значит — у них пробудилось чувство собственного достоинства. Когда они готовы отстаивать свою независимость в борьбе — тем более. Женщины в постперестроечной России объективно оказались самым угнетенным сословием. Именно поэтому от них и ждешь в первую очередь решительного протеста: хотя бы просто взяли, да и сказали правду-матку о положении в обществе!

Увы, не появились в женских рядах те, кто готов по-настоящему защищать их достоинство. Все как на подбор: стоят строем и едят глазами начальство. Толку от таких «женских партий», «движений» и изданий столько же, сколько от Думы, от отечественных «зеленых», от «многопартийности» вообще и прочих атрибутов «цивилизованности». Не защитили женщины ни свою честь, ни честь страны. Так же, разумеется, как и мужчины. Вот наглядный показатель глубокой моральной деградации общества.

«Но разве, — спросит вдумчивый читатель, — все беды женщин начались с перестройки? Ведь и в советские времена существовала их дискриминация и другие негативные моменты». Не буду спорить. Но надо, чтобы разговор о таких проблемах был настоящим. К их решению нельзя подходить по-хамски, нужно знать свою страну, ее историю, а не просто выучить заморские прописи.

За годы, прошедшие после революции, появились не только женщины-академики и летчицы, у нас целые

области деятельности — и не одно лишь ткацкое производство — оказались феминзированы сильнее, наверное, чем где-либо в мире: медицина, образование, судопроизводство. Думаю, что в скором времени появится и плеяда женщин-политиков — не по названию только, а по-настоящему. Вот они-то и должны решить те проблемы в статусе наших женщин, которых (наряду с достижениями) накопилось немало. А все казенные, бутафорские «женские» организации исчезнут с политическое сцены.

Если статус «первой леди» — одно отклонение от разумного общественного положения женщины, то иные проявления «эмансипации», на мой взгляд, представляют собой уклон в другую сторону. Раскрываю газету — там статья о женщине, нашей современнице, с фотографией героини. Красивое, милое лицо. Читаю: героиня *«за 15 лет своей спортивной карьеры ни разу не проиграла. Ни в кикбоксинге, с которого начинала, ни в любительском боксе, ни в боксе профессиональном, где завоевала четыре чемпионских пояса и одержала 15 побед в 15 поединках, из них 11 нокаутом. Такого послужного списка нет ни у кого из российских боксеров-профессионалов — и мужчин, и женщин, вместе взятых»*. Не знаю — радоваться ли, гордиться ли такой нашей современницей? Представляю ее после тяжелого боя: бровь рассечена, на лице синяки, заметны и следы мощных ударов по голове и по груди... Стоит ли подвергать себя таким испытаниям женщине? Не есть ли это пример «эмансипации через край»?

Кстати, о спорте. Вот где должна быть область честного соревнования, равенства возможностей, справедливой оценки достижений. Так ли обстоит дело в действительности?

Быстрее, выше, сильнее...

Что бы ни говорили политики, а настоящими событиями мирового значения становятся крупнейшие спортивные соревнования. Вспомним чемпионат мира по футболу: газеты, помещающие огромные материалы о том, кто, сколько и как забил мячей, прильнувшие к телевизорам фанаты... А трансляцию Олимпийских игр смотрит половина населения Земли.

Говорят, что спорт — это феномен двадцатого столетия. Но все новое — это хорошо забытое старое. Спорт (профессиональный) был распространен еще в Древней Греции и получил свое настоящее развитие в Римской империи, включая сюда Византию. Виднейший учитель церкви святитель Иоанн Златоуст, к примеру, сетовал, что константинопольская публика его времени разбилась на партии «зеленых» и «синих» — по цветам гоночных колесниц — и с азартом проводила время на стадионах, которое, по его мнению, она бы с большей пользой могла провести в храме за богослужением.

С уходом античной цивилизации ушел и феномен спорта. Спортивные состязания остались в виде турниров, псовой охоты, кулачных боев, но профессиональных атлетов уже не было: находились, конечно, мастера своего дела, но они оставались любителями. Пожалуй, только в цирках были профессионалы-борцы. И вот двадцатый век возродил спорт как род профессиональной деятельности.

Правда, начиналось все с идеологии здорового образа жизни. Отдельные «спортсмены» пропагандировали собственные спортивные достижения и рассказывали всем, насколько полезна физическая культура. Движение спортсменов ширилось, и романтик де Кубертен решил возродить древние Олимпийские игры, где лучшие представители физкультурников будут вести между собой честные соревнования, свободные от всяких финансовых махинаций — неотъемлемого атрибута соревнований в балаганах и шапито. «Быстрее, выше, сильнее», «главное не победа, главное — участие». Наивный... Впрочем, обо всем по порядку.

Огромный вклад в мировое физкультурное движение, как и во многое другое, внес СССР. Состояние здоровья населения бывшей Российской империи, равно как и его познания в гигиене, грамотность вообще, были ниже всякой критики. Советское правительство решительно взялось за оздоровление общества. И массовая физическая культура рассматривалась как важнейшая составляющая этой программы.

Председатель Высшего совета по физической культуре нарком здравоохранения Н. Семашко так обрисовывал состояние российского общества после Гражданской войны: Россия издавна славилась как страна вели-

чайшей смертности (больше 3 миллионов смертей в год, тогда как в Европе при гораздо большей численности населения их было в 2 раза меньше). В 1913 году негодными к воинской службе оказались 45 процентов юношей призывного возраста (много было душевнобольных, слепых, глухонемых). Реальностью стала угроза вырождения нации. Пережили голод 15 миллионов человек, пять миллионов умерли...

И вывод: распространение физической культуры должно решать не свои, физкультурные, задачи, а стать основой социалистического строительства. И естественно, раз спорт должен стать оружием победившего пролетариата в его борьбе против мировой буржуазии, то он должен быть противопоставлен аналогичному оружию буржуазии. В буржуазном спорте цель — наращивание мускулов, победа над противником. У нас цель — равномерное и гармоничное развитие человека: соревнования должны проводиться не ради рекордов, а ради вовлечения в физкультурное движение широких масс. Так физической культуре был придан статус государственной программы в невиданной дотоле степени.

Разумеется, где появился классовый подход к спорту, там появились и его извращения — всевозможные движения под лозунгами «Долой спорт!», «Создадим свои, пролетарские физкультуру и спорт!». В целом на некоторое время правительству удалось выдержать курс именно на массовое оздоровление населения через физкультуру. Даже сейчас чувствуется (а я это хорошо помню), каким ореолом в 20-е и 30-е годы было окружено слово «физкультурник». Парады физкультурников проводились вместе с военными парадами. Значок ГТО («Готов к труду и обороне») пользовался огромным уважением у молодежи и даже у многих людей старшего возраста.

Все массовые предвоенные движения были направлены на конкретную цель — на достижение победы в неизбежной войне СССР с империалистами — и вполне себя оправдали в ней. Не стала исключением и физкультура. За двадцатилетие советская власть вырастила целое поколение физически здоровой молодежи, которое и вступило на равных в войну с гитлеровской Германией, где пропаганде спорта тоже придавалось первостепенное значение.

Вообще мы, несмотря на прежнюю навязчивую пропаганду советских времен, плохо отдаем отчет в том, какой грандиозный цивилизованный рывок сделала Россия в XX столетии. Если всмотреться в хронику быта хотя бы в начале 20-х годов, то можно прийти в тихий ужас от открывающейся картины: толпы людей в тулупах, лаптях, грязные, часто вшивые, неграмотные... И в какой бы бедности ни жило наше послевоенное крестьянство в самой глухой провинции, все равно по уровню быта оно по сравнению с поколением своих отцов может показаться инопланетной цивилизацией — настолько разителен был прогресс. Возможно, что окультуривание населения в кратчайший срок — это и есть самое большое достижение Советской власти. И составной частью этого «нового быта» стала физическая культура.

Советский опыт здесь, как и во многом другом, получил огромный, но двоякий резонанс. С одной стороны, наиболее передовые из наших вероятных противников — особенно Германия, где о здоровье населения (особенно будущих солдат) давно было принято заботиться, — поспешили создать аналогичные национальные программы физической подготовки населения к труду и обороне. С другой стороны, прогрессирующая индустрия развлечений (особенно в Америке) использовала советский опыт по-своему: общенациональный масштаб был придан не физической культуре, а спорту, коммерческому шоу, тотализатору.

Эти два глобальных течения — оздоровление населения и коммерческое зрелище — быстро столкнулись, и, естественно, зрелищный соблазн очень быстро встал и перед советским спортом. ЦК ВКП(б) в 1930 году принял специальное постановление «О задачах в области физической культуры», где порицались спорт ради спорта, уродливая специализация и прочие неизбежные спутники спортивной индустрии. *«Надо отбросить мнение, что «рекордсмены» и «чемпионы» — самые здоровые люди, — справедливо писал один из агитаторов того времени, — Наоборот, здесь мы наблюдаем узость: чемпион в одном виде состязаний не может выполнить упражнение в другом».*

Итак, и в этом, как и во всем другом, советская идеология, замахнувшись на пороки современного «общества потребления», проиграла, постепенно капитули-

ровав перед буржуазным миром. Культ добровольного физкультурного движения после войны незаметно превратился в культ «советского спорта» (уже фактически профессионального — боксеров, футболистов). А после того, как в 1952 году (когда Сталин, вопреки принятым представлениям, уже мало чего решал) советские спортсмены сообразовали принять участие в Олимпийских играх, судьба мирового спорта была решена. (Если не считать сохранявшихся некоторое время романтиков физкультуры в Китае, где ей покровительствовал сам Мао Цзэдун, считавший своим долгом лично делать заплыв через Янцзы.) Благо и само олимпийское движение также капитулировало перед его величеством спортом, сохранив лозунг «Быстрее — выше — сильнее», но растеряв все остальные.

Так наступила эпоха безраздельного господства спорта в его американском варианте, что вполне соответствует нынешнему состоянию, когда в мире осталась одна сверхдержава — США.

Спортивный мир, как это было когда-то в Риме, вновь разделился на профессиональную элиту — гладиаторов от спорта, всю жизнь посвящающих голам, очкам, секундам, и многочисленный плебс — зрителей, проводящих свободное время у телевизоров и на стадионах (на зрительских трибунах, разумеется), вместо того чтобы проводить его на спортивных площадках. Огромные массы людей живут от соревнования к соревнованию, для них строят все новые и новые стадионы, поощряется «спортивная культура» — в виде модных кроссовок и маек, опять же не имеющих отношения собственно к спорту. В дни состязаний все подходы к стадионам запружены разгоряченными, а иногда беснующимися толпами, размахивающими флагами и майками. Толпы оставляют после себя огромные кучи мусора — бутылок, банок, сигаретных пачек... Появились и организованные движения футбольных хулиганов, которые ездят на соревнования по городам и странам, чтобы устроить там потасовку или погром.

Это коммерция, которая быстро становится политической. А есть и собственно политика (где быстро находится место и коммерции). Не только советский спорт перенял черты буржуазного спорта — тот тоже кое-что позаимствовал у нас, прежде всего государственную под-

держку. И образовалась подлинно гремучая смесь, где попустительство низменным страстям, безделье, погоня за славой и калечение здоровья получили статус элемента национальной политики. Успех или неуспех сборной команды страны на престижных соревнованиях рассматриваются под углом престижа нации. Спортсменов-победителей награждают орденами и медалями. Сама подготовка к состязаниям приобретает вид спецоперации: спортсменов готовят, как бойцов спецподразделений, они обучаются в специальных институтах, на них работают специальные лаборатории.

«К середине 70-х годов спорт пришел в тупик, — пишет знаменитый спортсмен (позднее политик) Ю. Власов, на себе сполна испытавший оборотную сторону рекордсменства. — *Бесполезными стали прежние способы тренировки, перевелись старые тренеры-методисты ... Появились тренеры-фармакологи... Мы теряем спорт. На наших глазах происходит разрушение спорта*». Появились «допинг», позорная практика покупки легионеров-иностранцев и пр.

Неудивительно, что на этом фоне физическая культура в нашей стране постепенно отошла в тень, а потом и практически сошла на нет. Вся физкультурная политика, все ресурсы (включая и материальные — в виде стадионов) были брошены на то, чтобы выявить «перспективных» ребят, выжать из них все, отнять у них лучшие годы, затем, еще молодых, выбросить из активной жизни, зачастую инвалидами. В Госкомитете по физкультуре и спорту, разумеется, почти все внимание было отдано спорту, а не физкультуре. (Хотя само сочетание таких противоположных понятий — оздоровления и калечения — в названии одного ведомства напоминает мне «стол регистрации смертей и браков» в старгородском загсе из «Двенадцати стульев».)

А. Карпов как-то удивился: ведь мир фактически у нас перенял принцип государственной поддержки спорта — почему же мы сейчас отказались от него? Плохо не то, что мир это перенял у нас, — плохо, что мы переняли у Запада то, что не надо было перенимать...

Я сознаю, что мои суждения о спорте — это фактически безнадежная борьба с вечными людскими пороками. Сам я не болельщик, к спорту равнодушен (хотя и с наслаждением смотрю чемпионаты мира по футболу),

но есть огромное количество людей, которые считают лучшим времяпрепровождение на зрительских трибунах. Да, это было от века: народ всегда требует зрелищ. Но потакание плебсу, если угодно, извините, черни, ее требованиям зрелищ не должно быть государственной политикой. Надо решиться сделать шаг и отделить спорт от государства, а физкультуру к государству присоединить. Неужели настоящий спортсмен больше нуждается в наградах и денежных призах, чем во всенародной славе? Пусть Олимпийский комитет России станет коммерческой организацией, пусть он существует на сборы от продажи билетов, лотерей, спортивных изданий — на взносы, наконец. Не пора ли сказать «нет» и такому элементу «общества потребления», как спорт? (Тем более что олимпийское движение стремится включить в себя все больше и больше разных видов соревнований, зачастую странных и экзотических. Лично я, например, с большим недоумением отношусь к синхронному плаванию. А есть немало и других малоосмысленных и малозрелищных видов.)

Если вспомнить, что писал Семашко о здоровье народа в начале 20-х годов, а потом — что пишут сейчас газеты (хотя бы о состоянии здоровья призывников), то можно сделать вывод: в погоне за спортивными рекордами наша страна буквально дошла до ручки. И неудивительно: спорт — это вершина, которая высасывает соки из физкультурных корней. Удивительно, как это с такой хилой базой мы вообще можем продолжать считаться спортивной державой. И следующий вывод напрашивается сам собой: надо вновь повернуться лицом к физической культуре и ее распространению в массах. Раннесоветские пропагандисты (например, А. Луначарский) активно бичевали «их нравы» в области спорта. Теперь мы все эти «нравы» прекрасно видим воочию — они уже давно из «ихних» стали «нашими».

Правда, как и во многом другом, в современном состоянии есть и небольшие плюсы. Скажем, сейчас относительно обеспеченный человек при желании может записаться в спортивную секцию вне зависимости от своей «перспективности». Но в свете этого становится еще более явным неравенство возможностей: бедные не имеют средств на занятия в платных секциях, а бесплатная физкультура в стране практически ликвидирована.

Впрочем, то же самое мы наблюдаем и в образовании, и в здравоохранении, и в обеспечении жильем...

В последнее время активно муссируется «национальная идея», которая-де консолидирует нацию и продвигает ее на завоевание позиций в мире. При этом умалчивается, что **эта «идея» может быть только конфронтационной**, — страна, которая решила «стелиться» перед всем миром, не может претендовать на какие-то успехи, достойные великой державы. Так пусть же национальная политика в области спорта вновь пойдет «поперек» навязанного нам паразитически-потребительского курса — символа торжествующей Америки. И только так можно по-настоящему продвинуться к многополярному миру и во всем остальном.

«Чем мы хуже москвичей?»

Под таким заголовком в газете «Крестьянская Русь» (2008, №42) было напечатано письмо Галины Ивановой из Тверской области, в котором, в частности, говорилось:

«Моя соседка вышла на пенсию три года назад, отработав на одном месте около сорока лет. Наше правительство выделило ей такую пенсию, что стыдно сказать. Она плакала неделю, хотела покончить с собой, ни с кем не общалась. Но что делать, надо как-то жить, ведь самоубийство — грех. В том, что у нее была маленькая зарплата, потому и пенсия такая, ее вины не было. Сейчас она получает пенсию 2300 руб. Из них надо заплатить за квартиру, газ и свет, купить лекарство, стиральный порошок, мыло и т.д. На питание остается 900 рублей, в день — 30 рублей (меньше, чем полагается заключенному. — М.А.), хватает на буханку хлеба за 15 руб. 50 коп., какую-нибудь крупу и самую дешевую рыбу — путассу. И таких пенсионеров очень, очень много...»

Министерства газовой промышленности, железных дорог и т.д. производят доплаты своим пенсионерам, а пенсии у них и без того не такие маленькие. Мэр Москвы тоже делает доплаты пенсионерам-москвичам. Забастовали пенсионеры Московской области — так им губернатор тоже стал доплачивать. В.Матвиенко из Санкт-Петербурга тоже делает доплаты своим пенсионерам. А в нашей области, как и во многих других, не делают никаких доп-

лат. Так что же, нам тоже надо выходить и перекрывать дорогу Москва — Санкт-Петербург, как подмосковные пенсионеры в Химках? Мы-то чем хуже?»

Русский человек не может понять, чем тверская крестьянка-пенсионерка хуже пенсионерки-москвички. Налицо явное нарушение принципов справедливости и равенства. А этих нарушений в нашей жизни накопилось немало. Не устранив их, мы не сможем двигаться вперед.

И под конец — о самом главном

В советское время русский народ пережил свое второе рождение. К началу XX века он был забитым, угнетенным, запуганным, но накопившим гигантский запал ненависти к своим притеснителям. Все это добросовестно отразили великая русская литература и отечественное искусство. Не буду обращаться к писателям XIX века, напомним хотя бы в нескольких штрихах картины народной жизни, запечатленные классиками литературы, творившими в начале XX века.

Россия, «кормившая половину Европы», периодически испытывала голод, жертвами которого становились сотни тысяч людей. Об этом писали не нарком Семашко и не советские журналисты, а Чехов и Лев Толстой, добровольно работавшие в общественных организациях по помощи голодающим, не говоря уж о множестве менее известных литераторов. Страшные картины жизни русской деревни и русских фабричных рабочих нарисованы в рассказах Чехова («Мужики», «Случай из практики» и др.). У того же Чехова помещик убежден в том, что «чумазый» не способен ни к чему, кроме тупого выполнения своих трудовых обязанностей. «Дурак, пошел вон!» — часто так «господа» обращались с «простыми людьми».

Русский народ провозгласил свое твердое намерение строить самое справедливое общество «здесь и сейчас». Уже это сделало Россию мировым лидером в социальном отношении. Победа над силами внутренней реакции и иностранными интервентами в ходе Гражданской войны наполнила русских людей чувством величайшей гордости. А когда русский народ, преодолев разруху, порожденную мировой и Гражданской войнами и нэпом,

за 10 лет превратил отсталую Россию во вторую индустриальную державу мира, он по праву мог считать себя авангардом человечества.

Тогда, в 1930-е годы, и сформировался у русских новый национальный характер, что Николай Бердяев определил как возникновение в России нового антропологического типа. Победа СССР в Великой Отечественной войне привила русским людям чувство победителя. Принято считать, что после этой победы в мире остались две сверхдержавы, но это не так. Прав генерал Леонид Ивашов, отметивший, что мировой державой номер один был в это время Советский Союз, а Запад, в том числе и США, морально находились в обороне. Черчилль потому и призывал Трумэна поскорее забросать СССР атомными бомбами, «иначе будет поздно». Вспомним и панические высказывания самого Трумэна — дескать, если Запад не найдет должного ответа на советский вызов, то скоро весь мир откажется от принципов свободного предпринимательства и перейдет к плановой экономике. Тогда в мире возникла мода на все советское, а это и было первым признаком того, что СССР стал мировым лидером.

Вот что было главным приобретением русского народа в советский период: новый, большевистский характер, суть которого выражена в сталинской формуле: *«Нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять!»* Русским людям все по плечу: *«Мы все добудем, пойдем и откроем — Холодный полюс и шар голубой. Когда страна быть прикажет героем — У нас героем становится любой!»*

А раз это было нашим главным приобретением, значит, и его утрата — это и есть главная потеря России в постсоветское время. Мне довелось читать сотни, если не тысячи статей, в которых описывались беды, постигшие в эти годы страну, но ни в одной из них нет даже намека на эту главную утрату. Впервые о том, что такое большевизм, я писал в короткой статье, напечатанной в газете «Подмосковье» в 1997 году (№43). Привожу ее полностью.

Большевизм

Кризис власти в России на минувшей неделе благополучно разрешился, и все-таки с него начался отсчет новой эпохи в нашей постперестроечной истории. Ком-

мунисты в Госдуме не просто обманули надежды своих избирателей — они заняли место около власти, не будучи допущены к ней и не составляя ей непримиримую оппозицию.

Если плачущего большевика поэт советовал выставить в музее, то коммунисту, побежавшему обжаловать решение о запрете КПСС в «буржуазный» Конституционный суд, место только в кунсткамере. А когда коммунисты начали обвинять самых «крутых» «демократов» в «большевизме», они тем самым отреклись от своего славного прошлого и показали, что стали наследниками «меньшевиков». Это — «российские лейбористы», мечта которых — «цивилизованно» бороться за власть с «консерваторами» в рамках «нормальной» (то есть, как на Западе) двухпартийной системы.

А «партия власти» все более перенимает большевистский стиль управления страной (что отвратило от нее «демократов» — зачинателей «перестройки»), руководствуясь принципом, высказанным в советском фильме «Член правительства»: «Нет такого закона — так он будет!» Правда, большевики, взявшие власть в октябре 1917 года, провозгласили своей задачей защиту бедноты и освобождение ее от гнета богачей, а нынешняя «партия власти» пришла к рулю управления государством, опираясь на поддержку банкиров и других не очень бедных «новых русских». Но этот союз, скорее всего, временный: «необольшевики» будут строить тоталитарное (нео-советское) государство, где власть — у номенклатуры, а главной фигурой станет чиновник. А в таком обществе не может возобладать «священное и неприкосновенное право частной собственности», без которого богатые не могут чувствовать себя подлинными «хозяевами жизни». Так что нас, видимо, ждут серьезные события, и характер их достаточно предсказуем. И быть или не быть экономическому росту, о необходимости которого так много говорят, зависит не столько от состояния хозяйства страны как такового, сколько от серьезности политики ее руководства, в частности от его способности опираться на глубинные отечественные традиции.

Принято считать, что большевизм занесли в Россию коммунисты — наиболее последовательные сторонники марксизма. Но ведь и Петра I часто называют «первым большевиком», в еще большей степени это можно

сказать об Иване Грозном. При освоении Сибири в этот еще не обжитой район посылались воевода с наказом — управлять строго в соответствии с законом, а если закон чего-то не предусматривал — действовать по обстоятельствам — как Бог и совесть подскажут. Вот эти ревкомовские методы управления, впоследствии прозванные большевистскими, отвечают глубинной сущности русского национального характера. Так что большевизм в России был задолго до коммунистов. Он господствовал пока коммунисты, находясь у власти, оставались большевиками. Большевизм сошел с исторической арены, когда коммунисты превратились в меньшевиков, и возрождается снова, уже совсем без них. Словом, **коммунисты приходят и уходят, а большевизм живет и побеждает.** Хотя, конечно, странный у нас меньшевизм — с советской символикой, и еще более странный большевизм — с двуглавым орлом и власовским флагом, да еще якшающийся с ошметками императорского дома. Впрочем, на то она и Россия, чтобы удивлять мир — если не успехами в экономике, то хотя бы причудами в политике.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Так уж устроена человеческая природа, — говорят психологи, — что люди не могут жить бесконфликтно. В любом человеческом сообществе — от семьи и до страны — идет борьба за влияние, положение, ресурсы. Борются между собой и государства, порой пытавшиеся создать всемирную империю, установить мировое господство, поголовно уничтожить население страны-противника.

Всегда были, есть и, вероятно, никогда не переведутся оптимисты, предсказывающие человечеству счастливое будущее. Вот и в наши дни появляется такой прогноз:

«Через десять лет будет создано мировое правительство и наступит вечный мир. Молодежь планеты будет знать пять-десять языков, в том числе русский. Будут изданы правдивые учебники истории государств. Кумирами человечества будут Сократ, Аристотель, Омар Хайям, Шекспир, Томас Мор, Гёте, Толстой, Чехов, Гааз, Эйнштейн, Швейцер, Фритьоф Хансен, Вавилов, Сахаров. И, наконец, человечество будет презирать тиранов, совершивших

преступления против человечности». («Крестьянская Русь», 2008, №44).

Пессимистических прогнозов также не счесть, начиная от Апокалипсиса и кончая предсказаниями скорой Третьей мировой войны, ядерной, которая приведет к гибели человечества. Писатель Виктор Пронин полагает, что такой же финал возможен и без ядерной войны — роковую роль сыграют любознательность и фантазия человека:

«Мечтами, сказками, фантазиями человек прогнозирует будущее. Сбылось все, о чем он мечтал раньше — ковер-самолет, Икар, яблоко по блюдецку и так далее. Теперь человек думает о телепортации, левитации, другом измерении... Он доиграется!»

Если исходить из реалий, то надо полагать, что XXI век будет крайне жестоким. Борьба государств и надгосударственных образований за гегемонию в обстановке обостряющегося дефицита природных ресурсов достигнет своего апогея.

Россия вступает в эту борьбу предельно ослабленной, только начинающей подниматься после погрома, учиненного либеральными реформами. Ее экономика остается преимущественно сырьевой. Промышленность и сельское хозяйство разрушены, армия небоеспособна и оснащена устаревшим вооружением. Мировой финансовый кризис, в который мы добровольно влезли по милости наших либералов, еще более ослабил страну, и ее руководители уже открыто признают, что 2009 год будет для нас тяжелым. Лишь наличие у России ядерного оружия и некоторых секретных оборонных технологий (например, установок, способных выжигать все в радиусе до двух тысяч километров — см.: «Завтра», 2008, №46) пока останавливает желающих развязать «войну за российское наследство».

Но самая большая слабость России — это сегодняшней деморализованный народ, лишенный идеологии (без которой никакой народ не может полноценно существовать). Его упадок и начался с утраты наступательной идеологии, осознания своей исторической миссии противостояния западному варварству. А значит, и его подъем должен начаться с воссоздания идеологии, отвечающей обстановке в мире и новым задачам развития страны.

Многие полагают, что на место поверженной комму-

нистической идеологии придет Православие. Это глубочайшее заблуждение, и его развеял не какой-нибудь коммунист, а сам глава Дома Романовых великий князь Николай Романов (прапраправнук Николая I и троюродный племянник Николая II). Вот его главный довод:

«Не хочу обидеть нашу Русскую православную церковь, которая пострадала так, как никто не пострадал во время коммунистического режима, и которая смогла с трудом сохранить живым пламя религии, но христианство никогда не будет идеей для нашей нации. Коммунизм — это была идея, а христианство — это религия. Не надо смешивать эти понятия» («АиФ», 2006, №34).

Но идеология у народа зарождается, и, как ни странно, помогли в этом «новые русские». Прежде они, как и большинство народа, испытывали комплекс неполноценности перед Европой, даже перед «культурной, европейской» Прибалтикой. А теперь россияне, десятилетиями жившие как бы в огромном загоне, поехали по заграницам, повидали свет. Снизу вверх мы продолжаем смотреть, пожалуй, только на американцев, а Европа стала просто местом, где «новые русские» могут хорошо «оттянуться». Туземцы же смотрят на них со смешанным чувством страха, ненависти и угодливости (как и полагается смотреть побежденным на победителя). «Постсоветская Европа» мгновенно превратилась для нас в глухую провинцию.

Надо различать патриотизм подлинный, патриотизм государственников, и патриотизм ложный, казенный, западнический. Подлинный патриотизм исходит из понимания, что Россия — не Запад, идущий к гибели, а Восток, за которым будущее. Соответственно надо строить и внешнюю политику, в том числе и отношения со странами Балтии. Надо уважать самих себя, тогда нас станут уважать и другие. А напрашиваться в друзья к тем, кто дружить с нами не желает, — и накладно, и постыдно. Будем же самими собой, форпостом Востока на Западе, а не базой Запада на Востоке.

Но пока наш народ расколот сверху донизу, ощущает несправедливость существующего общественного устройства и грубое попрание принципов равенства. И, к сожалению, в руководстве страны преобладают либералы, преимущественно питерцы.

Питер — это первоначально «окно в Европу», а впос-

ледствии — отстойник «канализационных стоков», ядовитых продуктов разложения умирающей культуры Запада. Кажется, на питерцах всегда стояло клеймо: «западник от рождения» (а в наши дни — еще и антисоветчик). Будь он полнейший либерал или либерал-государственник, питерец убежден: Россия — часть Европы, это страна, принадлежащая к европейской христианской цивилизации. Его не убеждают никакие уроки истории, свидетельствующие о том, что Запад (расширенная Европа) — это враг всего остального человечества и, прежде всего России. Питерец может сталкиваться с фактами враждебности европейцев к России, с их требованиями передачи им российских ресурсов, с возведением нового «санитарного кордона» вдоль наших границ — от Баренцева моря до Черного и далее до Каспия. Он при этом сердится, порой огрызается. Но мысли о принципиальной несовместимости России и Европы принять не может.

Питерцы (вслед за Романовыми) проводят не вестернизацию России, а ее европеизацию. Вестернизация — это когда в процессе модернизации страны усваиваются зародившиеся на Западе достижения научно-технического прогресса (компьютеры, волоконно-оптическую связь и пр.) при сохранении национальной самобытности (как поступала Япония). А европеизация — это стремление насильственно вписать страну в систему западных ценностей (признаваемых за общечеловеческие) с подавлением чуждой им собственной национальной культуры.

Для нашей нынешней власти признать, что конфронтация между Западом и Востоком, по большому счету, непреодолима (что еще раз подтвердила политика властей прибалтийских стран, Польши, Украины и Грузии во время грузино-южноосетинского конфликта в августе 2008 года), — значит признать, что вся советско-российская внешняя политика с 1985 года была преступной. А ведь за это могут и призвать к ответу.

Правда, заблуждение о принадлежности России к европейской цивилизации разделяют с питерцами и москвичи, и провинциалы, включая лидеров патриотической оппозиции. А отсюда вытекает непонимание происходящего в мире, извращенное представление о путях развития России, при котором наша страна может быть

только объектом воздействия других государств, а не субъектом, творцом истории. Вот почему исход всемирной борьбы за лидерство, а для России еще и за сохранение ее как независимой державы, отнюдь не предрешен.

То, что Россия должна противостоять Западу, не означает принципиального отказа от участия во всех его детских или старческих играх. Мы должны быть открытыми миру, а значит, и быть причастными к тому, чем живет мировой обыватель. Но в главном мы обязаны идти впереди Запада.

Объективно все условия для победы России (от самых больших природных ресурсов до самого одаренного в творческом отношении народа) есть, пока слаб лишь субъективный фактор. «Новые русские» проявили себя только как паразиты, «старые русские» («совки») тянут страну в отжившее советское прошлое, «пещерные русские», видящие идеал в дореволюционной России, совсем «заблудились в эпохе». Для нашей победы нужны «грядущие русские», вопреки мнению об «исчерпании страной лимита на революции» понимающие, что уже одно лишь осознание необходимости для России восстановления ее лидирующей роли в мире само по себе будет революцией. Конечно, надвигающаяся в России революция не будет похожа на перевороты 1917 года и не перейдет в гражданскую войну. Тем не менее она неизбежна. Ибо таков закон истории человечества, что оно переходит к новым этапам своего развития через революции. И перед колоссальными переворотами стоит не только наша страна, они потрясут весь мир. Отказ от установки на революцию — это политическая смерть для любого общественного деятеля.

Но откуда возьмутся эти «грядущие русские»? Опыт истории показывает, что для России характерно возникновение движущей силы прогресса «из низов». Московские великие князья, а позднее цари Иван Грозный и Петр I опирались в борьбе с боярством на дворян, которые первоначально были лишь их дворней, холопами, людьми «подлого» (простого) происхождения. И Советская власть руководствовалась лозунгом: «Кто был ничем, тот станет всем!» И практически никто из нынешней элиты не войдет в шеренги «грядущих русских». Лидер национал-большевиков Эдуард Лимонов объясняет это так:

Чиновники могут управлять страной с устоявшимся общественным строем. Но «созидают новые общества революционеры, а не чиновники!».

России нужны будут дворяне-опричники, делатели черной работы жестокого построения новой России. А все нынешние лидеры предлагают лишь реставрацию...

Любому, кто искренне захочет проделать кровавую работу строительства и защиты новой Державы, нужно будет до крайней степени возбудить энтузиазм полутора или двух миллионов человек по всей России... Будущим опричникам, находящимся сегодня на дне жизни, нужен свой царь, который извлечет их со дна и сделает могущественными, каждого индивидуально. Ибо революционный энтузиазм невозможен без личной мотивации. «Сегодня ты студент, рокер, милиционер — никто, а я облакаю тебя властью, даю тебе силу и надеюсь на твою энергию. Все, что добудем, будет наше, страна будет нашей. Короче, был ничем — станешь всем». Вот за это люди пойдут совершать подвиги, делать революцию, убивать врагов, строить государство. За деревянный рубль и за посулы неопределенного светлого будущего — уже не пойдут...

Русскую Державу нужно будет созидать на совершенно новых принципах, на энергии и жестокой подчас свирепости... созидание нового невозможно с «бывшими»... Наши бояре обречены историей. Какие там среди них исключительные вожди! Банальные люди, и не помышляющие о революционном построении общества... России не отвертеться от жестокого радикализма, от смены класса у власти, от революции, от появления на авансцене истории нового класса. А жалобы, что, дескать, не из кого ему появиться, жалобы на скудость человеческого материала, на потери генофонда — такие жалобы раздавались во все времена... Грядет национальная революция против бояр во имя России. Будущее — за радикалами. Ибо Россия — все, остальное — ничто!» («Завтра», 1995, №43).

Нынешние преобразователи России пытаются осуществить свои планы, опираясь на часть правящей элиты — очередную «партию власти» из дорвавшихся до власти чиновников. А нужна организация совершенно иного типа, скорее напоминающая опричнину или рыцарский орден. И эта партия-орден решительно отбросит то, что для «демократов» всегда было «священными ко-

ровами», — многопартийность, прямые выборы, разделение властей, профессиональный парламент и пр.

Многопартийность губительна для России: она изначально раскалывает на части российское общество, всегда выше всех добродетелей ценившее равенство, вплоть до склонности к уравниловке. Она мешает стране собраться воедино, а значит, и не дает восстановить ей свои позиции в мире. «Одно государство, один народ, один вождь!» — говорили в Германии в 1930-е годы. Советские люди того времени тоже считали, что они живут в одной стране, краше которой нет на свете, составляют один советский народ, строящий светлое будущее под руководством одного Вождя, только в Германии основой идеологии был национализм, а у нас — пролетарский интернационализм. Нынешние российские партии показали, что они эфемерны, искусственны. Эксперимент с «государственнообразующими» системами партий у нас не удался (и в обозримом будущем успехом не увенчается), и надо его прекратить. Пусть партии действуют за кулисами политической сцены, выдвигают на местах своих кандидатов и агитируют за них всеми дозволенными способами, такая честная конкуренция будет только полезной.

Не нужно будет и прямое голосование (когда кандидат баллотируется прямо в высший орган, минуя нижестоящие). Нужны ступенчатые выборы, когда высший орган представительной власти формируется из представителей нижестоящих органов. Эта система существовала в СССР до 1936 года, после чего, как «во всех цивилизованных странах мира», была заменена системой с «всеобщим, прямым, равным и тайным» голосованием. Но система прямых выборов во всем мире приводит к появлению феномена «кочующих кандидатов», «кандидатов-варягов»: в советские времена кандидаты «милостиво соизволяли», чтобы их кандидатуры выдвинул трудовой коллектив откуда-нибудь из Пошехонья, о местоположении которого они часто даже понятия не имели. Сколько нынешних депутатов Госдумы и сенаторов — такие же «варяги» (вроде Кобзона — представителя Бурятии или Нарусовой — сенатора от Тывы), нетрудно подсчитать. А своих должен представлять свой. Значит, имеет смысл оставить всеобщими только местные выборы, где все своих знают или должны знать. А

более высокие органы представительной власти должны уже ступенчато формироваться из представителей органов нижестоящих.

Напомню, чем Советская власть отличается от власти Советов. Власть Советов — это власть Советов различных уровней (существовала в 1920-е годы). А Советская власть — это диктатура правящей партии (вошла в силу с 30-х). Уверен: Россия строилась и будет строиться, условно говоря, не по модели «власти Советов», а по модели «Советской власти» — сильной централизованной властной структуры, в большой степени независимой от избирателей. Да нынешняя маломощная Дума — подтверждение этой тенденции. Поэтому роль будущих представительных органов в России — только законосовещательная. Россия должна управляться не «народными избранниками», не парламентом. Поэтому и не надо ориентировать людей на то, чего не будет, ратовать за расширение полномочий нынешней Думы и пр.

Означает ли это, что российский парламент будет такой же «машиной для голосования», как в советское время? Вовсе нет. Парламент действительно вряд ли будет в состоянии принимать важные для страны решения, особенно в период, когда потребуются решительные и жесткие меры для восстановления утраченных позиций страны, что неизбежно вызовет к жизни сильную власть высшего органа, состоящего из единомышленников и способного проводить выработанную политику без колебаний и отклонений. Но он может эти решения обсуждать, высказывать мнение, критиковать проекты решений и практику их осуществления. Парламентская трибуна должна стать гласом народа — фактором неконституционным, но в отдельные моменты могущим стать достаточно весомым.

А каким должен быть статус народного депутата? В советские времена был предпринят смелый эксперимент по формированию корпуса «депутатов-любителей» (работавших депутатами без отрыва от производства). Этот эксперимент был сведен на нет формированием «машины для одобрения» в виде Верховного Совета. В ельцинской России решили вернуться к старой испытанной модели профессионального парламента, привычной по опыту стран Запада и недолгому опыту дореволюционного парламента России — Государственной

Думы. Но если центр тяжести деятельности нового парламента переместится с законотворчества на официальное выражение народного мнения, опять же никто лучше депутатов от населения, занятых на производстве (и, следовательно, так же, как и все, видящих плоды деятельности правительства), этого сделать не сумеет. Поэтому, на мой взгляд, имеет перспективу все-таки не профессиональный парламент, разъезжающийся на короткие каникулы, а «парламент любителей», периодически собирающийся на сессии, — только почаще, чем в советские времена, и на более долгий срок. К тому же и круг вопросов, которые может обсуждать парламент, должен быть значительно расширен.

В экономическом отношении, поскольку сразу все виды частной собственности (приватизированные квартиры и пр.) отменить будет нельзя, Россия на пути к неосоветской пройдет через стадию корпоративного государства. И это государство должно существовать не на налоги с населения, а за счет производства «добавочного прибавочного продукта», по Марксу, или инноваций, выражаясь по-современному.

Тут нужно остановиться еще на одном ложном положении, будто «нынешняя конституция пусть и несовершенная, но все-таки это первая реально действующая конституция...» Уверен, Конституция СССР 1924 года была вполне реальной и работавшей. А вот введение в действие в 1936 году новой Конституции, составленной Бухариным, но названной «сталинской», действительно, стало трагедией для советского общества, потому что она впервые откровенно оказалась пустой бумажкой. И просуществовала эта Конституция 41 год, а вместе с исправленным и дополненным (и столь же бесполезным) вариантом 1977 года — до распада СССР), сызмальства создавая у целых поколений наших соотечественников осознание того, что они живут в обществе лжи и лицемерия.

Но и нынешняя Конституция, на мой взгляд (который я никому не навязываю), так же бесполезна, как и «сталинская», хотя, формально говоря, все дела стараются вести по ней, существует Конституционный суд и пр. И она совершенно не интересна рядовому гражданину (кто этому не поверит — пусть попробует устроить импровизированный экзамен, спросив на улице сотню прохожих) по очень простой причине. Он прекрасно чувствует, что

при ее написании о нем, о его нуждах даже в малейшей степени никто не задумывался, а думали исключительно об одном — как это делается «там», «у них».

Конституция — это не пустая бумажка. Это зафиксированное через Основной закон самовыражение общества. И правильный, национально ориентированный конституционный процесс очень важен для выявления основополагающих принципов общества. Вот почему я — за хорошую и удобную для народа конституцию, не списанную ни с каких зарубежных или ушедших безвозвратно в прошлое образцов, за Основной закон, отвечающий духу нашего народа. Он должен гарантировать гражданам реальные свободы, потому что Новую Россию должны строить не рабы и не из-под палки, а подлинно свободные люди, имеющие возможность реализовать свое призвание. Это старая советская традиция — все пропускать через сознательность масс. **А будущий государственный строй России станет преемником не нынешнего «демократического», а в большей мере советского строя (в новых условиях, а, следовательно, и в новом виде).**

Наиболее подходящей системой для России рубежа XX—XXI веков была бы такая: Высший Руководитель, избираемый Государственным Советом и возглавляющий «партию власти»; правительство, ведущее текущую работу по управлению делами государства; законосовещательный парламент из депутатов, представляющих различные партии, общественные движения, профсоюзы и прочие объединения граждан, что позволит максимально учитывать интересы всех слоев общества. Это была бы система нашей, российской демократии, народовластия, власти народа, которому приходится в суровой борьбе отстаивать само право на свое существование. Ее можно было бы назвать совершенной, если только помнить, что ничего абсолютно совершенного не бывает на нашей грешной земле.

Последняя мысль особенно важна. Можно сказать, что все проекты и прогнозы развития страны и мира разрабатываются на основе желаний проектанта или прогнозиста («Я хочу, чтобы было так...»), без учета положения, сформулированного еще выдающимся русским экономистом рубежа XIX—XX веков Ю.Г.Жуковским: «Несовершенные люди не могут построить совершен-

ное общество». Правда, он полагал, что человек еще совершенствуется, а потому будет совершенствоваться и общество. Последовавшие исторические события (две мировые войны и перспектива всеуничтожающей третьей и пр.) заставляют усомниться в справедливости этого допущения.

Люди вообще еще очень далеки от своего подлинно человеческого призвания. Как было сказано в одной умной статье о творчестве Чехова, причина наших бед — «в безнадежной и неизлечимой мелочности человеческой природы, превращающей всю нашу жизнь, независимо от географических зон и экономических перегородок, в сплошную мещанскую драму». «Будем мудро и праведно жить...» — поют ветераны комсомола, но это скорее «декларация о намерениях». Прогресс пока отмечается преимущественно в сфере техники, нравственный же прогресс, если и происходит, то крайне медленно: ведь человек рождается несмышленищем, проходит возрастные стадии, когда, даже слыша нравственные поучения, не воспринимает адекватно их смысла. А более или менее вменяемым он становится на склоне лет, когда тон жизни уже задают более молодые, но менее здравомыслящие. Отчасти поэтому эгоистическая сторона природы человека еще слишком сильно дает о себе знать. Во всей человеческой культуре «человека забыли», как говорит забытый всеми в заколоченном доме старый слуга Фирс в пьесе Чехова «Вишневый сад». В общем, «мозги надо менять», как советовал один известный политик. И не только мозги, но и склад души. А возможно ли это вообще, если говорить не об отдельном индивиде (для него-то это возможно, случаи нравственного возрождения личности из истории известны), а о целом обществе, обо всем роде человеческом, — это вопрос открытый.

Русский народ, совместно с другими народами, тогда казавшимися ему братскими, предпринял героическую попытку прорыва этой бесконечной цепи войн и преступлений, создав СССР. Этот опыт пока завершился неудачей. Как писал профессор Сергей Кара-Мурза, слишком сильными оказались эгоизм и стремление к корысти у внешних и внутренних врагов Советского строя.

Советские люди не были ангелами. Но то, что мы наблюдаем в России сегодня, по сравнению с советским

временем кажется каким-то дурным сном. Такого разгула преступности, такого количества жулья на всех ступенях социальной иерархии, как сейчас, лет 15 — 20 назад невозможно было и представить. Чуть ли не полстраны находится под властью бандитских группировок. Пороки, о которых с осуждением говорилось еще в Библии, сегодня цветут пышным цветом. И едва ли не каждый при случае не прочь отщипнуть для себя лишний, незаработанный кусок общественного пирога.

Но темные стороны природы человека не исключают светлых, всегда будут живы и стремление к чистоте жизни, и любовь до самопожертвования, и подвиги ради ближних. Ведь главный завет, оставленный нам нашим Господом и Богом Иисусом Христом, гласит: «...*будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный*». И идеалы Правды, Справедливости, Равенства никогда не перестанут вдохновлять лучших из людей бороться за торжество этих вечных ценностей. Попытки построить справедливое общество будут повторяться, пока род людской существует на Земле. И в авангарде этой борьбы на данном этапе будет идти наша Россия. В этом смысле «наше дело правое, победа будет за нами!». Но к ней ведет долгий путь.

Пока же наша задача — построить страну, обеспечивающую более высокий уровень справедливости, чем тот, что был достигнут в СССР. И уже одно это будет делом громадной, исторической важности и сделает Россию мировым лидером в социальной области. А раскрепощение творческой активности россиян позволит добиться невиданного развития производительных сил как основы лидерства и в остальных областях. Ради такой великой цели не жалко будет заплатить любую цену. Русские приватизируют понятие прогресса и станут первыми людьми XXI века (которым до всего есть дело в мире), тогда как весь остальной мир будут еще барахтаться в XX столетии или в более отдаленном прошлом. При правильном понимании дела эта задача разрешима в течение 5—10 лет.

Я дописываю эти строки в канун надвигающихся на Россию великих, подлинно исторических событий. Очень хотелось бы закончить строкой из знаменитой песни первых советских пионеров: «*Близится эра светлых годов...*» Но, как бы ни был я уверен в светлом буду-

шем своей Родины, все же правильнее будет предположить: нас ждут суровые битвы за это будущее.

Таково мое видение настоящего и перспектив нашей Родины, как оно сформировалось у меня в 1990-е годы и укрепилось в последовавшее за этим время. Не думаю, чтобы в существенном я ошибся, если говорить о периоде ближайших 5—10 лет. Чтобы представить картину более отдаленного будущего, понадобится более фундаментальное исследование. Но его выполняют уже те, кто помоложе. Бог им в помощь.

РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ ГРЯДУЩЕМУ АНТИХРИСТУ

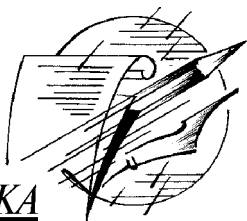
(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ И ДНЕВНИКОВ)

Усиление подрывной деятельности мировой закулисы. — Президентские выборы 1996 года. — Формирование нового еврейского правительства. — Террор против патриотов. — Новые попытки консолидации русских сил. — Поездка в Сибирь и на Байкал

Продолжая подолгу работать в библиотеках, архивах, в частных хранилищах США и других зарубежных стран, я постоянно сталкивался с единомышленниками. С некоторыми из них у меня были встречи, похожие на научные конференции, на которых мы обсуждали темы, запретные в этих странах, прежде всего, о масонстве, иудаизме, сионизме и так называемом холокосте. Некоторые из них в США были такими же учеными-подпольщиками, как в свое время и я при господстве коммунистов. Так же, как и я, они собирали материалы о преступной деятельности правящих кругов и относились к Киссинджеру и Вольфензону с такой же праведной ненавистью, как я к Сулову и А.Н. Яковлеву.

Продолжение. Начало в №1-2 за 2007 г.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Если для нас самым преступным гнездом было Политбюро ЦК КПСС, породившее таких монстров, как Горбачев и Ельцин, то для американских правых «тайна беззакония» выражалась в Совете по международным отношениям, Трехсторонней комиссии, Бильдербергском клубе. Они убеждали меня, что в Америке существует серьезное сопротивление иудейско-масонскому режиму, подавляемое всеми силами репрессивного аппарата. На территории США существует несколько секретных тюрем, которые находятся в ведении Федерального бюро расследований. Телефоны в стране находятся в режиме постоянного прослушивания, устройства для которого автоматически включаются при произнесении ключевых слов «масон» (и производные), «иудей», а также при любых контактах лиц, находящихся под колпаком ФБР. Поэтому американские правые во время телефонных разговоров вынуждены использовать условный язык.

Запуганные ФБР, многие американские правые повсюду видят агентов и с большим подозрением относятся к новым людям. Несмотря на серьезные рекомендации, с которыми я приехал в США, многие правые относились ко мне настороженно, а некоторые, как я уже говорил, даже считали меня агентом КГБ.

Тем не менее с некоторыми американскими правыми у меня сложились доверительные отношения. Особенно в части обсуждения деятельности наших общих врагов из преступных мондиалистских организаций вроде Совета по международным отношениям. В частности, мне сообщили, что на Совете по международным отношениям постоянно поднимаются вопросы о «методах влияния на российскую власть» и о «разработке способов контроля над экономическими и природными ресурсами» нашей страны.

По информации, которая была мне предоставлена друзьями из правых организаций, в планах, разрабатываемых на Совете по международным отношениям, России отводилась роль «резервуара сырьевых и энергетических ресурсов». Так, Бжезинский заявил, что для «западного мира Россия — стратегическая территория, и чем меньше населения будет на этой территории, тем успешнее будет происходить ее освоение Западом». В Совете по международным отношениям высказывались предложения расчленить Россию на шесть независимых

государственных образований: Западную Россию, Урал, Западную Сибирь, Восточную Сибирь, Дальний Восток и Северные территории. «Децентрализованная Россия, — заявил Бжезинский, — это реальная и желанная возможность». Россию, по его мнению, следует разделить не на шесть, а на три части: Европейская Россия, Сибирская республика и Дальневосточная республика. В этом его поддержали Д. Рокфеллер. Госсекретарь США, одна из руководителей Совета по международным отношениям М. Олбрайт, в своем выступлении на заседании Российско-американского Совета делового сотрудничества (Чикаго, 2 октября 1998 г.) заявила, что «поддержку России надо оказывать до тех пор, пока она движется в правильном направлении распада... Это реально, пока у нас в России есть влиятельные друзья».

Вопросам расчленения России было посвящено несколько заседаний Бильдербергского клуба. Наиболее определенно планы расчленения России были рассмотрены на его заседании 14—17 мая 1998 года в Великобритании. Согласно этим планам Россию следует разделить на несколько зон контроля (влияния): Центр и Сибирь должны отойти к США, Северо-Запад — к Германии, Юг и Поволжье — к Турции, Дальний Восток — к Японии.

Д. Рокфеллер считает, что «овладение русскими ресурсами — главная стратегическая задача, а главная тактическая — помочь нашим друзьям удержаться у власти и подготовить им хорошую смену».

Один американский правый, со слов своего однокурсника, который специализировался на подготовке выборных кампаний, рассказывал мне, что в 1995—1997 годы значительная часть самых опытных «пиарщиков» «почти не вылезала из России», где занималась консультированием выборных кампаний «российских демократических сил». Оплачивались их услуги из специальных фондов американского правительства. Командированные «пиарщики» очень ругали Россию, народ которой плохо воспринимал методы американской политической пропаганды. «Демократические силы» в России были разочарованы в американских советниках.

Осенью 1995 года состоялись выборы в Государственную думу. Несмотря на серьезную фальсификацию результатов выборов, они показали усиление оппозиционных настроений в обществе. Возросло число партий

и движений, открыто противостоявших криминально-космополитическому режиму. По сравнению с предыдущими выборами доля патриотически настроенных депутатов увеличилась.

После обнародования результатов выборов в Госдуму ведущие деятели криминально-космополитического режима заговорили об отмене предстоящих в 1996 году выборов президента, на которых реальными претендентами были Ельцин и Зюганов. Социологические опросы показывали крайне низкий уровень популярности Ельцина, составлявший в начале 1996 года не более 20—25%, т.е. за него было все то же криминально-космополитическое меньшинство. В недрах преступного режима готовились планы нового государственного переворота в случае провала Ельцина на предстоящих президентских выборах.

Так, например, известный еврейский финансовый аферист и русофоб М. Масарский открыто призывал Ельцина в случае неуспеха на выборах применить против русского народа оружие. Менее решительные сторонники криминально-космополитического режима готовились к бегству из России. Как позднее отмечалось на слушаниях в Государственной думе, в штабе по избранию Ельцина президентом было найдено большое количество отчетов и иных документов, позволяющих говорить о перечислении ими валюты в зарубежные банки. Ежедневные перечисления составляли от 4—5 млн. долл. до 10 и более млн. долл. Их получателями значились банки Эстонии, США, Латвии, Багамских островов и т. д.

На переизбрание Ельцина были израсходованы огромные средства. В июне 1996 года российских денег было напечатано в 11,5 раза больше, чем в мае. Международный валютный фонд выделил на поддержку Ельцина кредит в 10,2 млрд. долл. Больше триллиона рублей Ельцину «пожертвовала» еврейская финансовая олигархия. В штабе по переизбранию Ельцина работали лучшие американские советники. Средства массовой информации были куплены почти целиком в пользу Ельцина. Голосовать за Ельцина призвал Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II. Этот политический шаг Патриарха, безусловно, нанес значительный моральный ущерб Русской церкви, заметно снизив авторитет Святейшего в глазах миллионов православных и оттолкнул сотни тысяч русских людей от дверей наших храмов.

Несмотря на столь значительную поддержку и явную фальсификацию результатов в свою пользу, Ельцину не удалось добиться победы в первом туре. Оба кандидата собрали примерно по трети голосов избирателей. Исход второго тура решило предательство одного из кандидатов патриотической ориентации генерала Лебеда (собравшего 15% голосов), призвавшего своих избирателей проголосовать за Ельцина и получившего от него за это портфель секретаря Совета безопасности. Учитывая, что значительная часть голосов в пользу Ельцина была фальсифицирована, о его победе на выборах можно говорить только условно. Зато отношение к Ельцину среди русских людей выкристаллизовалось в отчетливый образ «губителя Отечества и разорителя Державы Российской». Летом 1996 года, как и в дни государственного переворота, среди простых русских людей распространялись листовки с молитвой к Богу от избавления России от Ельцина.

Новый срок президентства Ельцина начался с многомесячной тяжелой болезни. За недееспособностью президента государственные дела вершило его окружение во главе с Чубайсом. Господство еврейской финансовой олигархии стало абсолютным. Березовский стал заместителем секретаря Совета безопасности. Ключевой пост министра финансов получил близкий к Чубайсу еврейский советник Ельцина Лившиц. В марте 1997 года Ельцин резко усилил космополитический характер правительства. Посты первых заместителей председателя правительства заняли два известных еврейских политика — Чубайс (занимавший до этого должность руководителя администрации президента) и Немцов (занимавший ранее пост губернатора Нижегородской области). Лившиц был передвинут на пост главы администрации президента, а его место министра финансов в правительстве занял Чубайс, объединивший, таким образом, два ключевых правительственных поста. Новым министром экономики стал Уринсон (одновременно получивший пост вице-премьера), а главой Госкомимущества — «человек Чубайса» Кох. Еврейская олигархия резко сократила число «уполномоченных» банков. Основные средства госбюджета стали «прокручиваться» только через банки, напрямую подконтрольные еврейской финансовой олигархии. Невыплаты заработной платы в бюджетной сфере вошли в систему. Прибыль от этого «бизнеса»

(прокрутки средств госбюджета) перечислялась в иностранные банки. Российское производство лишалось даже надежд на инвестиции. Русский капитал вытеснялся из страны, а русские предприниматели, лишенные государственной поддержки, разорались.

Ухудшение здоровья Ельцина вынудило мировую закулису и российскую еврейскую финансовую олигархию позаботиться о его преемнике. Еще в 1995 году в США высказывалось предположение, что такой фигурой может стать генерал Лебедь, участник государственного переворота августа—декабря 1991 года. Лебедь был единственным генералом, который прислал поздравительную телеграмму Б.Ельцину по случаю расстрела Дома Советов.

Американские правые дважды доводили до меня информацию о том, что Лебедь является кандидатом в новые президенты России, утвержденным мировой закулисой. Мне сообщили, что на его избрание еврейские финансовые круги Америки выделили 1 млрд. долларов. Эти круги располагали значительным компроматом на Лебеда, с помощью которого генерала можно было сделать послушным орудием в их руках.

В 1996 году Лебедь становится одним из кандидатов в президенты. Его кандидатуру поддержали представители еврейской финансовой олигархии, прежде всего в лице Гусинского и Березовского. Роль международной избирательной кампании Лебеда выполнял А.Головков, ближайший соратник Е.Гайдара и А.Мурашева, один из активных деятелей криминально-космополитического режима, руководитель предвыборной кампании Ельцина в 1991 году, занимавший пост управляющего делами Совета Министров РФ. В числе ближайших помощников Лебеда в кампании 1996 года были два известнейших еврейских политика-русофоба — «изобретатель российского ваучера» В.Найшуль и журналист-«спичмейкер» Л.Радзиховский.

Предсмертное состояние Ельцина в ноябре 1996 года подтолкнуло руководителей мировой закулисы лично познакомиться с Лебедем. 16 ноября одна из главных организаций мирового правительства Совет по международным отношениям, возглавляемая Д.Рокфеллером, вызвала Лебеда в Нью-Йорк, где устроила генералу настоящие смотрины.

Как рассказывали мне американские правые, очевидцы этих событий, генерал Лебедь, его жена и шестеро

сопровождавших прибыли в нью-йоркский аэропорт им. Кеннеди в час дня в субботу (16 ноября 1996 года) и немедленно вылетели в Хьюстон, где побывали в гостях у бывшего президента США Джорджа Буша, лично ответственного за разрушение СССР, у которого был также специально приехавший на встречу из Вашингтона его бывший советник, активный участник холодной войны против России генерал Brent Скоукрофт. В конце дня Лебедь и сопровождавшие посетили бывшего госсекретаря Джеймса Бейкера и вылетели обратно в Нью-Йорк, где остановились в роскошной гостинице «Ридженси» на 61-й улице в Парк-авеню.

В тот момент в том же отеле находился бывший израильский премьер Шимон Перес с многочисленной охраной.

На субботней встрече Лебеда с Бушем, Скоукрофтом и Бейкером присутствовал советник генерала по внешним делам Шалва Бреус, которого впечатлила, по его выражению, «сильная энергетика» этих бесед, как выразился очевидец. Был высокопрофессиональный разговор: с картой, со знанием фактов, с превосходным знанием биографии Лебеда.

«Во вторник вечером, — рассказывает мой знакомый, — перед вылетом Лебеда из Нью-Йорка в Вашингтон, генерал дал пресс-конференцию в своем отеле, где я спросил у него, какое впечатление он вынес из хьюстонских встреч. «Я увидел команду, которая продолжает работать, — сказал генерал. — Просто потому, что любят свою землю. Гордятся ею. Желают ей всякого добра. Мы ходили с президентом Бушем по ипподрому. Такое теплое, живое, человеческое к нему отношение». «Какого калибра были ваши собеседники?» — спросил я. «Самого крупного, — сказал Лебедь. — Они патриоты своей страны с большой буквы».

В понедельник Лебедь провел почти 5 часов в Совете по международным отношениям, где, по словам Бреуса, его «очень доброжелательно» представил собравшимся бывший госсекретарь Генри Киссинджер. Во вторник Лебедь завтракал с бывшим послом США Джеком Мэтлоком, а к 12 часам дня длиннющий черный лимузин «Таун кар» с генералом, одетым в светлый костюм, подкатил к дверям Синода Русской Зарубежной Церкви. «Я везде искал мораль, — сказал Лебедь. — И в Церкви искал православной... Я человек мирской, можно сказать, многогрешный, среди десантников тяжело с

ангелами, и вдруг я увидел, что люди, которые по сану должны быть благочестивые, должны к свету разума вести, так они грешнее меня... Это не Зарубежной Церкви касается, это отечественной, православной. Погрязли они в разных прегрешениях... Я туда подошел и отошел. И не могу пока прийти из-за них». Как мне впоследствии рассказывали в Джорданвилле, на православную иерархию Лебедь произвел отталкивающее впечатление. Но поддержать Лебеда требовали американские власти.

«России сегодня необходима умная, демократическая и сильная власть, — говорилось в заявлении Лебеда, сделанном в связи с его поездкой в США. — Вот для того, чтобы попытаться понять природу современной демократии, я и решил принять приглашение Совета по международным отношениям — посетить с визитом США, страну, где есть и развитая демократия, и сильная власть». После православного Синода генерал встретился с руководителями Американского еврейского конгресса и заверил их в своей лояльности к ним.

Во время этой поездки Лебедю удалось заручиться твердой поддержкой руководителей мировой закулисы, в результате чего в начале 1997 года им было создано новое космополитическое движение «Третья сила», в числе основателей которого были многие его соратники по кампании 1996 года, а также своего рода комиссар мировой закулисы бывший активист антирусской организации «Выбор России», соратник Е.Гайдара Г.Каспаров.

1995—1997 годы были наполнены для меня нескончаемыми поездками по России и за рубеж. Огорчало то, что в этом калейдоскопе событий я почти не улавливал положительного содержания. Даже самые радостные встречи и события омрачались тем, что за всей нашей жизнью развивался неконтролируемый антирусский процесс. Казалось, демократы проиграли, большую часть депутатов от Государственной думы составляли люди, называвшие себя патриотами и государственниками, но государственное дело буксовало. Мои друзья из спецслужб сообщали о постыдных фактах подкупа депутатов администрацией президента. Покупали поштучно не только за деньги, а за квартиры, дачи, земельные участки, должности, за предоставление возможности нажиться. Появились сонмы продажных депутатов — рыбкиных, селезневых, невзоровых, которые губили, дискредитировали патриотические идеи.

Тех, кто не продавался, шельмовали, пытались убить. В конце 1995 года по заказу «демократов» пытались взорвать депутата Государственной думы, лидера республиканской партии Н.Н. Лысенко. По счастливой случайности никто не погиб, сам Николай Николаевич в этот момент разговаривал по телефону в другой комнате, опасаясь прослушивания. Первоначальный замысел бандитов состоял в том, чтобы убить не только Лысенко, но и видного русского общественного деятеля В.Н. Осипова. Владимир Николаевич рассказывал мне, что взрыв прозвучал именно в то время, когда они с Лысенко должны были встретиться. Но Осипов опоздал на 40 минут. Следствие велось полгода. В результате следствие обвинило во взрыве самого Лысенко, хотя никаких оснований для этого не было. По мнению Осипова, «власти одним выстрелом убили двух зайцев: наносился удар по известному русскому патриоту, бескомпромиссно разоблачающему беловежское преступление, и делался подарок лично Черномырдину». Всем памятно июльское 1995 года заседание Госдумы, на котором поднявшийся на трибуну Черномырдин, «умиротворитель Басаева», получил публичную оценку Лысенко: «Негодяй, предатель». Полтора года Лысенко держали в тюрьме, а затем за неимением доказательств вынуждены были отпустить. Эта история показала мне, как недружно и разрозненно патриотическое движение. Враги русского народа терзали нашего соратника, но только единицы из наших подняли голос в его поддержку. Для многих личные счеты и мелкие амбиции стали выше общего дела. По этой причине развалились многие наши объединительные организации, начиная с Русского национального собора и Фронта национального спасения до Народно-патриотического союза.

С некоторыми руководителями этих объединительных организаций мне приходилось близко общаться. Мне казалось, что в душе они в успех дела не очень-то верили. Среди многочисленных поездок по России в середине 90-х годов мне запомнилась недельная поездка с группой писателей в Сибирь и на Байкал, которую организовал Валентин Григорьевич Распутин. В группу, кроме Распутина, входили С.А. Лыкошин, В.А. Костров, Э.Ф. Володин, Л.И. Казинцев, певица Е.Смолянинова и актер Г.Жженов. В течение недели мы ездили по раз-

ным организациям, предприятиям, учебным заведениям Иркутска, побывали на озере Байкал. Распутин, Володин, Казинцев входили в руководство всех объединительных организаций России. За разговорами о политической ситуации в стране мы провели много часов. В разных аудиториях, особенно Распутину и Володину, задавали много вопросов. Было совершенно ясно, что конкретного плана действий у них, руководителей самых влиятельных патриотических организаций, не было. Не хватало средств. Многие мероприятия, проводимые патриотами, превращались в говорильню, «выпускание пара». Не было харизматической личности, способной силой своего авторитета объединить всех.

Распутин, Володин и Казинцев были членами руководящего органа Народно-патриотического союза России. С большой симпатией относясь к ним как к писателям и публицистам, я с горечью почувствовал в их рассуждениях национал-большевистские нотки, попытки запрячь в одну упряжку коня и трепетную лань, красных и белых. Конечно, Народно-патриотический союз, руководителем которого был Г.А. Зюганов, не мог объединить всю Россию, потому что предлагал сделать это на основе коммунистических идей, сконструированных еще еврейскими большевиками. Попытки сочетать русский патриотизм и космополитическую теорию марксизма-ленинизма бесперспективны. Ту же горечь я почувствовал, когда незадолго до президентских выборов 1996 года беседовал с Зюгановым. Я подарил ему свою книгу «Тайная история масонства» и передал записку о современном российском масонстве и связанных с ним организациях и личностях. В ней, в частности, давалась информация о связи Ельцина и Лебеда с масонскими ложами в России и на Западе. Я предложил ему использовать эти материалы в предвыборной борьбе, и он, казалось, согласился со мной. Как показали дальнейшие события, Зюганов это сделать не осмелился.

Продолжение следует

ПАСЫНКИ ВРЕМЕНИ

РОМАН

ИСТОРИЯ ПЛАКСИНА

1

Лидия Матвеевна пересчитала рублевки, краешки губ у нее опустились, и она спросила устало:

— И не стыдно тебе?

Тон упреков ее раз от разу менялся: сначала было в нем удивление, потом — злость, позже — насмешка, а теперь уже просто усталость. Выходит, погасло в ней всякое настроение.

Аркадию Гавриловичу было стыдно, однако оттенков в упреках он не различал. Стыд стал его самочувствием. Он перед всеми считал себя виноватым — и перед женой, и перед дочерью, и перед теми, кто дважды в месяц протягивал ему эти рублевки. Хотя, вообще-то, на работе легче и проще, чем дома. Там, если укажут на недоделку, так есть метла и совок, чтобы мусор или синий помет, не замеченный из-за малой сноровки, замести и убрать. А на домашние укоры только и остается еще больше сжаться.

Окончание. Начало в №3 за 2009 г.

ПРОЗА

Шесть белокаменных вилл, возведенных в подражание замкам, просторно расставлены. Не хватает вымпелов под островерхими кровлями, но и так вид у всех горделивый. У крылечек — ряды розовых кустов, под окнами — ленточные клумбы. Дорожки из красноватых и серых плит разделяют просторные газоны. Над ними высятся ели, каштаны, березки. Их привезли сюда уже рослыми и поместили в глубоких ямах, наполненных доброй землей. Все это великолепие пестует агроном, тоже наемный, тоже выброшенный из своих дел на каких-то полях, почему и постоянно хмурый.

Владения шести хозяев, наверняка составляющих некий клан, отделены от городка, что стоит на канале верстах в пятнадцати от Москвы, высоченным кирпичным забором с железными пиками поверху. Чужаку ни пролезть, ни заглянуть, ни подслушать. Но в праздники и по выходным в каждую виллу шумно являются гости — нарядные дамы, нарочито небрежные мужики, джинсовые подростки, пестро разодетые малыши. Оставив за оградой разномастные иномарки, входят в узорные ворота, по такому случаю распахнутые настежь, подолгу целуются с хозяевами, будто не виделись вечность, потом пируют на верандах под музыку, не слишком громкую, чтобы не мешать ближайшим соседям, тоже пирующим, а утомившись застольем под крышей, перебираются на газоны и дальше пируют на манер древнеримских патрициев — раскинувшись на коврах. После них по всему подворью уйма всякого мусора — лоскутья журнальчиков и пакетов, объедки, окурки, даже битый хрусталь, а нередко и блевотина в каком-нибудь закутке. Это бы еще ничего, на то дворник и нанят. Досадно, что окликают небрежно — Гаврилыч.

В каждом особняке есть живность — лелеемое собачье от маленьких болонок и пекинесов до огромных ротвейлеров и догов. Мелюзга носится вольно, а зубастых чудищ выводят на поводках, чтобы не сцепились с соседскими, так что повсюду нашлепаны следы их сытной жизни, и разразится скандал, если кто-нибудь из хозяев вляпается в зловонную кучу.

Загуляв допоздна, гости часто оставались и на ночь. Вереница машин за оградой требовала присмотра. Плаксин как-то попросился стеречь их, рассчитывая на доплату. Вместо нее пожали плечами: мол, при твоей нека-

зистости любой налетчик тебя запросто пришибет. И осталось по-прежнему — дважды в месяц стучаться в особняки за получкой. Свалили через порог то сто, то двести рублей, всегда мелкими бумажонками. Здесь счет деньгам знали. Богатство и скупость — родня. Один лишь бывал прибыльток — не до конца опорожненная бутылка, забытая на газоне. Поначалу выбрасывал вместе с мусором, но как-то с огорчения приложился и втянулся — не так чтобы словно в омут, а ради хоть какой-то улады. Пустые бутылки стал набирать в мешок до подъемного весу и, по возможности незаметно, таскать в пункт приема посуды. Тоже прибыльток, хоть и мелочной... Да, носить на работе дали серую блузу с насмешливой надписью на спине «Tout pour les femmes» — название чьей-то фирмы, означающее в переводе с французского «Все для женщин». С такой надписью даже в сумерки не пойдешь по городку, возвращаясь домой, в избушку за серым дощатым забором.

Так что, ох, как понятны попреки супруги, некогда Лидочки, ныне же Лидии Матвеевны. Она и раньше была неохоча на допуск к себе — утомишься подлизываться, пока скажет, поморщившись: «Ну, ладно, не страдай, иди попрыгай...», а теперь только глянет так зло и брезгливо, что напрочь отшибает порыв. Подумать — так и это понятно. Если бы хоть дважды в месяц, при вручении ей получки звучало бы это ее «И не стыдно тебе?», а то ведь дня не проходит без вздохов. И не защититься жалобой на времена, закрывшие все дороги. У Лидии Матвеевны наготове еще один всплеск — «Другие-то мужики!..».

Хоть на крылечко уйди — и там достанут упреки. Не отвечая на них своими вздохами и словами, Плаксин неслышно, не стукнув калиткой, выходил на улицу и бродил по переулкам, пока не погасала последняя сигарета. В нем давно уже перегорела горечь от унылых домашних бесед, сменилась она бесконечной жалостью и к жене, и к доченьке, и к себе. И в минувшем нет ничего такого, чтобы опереться и хотя бы чуток приподняться, и нет надежды хотя бы на простенькое везение впереди. Оно одаривает идущих, а он все тропы уже исходил и во все двери стучался. Одно осталось — услужение хозяевам вилл да потускневшая память, которая нехотя шевелится под глубокие затяжки едким дымом дешевеньких сигарет.

Едва научившись смотреть в окружающее и соотносить, он спросил тетеньку-воспитательницу:

— А у меня есть мама и папа? Или, вот все говорят, меня, как и всех, нашли на помойке?

Она ответила непонятно:

— Конечно, есть у тебя и мама, и папа, но они, наверное, там, откуда не возвращаются...

И через год или два:

— У меня отчество — Гаврилович, значит, моего отца звали Гаврила?

— Да нет. Это милиционер, который где-то тебя подобрал и сюда у нас принес, назывался Гаврилов.

— А откуда у меня такая плохая фамилия — Плаксин?

— А это был у нас одно время директором выдумщик. Он всем найденышам по их нраву сочинял фамилии. Ревунов, Ломакина, Чудаков. Ты часто плакал — вот и фамилия... Зато имя тебе дали Аркадий, чтобы ты был счастливый.

Стало быть, не ревой ты был, а плаксой. Выростал в тихих слезах. Но ничего-ничего: кто много плакал в младенчестве, тот потом все терпит без слез.

Нарекли бы Пафнутием, так точно счастья не увидеть. Правда, оно и с гордым именем что-то не зажигалось. И в детдоме, и в школе, и в техникуме Плаксин всегда к кому-нибудь прислонялся, почему и пребывал в младших приятелях. Везде находился кто-то успешный, принимающий под крыло, и он тянулся вслед за таким, привыкая быть подопечным. По примеру увлекся физикой и черчением, по примеру поступил в судостроительный техникум. В лидеры не выбивался, но и позади всех не плелся. Однако потрафило: на работу распределили не куда-нибудь в невозможно далекую и пугающую Игарку, а в подмосковный городок. Пожалуй, пожалели Аркадия Плаксина — на вечной мерзлоте, бывает, и богатыри погибают.

Заводик в подмосковном городке на канале из Волги небольшими заказами ставил на речные пассажирские и грузовые суда новые двигатели взамен износившихся. Дело, кстати, не такое уж и простое: инженерам-конструкторам приходилось немало помозговать, чтобы новую мощь приладить к старым носителям. Конструктор-

ские наброски Аркадий Плаксин превращал в четкие, ясные, даже изящные чертежи, понятные и не слишком поднаторевшим монтажникам. В этом был его несомненный талант, почему и числился он не чертежником, а для поощрения — инженером. Поэтому и с жильем сразу устроилось — дали комнату в коммунальной квартире.

Городок этот тогда еще не обрастал домами, подпирающими небо. Вдоль тихих улиц тянулись избы сомкнувшихся деревенок, перемежаясь с пятиэтажками, которые в народе называли хрущевками, да на окраинных пустырях возвели десяток жилых зданий повыше. Теперь и они кажутся обветшавшими, а в ту пору старожилы с завистью следили за новосельями.

Плаксин, однако ж, никому не завидовал. Вообще-то низкорослые люди ревнуют чужие успехи, он же, выросший без дерзаний, был рад и тому, что живет не в захолустье, что в любой день всего-то через час может окунуться в столицу. Он чувствовал свою меру, и поэтому жизнь его шла без встрясок. Не хныкая жил, под утешительный совет: «Живи, как живется». Не довелось ему услышать и принять иной совет — укоризненный: «Надо жить, если живешь»...

На заводике не увидел громких людей, и в быту теперь ни к кому не прислонялся, и в шумные компании не лез — разбирайся потом в пьяных скандалах. В маленьких городках у любого проступка неумолчное эхо. Разве что в канун праздника уговаривался с коллегами забежать на полчаса в кафе, либо соседи позовут отметить рюмочкой свое какое-нибудь событие. Такого прилежного человека часто привлекали к общественным поручениям — плакатик нарисовать, или встретить приезжих артистов, или подежурить в клубе на выборах. Это разнообразило спокойные вечера, не больше.

И все же при виде удачливых ухажеров нутро его поджималось, на задворках памяти оживал интим по-быстрому, случившийся в общежитии техникума, на вечеринке, с подружкой подружки своего боевого приятеля, и что-то похожее на тоску щемило грудь. Та подружка подружки была крепко пьяна и собою настолько несимпатична, что тщеславия не возникло. Но ничего-ничего, он еще высмотрит такую, что душу заполнит. И высмотрел. Вернее — высмотрели его.

Звалась она Лидия. Невысокая, пухленькая, глазки с прищуром, ямочки на щеках, и нравом приветливая. Служила на том же заводике в канцелярии — бумажка-ми руководила, и выросла в этом же городке. Все ее знали. Будь Плаксин порасторопнее в знакомствах со старожилками и не пришельцем для них, а своим, он тоже все о ней знал бы. А так лишь через годы дошло до него, что на ранней девичьей поре слюбилась она с одноклассником. У него то ли фамилия, то ли кличка была — Каленый, очень ему под стать. Другого такого мощного парня не нашлось бы не то, что в городке, но и во всей округе. Покатые плечи вразлет, кулаки с небольшой арбуз, и весь словно бы вылитый из свинца. Однако в спортивном зале ему не глянулось: штангу и гири без конца поднимать — скукота, для бокса — медлителен, а хотел заняться борьбой, так на первой же тренировке сломал сопернику ребра. До какого рубежа они долубились, неведомо, только прямо-таки рыдала она и долго печалилась, когда его по воинской повинности призвали во флот, а там целых три года служить. Два из них он слал ей письма в стихах. Что-то вроде такого:

*Люблю тебя я, как ветер весенний,
Как летнего солнца восход,
И знаю я без малейших сомнений,
Что счастье к нам снова придет.*

Конечно, содрал, подсмотрел у кого-то... Она же за эти два года прижилась в канцелярии. И тут на общую беду пришвартовался к заводику гигантский по речным габаритам лайнер — четырехпалубный ярко-белый красавец. За установкой ему нового двигателя наблюдал тоже красавец — молодежавый, донельзя приветливый и шегольски одетый механик. Он-то Лидию и высмотрел. Танцы в клубе — при ней, прогулка после работы — при ней, и в Москву возил несколько раз то ли в ресторан, то ли в театр. Зарумянилась девка и в конце концов отправилась с ним на теплоходе с отдельными каютами в увеселительную прогулку с субботнего вечера аж до утра понедельника. Что там было меж ними — точно тоже неведомо, но ближние соседки отметили, а значит, и всем дальним стало известно, что он уже запросто ходит к ней в избу. Такие дела чужих глаз и ушей не минуют...

В начале третьего года матросской службы Каленый, добившись благосклонности командиров, приехал в свой городок на побывку. Молва, конечно, тотчас его настигла, и в первый же вечер он подкараулил механика и на виду у всех принялся его бить. Ладонью хлестал по лицу, вонзал кулак в грудь и живот, швырял наземь и пинал то одной ногой, то другой, хватал за волосы и возил по грязи. Конечно, толпа сбежалась, но охотника усмирить Каленого не нашлось. Кричали только:

— Остановись! Убьешь!

Прибежала и Лидия, в защитники тоже не кинулась, лишь вскрикивала:

— Не было у нас ничего! Не было!..

Это и остановило Каленого. Он мутно глянул, отвернулся и ушел.

Чуть позже видели его развалившимся на скамье у кафе вдребезги пьяным. Маленький братишка безуспешно его тормозил:

— Айда домой, мамка плачет!..

Механика кое-как выходили. Красавец стал инвалидом. Тряс головой, руки постоянно прижимал к животу и ноги едва волочил.

После энергичных разбирательств по воинской части и по гражданской осудили Каленого на строгих пять лет, и вести о нем оборвались. Братишку его — шустрый подрастал пацаненок — иногда останавливали расспросить, он убегал.

У жизни, помимо суровых, есть и ласковые движения. Пересуды улеглись. Лидия успокоилась и даже похорошела. Только вот ухажеров за нею больше не замечалось. Каленый надолго всех перепугал: подступишь к девчонке, а он вдруг вернется... К тому же начальство ее вроде приголубило, так приголубило, что пересуды опять встрепенулись. Впрочем, к тому времени, когда на заводик пришел и в городке поселился Аркадий Плаксин, начальство сменилось.

Лидию было нельзя не заметить: такая миленькая, а мужика ни в какой час рядом нет. И то ли нарочно, то ли само собой так получалось, но по пути на заводик или обратно, утром ли, вечером ли семят да семят впереди ее ножки. И однажды она оглянулась — с улыбкой — чего же не догоняешь? Плаксин, прежде женским вниманием обделенный, поначалу был робок, но пошли свидания, все более смелые, потому как в неведении, а даль-

ше — обыкновенно: немногочисленная свадьба, обустройство избышки, рождение доченьки Наденьки.

И сложились бы годы в десятилетия, и тихонько до текли бы до устья, если бы так бурно, так вдруг не переменялось время.

Да, жизнь текла без водоворотов, хотя где-то невообразимо высоко год за годом гремели призывы всю ее перестроить, ускорить и даже углубить. На заводике было по-прежнему тихо и гладко. Волнения начальства на нем не замыкались, не трогали никого, потому что не шли дальше речей о необходимости действовать по-новому. Как же именно — не уточнялось. Порывы, вроде бы и благие, оставались на уровне болтовни. Туманные призывы верхов внизу отразились частушкой:

*Моя милка подо мной сделала движение:
То ли хочет перестройки, то ли ускорения...*

Плаксин подобно всем, кого знал, бытовал, сколько помнилось, под эгидой привычных лозунгов, только и раньше и теперь были они для него как ветерок, который и в спину не подгоняет, и в глаза не пылит. Теперь сверху убеждают, что какой-то процесс пошел, а рядом кто-то лезет в какие-то общества с ограниченной ответственностью — хрен его знает, кто ныне чего ограничивает или не запрещает. Где-то там ссорятся, надрываются, дерутся с конкурентами, подкупают чиновников, где-то там разбушевались враждебные страсти, одни вырывают власть, другие в нее вцепились. Волны, конечно, доходят, так ведь стекла в окнах избышки от них не дрожат. Государство на куски разлетелось, так ведь он-то из тех бесчисленных человечков, от которых в большом мире никогда ничего не зависело. Найдись вожак, и он, пожалуй, приподнялся бы, так ведь бывшие и новые вожаки теперь все в мутной воде ловят рыбу пожирнее, теперь каждый сам себе вожак в свою меру.

Но пока бурелом не обрушился сверху в низовую жизнь, теплились надежды, что утихомирится время, и все пребудет, как было. Вот доченька в школе успешна — это ли не радость? Жена не придирается к зарплате — это ли не утешение? Впрочем, Лидия понимала и до свадьбы, что не предвидится в доме богатства. Хотя даже хрупкая надежда — надежда, в этом устойчивость малых людей.

И все же растерянность охватила, когда раздраз большого мира ворвался в скромненькое бытие.

Сначала премии прекратились, затем зарплату стали сокращать и задерживать, а в один, не какой-нибудь ненастный, а солнечный день объявили, что заводик напроць зачах и закрывается, потому как заказов нет и не предвидится, речной флот вслед за морским разорен, и каждый от уборщика до начальства волен искать другие способы существовать.

Лидия Матвеевна разругалась:

— Это какая же сволочь нас давит? — Она в любых невзгодах старалась найти виновную личность. Отругав заодно и небеса, перенесла гнев, разумеется, на супруга: — Ну, чего сидишь-думаешь? Бегать надо!

Он же, сомлев телом и разумом, еще только осознавал, что заводик-то был опорой всей его жизни, но вот она выбита, и он повис в пустоте, и не за что уцепиться. Кто руку протянет или хотя бы даст верный совет? Все нынче руки свои и советы хранят при себе. Некуда втиснуться, не к кому прислониться. Нет нужды в искусстве чертежника. Иного умения нет, а плечи грузной ноши не вынесут. Вон сколько больших умельцев разного рода толпится на улицах — ожидают, когда позовут на услуги, и не дожидаются... Вон сколько солидных дверей открыты только на выход, а не на вход, потому что за ними дела вымерли. А бегать-то надо: жену и дочурку не выкинешь из души. Нашелся бы дьявол какой купить душу, так ведь ему Фауста подавай, а не пустеху... И, не отряхнув горевания, Плаксин все же отправлялся на поиски бреши, которую мог бы заполнить собой.

3

Первым делом его повело на рынок. Что ни говори, а ведь и сама жизнь — как базар, где продавцы подороже продают купленное дешевле, а покупатели расплачиваются наваренным какими-то своими хитростями. Так, может, в этой цепочке проглянет незанятый промежуток?

Рынок протянулся вдоль железнодорожной платформы, у которой часто останавливались электрички из Москвы или в Москву, и вереницы осторожных людей растекались меж торговых рядов. И в ширину был рынок не мал. По краям его сомкнутым строем стояли ма-

терчатые ларьки, по центру, сдавливая проходы, теснились деревянные прилавки под крышами. Пустот не наблюдалось, каждую пядь покрывали разнообразнейшие товары, внушая кому азарт приобретения, а кому — только зависть. Сразу же замечалось, что товарное изобилие привалило сюда, за редчайшим исключением, не из нашенских мест. К полудню и ближе к вечеру, а по выходным с утра и до сумерек вереницы возможных покупателей образовывали встречные потоки, и все бойчее звучали, сливаясь, призывы:

— А вот австрийские туфельки для красавиц! А вот кожанки прямиком из Стамбула! Скорее приобретаем наряд для невесты, чтобы жених не убежал! Женщина, специально для вас гарнитур белья из Парижа — муж будет вами доволен! Мужчина, меняем модный итальянский костюм на ваш поношенный! Ой, дамочка, это шелковое платье так вам к лицу!

Эту разноголосицу не мог заглушить даже дробный грохот из музыкальных ларьков.

В часы особенно лихой распродажи Плаксин мрачнел из-за того, что непричастен к шумному празднику обнов. Не так уж и ярится на покупки разномастная толпа, привередничает, отступает от прилавков, возвращается, примеривается, просит скидок — не такие уж и богатеи, да поуспешнее, нежели он.

И ничего дельного не высмотреть в толчее, хоть сбоку гляди, хоть в гущу лезь. И вообще, наверное, наивно и смешно видеть в этой сумятице механизм, в котором какая-то шестеренка плохо работает или отсутствует, а ты как раз тут. Нет, некая налаженность отчетливо проступает. Вот в ранний час между еще пустых рядов сноровисто движутся две тетки с метлами, одна — вдоль, другая — поперек. Мусор сгребают бережно, словно бы ищут в нем и боятся упустить что-то ценное. А может, они не поднимают лиц от земли потому, что стыдятся своей работы и не хотят, чтобы их узнали, может, они из таких же, как он?

— Гражданочка, извините за любопытство, но будьте добры — сколько платят за работу оператора на чистоте?

Одна будто не услышала, вторая, по-прежнему не поднимая лица, проворчала:

— На бирже труда узнавай...

Да, такое заведение известно. Вдвоем с Лидией Матвеевной, чуть оправившись от потрясения, за три дня

выстояли понурю очередь на постыдный учет. С полгода получали там половину того, что зарабатывали на заводике, а затем гроши — как нищим на паперти. К тому же на бирже уже грозились, что и в них скоро откажут. Конечно, можно было бы и на эту подачку прокормиться хлебушком и картошкой, если бы биржа давала надежду, но у нее предложения были — лишь бы отделаться. Лидию Матвеевну, например, хотели направить санитаркой в чахоточную больницу — отвергла из не угасшей брезгливости.

А Плаксину ничего не предлагали: он принадлежал к безнадежной категории бедолаг с никому не нужным умением. И вообще складывалось убеждение, что нынешние работодатели батраков нанимают не с улицы... Будь еще какая-нибудь надежда, можно было бы продержаться немного, распродавая домашний скарб, да кто позарится на него при таком рыночном изобилии? Вон на каждом перекрестке стоят бабульки с разрозненными чашками-ложками и тряпицами — прямо-таки живые образы гоголевских нищенок, с которыми так любил поговорить Иван Иванович...

Плаксин, в общем-то, большим читателем не был — так, полагается вроде человеку, который ближе к интеллигенции, нежели к работягам, знать кое-что из литературного мира, но и в добрые, и в неуютные минуты великие откровения ничего ему не подсказывали. Его чтения были всего лишь подражанием тем, к кому прислонялся. Не смог бы он и себе объяснить, почему в ненастье, охватившее все вокруг и его придавившее, из глубин бесполезной памяти поднимается вдруг не Гамлет какой-нибудь с его «Быть или не быть?», а строки из вовсе нечаянно услышанных от одного умного человека из записок протопопа Аввакума, предводителя и глашатая первых раскольников:

«Сам и протопопица брели пешие, убивающиеся о лед... Протопопица бедная бредет, бредет, да и повалится, скользко гораздо; в иную пору бредучи, повалилась. Я пришел. На меня бедная пеняет, говоря:

«Долго ли мука сия, протопоп, будет?» И я говорю: «Марковна! До самой смерти». Она, вздыхая, отвечала: «Добро, Петрович; ино еще побредем».

Зачем же из всего узнанного ненароком выползает такое? Разве чужие страдания, давным-давно позабытые

всеми, помогут в твоих? Тот Аввакум за свою истину принял муки, за нее был предан костру, а у тебя, крошечного даже в масштабах маленького городка, какая цель, кроме как выжить? Это, что ли, в душе что-то лопается? Гнать, гнать прочь эти мысли, а то ведь и выживать не захочется... К тому же Лидия Матвеевна далеко-далеко не смиренная протопопица...

А супружнице, не в пример ему, малость потрафило: сыскалось местечко в новообразованной фирме трудно понимаемого назначения. Некто по-новому расторопный, опираясь на хорошие связи, ловко ухватил щедрый кредит и собрал верных приспешников. Все они подвизались на поприще, громко именуемом «Средства массовой информации», кто — на телевидении, кто — в газетах, впрочем, на ролях не слишком заметных, почему теперь и рьяно взявшихся себя доказать. Арендовали у поникшего научно-исследовательского института полэтажа и наполнили кабинеты деловой суматохой. Перекупали, сами делали и продавали любую рекламу — от куриных ножек и специй до презервативов и лекарств, сводили людей, начинавших свои предприятия, копировали кинофильмы и пускали в продажу кассеты для домашнего просмотра, под девизом «Обреченная на успех идея» навязывали услуги нарождавшимся фондам — не без удач. Ольга Михайловна так и не разобралась в кипени их дел, приносивших, судя по приметам, хороший навар. Слышала только, как они называли себя менеджерами и продюсерами или советовали один другому:

— Ты больше десяти процентов не обещаешь. Ну, постепенно можешь довести до пятнадцати...

Ее взяли в помощь буфетчице, женщине хваткой, с задатками расторопного торгаша. Под прилавком она держала десяток бутылок хорошей водки, коньяка марочного и попроще, вина далеких стран и словно бы тайком наливала рюмку-другую желающим приободриться, не требуя немедленной оплаты, как бы из одной лишь симпатии к ним. Те, умиленные, расплачивались вдвое-втрое больше цены. Сама накрывала столики, запомнив предпочтения каждого посетителя, улыбаясь ему как бы от радости видеть его. Лидии Матвеевне вменила убирать объедки, мыть посуду и выносить липкий мусор. За это позволяла подкрепиться чашечкой кофе и остатками деликатесов, а зарплату — чуть больше подачек от биржи труда — выдавала кассирша. Но бывал и довесок.

Раз в неделю, а то и чаще в буфете совершался банкет — чей-то юбилей или просто проходной день рождения, празднование эффектной сделки или прием особо нужных клиентов. В такой день с утра пораньше, получив в кассе изрядную сумму, отправлялись в гастроном, самый крупный из ближних, — Ольга Матвеевна с тележкой на высоких колесах, с крепко привязанной к ней объемистой сумкой, буфетчица — с тележкой на колесиках низких и сумкой поменьше. К указанному часу, хоть буфетчица жаловалась на тяжесть в ногах, а помощница не успевала передохнуть, застолье было готово, по случаю важных гостей — роскошное, по обычному поводу — проще, но тоже обильное. Столики соединялись в ряд, стулья расставлялись просторно — для сидения долгого. И сменялись цветистые тосты, и непрерывно звенели бокалы, но это никогда не превращалось в пьянку, шло почтительное общение достойных друг друга людей.

Буфетчица в конце торжества подсаживалась к застолью, с деланным смущением выслушивала благодарности, чокалась, отпивая из рюмки глоточками. Лидии Матвеевне показываться не полагалось. Она оставалась за стойкой, сидела, расслабившись, пытаясь не дать воли зависти — «Живут же люди!..», смиряясь обидной поговоркой «Каждый сверчок должен знать свой шесток», — сколько людей тем и пробавляются, тем и живы, что обслуживают чужие пиры... Ой, не надо думать об этом, не надо, иначе злость заполнит нутро... От застолья всегда остается почти нетронутая снедь, это — ее добыча. Соберет, отрезав надкушенные края, бутерброды с икоркой и ветчиной — отдельно, куски торта — отдельно, бережно сложит в пакеты, сунет иногда и недопитую бутылку и так же бережно доставит все это домой. Буфетчица на объедки не зарилась... Аркадий Гаврилович на спиртное не падок — хоть что-то есть в нем хорошее, и бутерброды жует неохотно, стеснительно, а Надюшка чавкает аппетитно, думает, мамочка принесла полакомить ее из магазина. Умильно и жалостно смотреть на нее. Да и Аркашку Гаврилыча, бывает, жалко — он от попреков кукожится, становится еще тщедушней, чем есть...

Добираться туда и обратно — намаешься в автобусе и метро, зато на банкетах да и в обеденные минуты интересно смотреть издалека на мужиков и парней, увлеченных своим лихим делом. Скинуть бы годков десять-пятнадцать, можно бы кого-нибудь и приворожить.

Самый интересный, конечно, руководитель. Должно быть, и владелец. На большом возрасте, но осанистый, улыбочиво энергичный, всегда в белоснежной сорочке и галстук, которому нет цены, и в невероятно дорогом струящемся костюме. Во всех банкетах участвовал, сам говорил красивые тосты и других поощрительно слушал. И секретарша у него нарядная и премиленькая, хотя тоже в летах. Между нами, конечно, любовь и согласие, потому как он часто увозит ее в машине. Ну, таким жизнь в утеху.. Принесешь в кабинет ей и ему по чашечке кофе, когда буфетчице неважно, он обязательно поблагодарит:

— Сегодня кофе еще вкусней, чем вчера.

— А я, между прочим, больше умею. Я документацию знаю.

— Приятно слышать. Подождите, чего-нибудь и надумаю.

Не успел надумать: то ли продал фирму, то ли в иные дела ушел. И появился другой командир. Из тех, что вне возраста. Тоже ухоженный, но слишком уж строго одетый, будто во фраке, однако суматошливый и крикливый. При нем установилась нервозность. Все пытались ему угодить, да редко впопад, потому что он и не скрывал убеждения, что здесь собралась одни проходимцы: каждый хочет чего-то урвать. При виде его разбежались: никто не мог угадать, к чему он придерется. Он, похоже, вообще ненавидел людей, кроме, может быть, самых близких, и наверняка многих потоптал, прежде чем добрался сюда. Он и в кабинете своем, и даже в коридоре шумел:

— Как же это вы все тут раньше работали, до меня?!

При нем банкеты завяли. Как-то заглянул, оглядел всех по очереди, сказал: «Ну и ну!» — и хлопнул дверью. В тот вечер Лидия Матвеевна едва дотащила до дому небывало увесистую кошелку: сотрапезники быстренько разошлись, оставив недопитые фужеры и почти не тронув закусок. В буфете больше не собирались, приработок пропал. Но если являлись особо авторитетные гости, угрюмый начальник приказывал накрыть стол у себя в кабинете и преображался — и улыбки у него были в запасе, и приветливые слова. Как-то даже похлопал по плечу:

— Тебя Лидией зовут? Молодец, я доволен.

И она от неожиданности ляпнула:

— А нельзя ли мне прибавить зарплату, а то концы с концами...

Спустя полчаса он распахнул дверь в буфет и с порога прошипел:

— Чтобы я тебя здесь больше не видел! Все вы тут таскуны!

И сверкнул очами, скотина.

«Вот же дура я, вот же дура!..» — шептала Лидия Матвеевна, пересчитывая жалкий расчет. Ей никто не посоветовал — не первой она была выгнана вон, только буфетчица сунула на прощание цельную бутылку и отвернулась.

С того дня жизнь пошла вовсе сердитая. Лидия Матвеевна, что ни вечер, пеняла:

— Ну что, муженек, все без толку шляешься?

Он отмалчивался. Он старался.

4

В давние, мало-мальски благополучные дни Плаксин не всматривался в людей. Привычные лица не останавливали внимания — достаточно было поручаться мимоходом и улыбнуться. Чужие жизни не требовали любопытства, потому что ничем, в общем-то, не отличались от собственной и прочих. Теперь же, выброшенный из налаженных, пусть и скучных дней, пытаюсь втиснуться в неразбериху, найти в ней местечко, свой способ кормления, он исподтишка шарил по ней жалобным взглядом, быстренько отводя его в сторону, если замечал встречную настороженность. Он уже понял, что от знакомцев не получит подсказки — от одних из-за их такого же бесполезного рысканья, от других, пристроившихся, — из-за их неуважения к неумехам. Да и что толку в советах без верного адреса, когда, отмахиваясь, говорят: «Суетись»... Сам он ни разу никому по-серьезному не помог, разве что мелкими одолжениями, да и не обращались к нему за советами, потому как особой мудрости он предъявить не мог. Жил вроде бы среди людей, но — заслоненный своими хлопотами, такими же, как у них. Вот и приходится глядеть в чужие дела и лица, выматривая что-нибудь сносное для себя. Рынок, может, не слишком надежное место, да где он теперь, адрес надежды?..

Тетки-уборщицы неразговорчивы наверняка потому, что опасаются, как бы не перехватили у них метлу. Однако должны же быть неопасливые завсегдатаи рынка. Вот, едва уляжется пыль от метел, слегка обрызганная водой, как неведомо из каких подворотен накатываются цепочки теток иного вида. У этих глаза бойкие и твердая поступь. Они тащат за собой тележки с огромными пухлыми тюками. Бывает, что и мужики волокут целые караваны неподъемного груза. Каждая торговка свою точку знает, не надо впахиваться в ряды, тесня конкуренток. Только минутку передохнув от лошадиной работы, развязывают тюки и развешивают, расставляют, раскладывают свои предложения человечеству — на все случаи и потребности и даже излишества, которым названия не припомнить и назначения не угадать. Но к делу, Аркадий Гаврилович, к делу!

— Послушайте, гражданочка, не нужна ли вам помощь? Такая вы хрупкая и такой груз таскаете. А? За небольшую плату?..

— Э-э, милый, мы еще не разжились, чтоб нанимать. У нас не подработаешь.

Все же одна торговая пара — она за прилавком, он возле тюков — оказалась словоохотливой, просветила:

— У нас каждый рубль рассчитан и каждый шаг. Раньше мы сами ездили — сначала в Брест, туда поляки возили разное модное барахло, которого у нас в стране не было, а потом аж в Стамбул ездили, там полно залежалых вещей, набирай, сколько долларов хватит. Только надо знать, чего брать. Иной раз и прогадаешь. И вообще навар не великий. Сам едешь, сам везешь, сам ищешь, где продать. «Челноки» называется, слышал? И везде есть свой часовой — каждому следует сунуть... Исходный капитал по друзьям собирали. А возвращать тоже надо с процентами. У тебя исходного капитала нету? Так чего суешься? Пора одиночных «челноков» почти кончилась, мало уже таких рискованных. Сейчас действуют компаниями: одни возят, другие реализуют. «Специализация» называется. Цепочка плотная, чужого не берут. Судя по тебе, не твое это занятие — ты по канату ходить умеешь?

Верно, конечно, но ничего, ничего! — вот уже нашлись не отвернувшиеся, хотя всего лишь поговорили. Дальше, Гаврилыч, высматривай.

Еще мало народу в проходах между торговыми рядами, и особо приметны непохожие на покупателей. Трое, а то и четверо бритоголовых близнецов в черных кожаных куртках со множеством бляшек степенно совершают обход, каждый — по своему маршруту. Подойдет такой броский юноша к очередному прилавку и вроде бы рассеянно разглядывает товар, а владелец его тут же, быстро покопошившись под стойкой, сует что-то незаметное ему в боковой карман. Обойдя скучающе и лениво десяток прилавков и ларьков, юный мздоимщик останавливается, делает пометку в блокнотике и шествует дальше. Не озирается, а, похоже, все вокруг видит. Закончив свою часть обхода, он у выхода с рынка сходится с соратниками и, пошептавшись немного, они исчезают, растворяясь во встречной толпе. На беседу с такими отваги нет.

А на рынке уже торговый разгар, однако даже мелкий шанс для тебя не образуется. И не похож ли ты на зевак, которые приходят сюда подивиться — эх, чего только не бывает на свете!.. О чем они думают, когда, наглядевшись, уходят, такие же пустые, какими пришли. Зависть ведь — тоже мысль. И ты уходишь пустой..

Домой возвращался кружной дорогой, чтобы попозже увидеть в глазах Лидии Матвеевны все более колючий упрек. На пути два объекта задерживали ноющие шаги. Один — бывшая булочная, ныне игровой павильон, призывно блестящий полуголой красоткой, намализованной на витрине. В распахнутые двери бодро входили и шустрые пацаны, и солидные мужики, а выходили вялые, одинаково удрученные. Вот же как: всем ведомо, что выигрыш предусмотрен мизерный, но каждый верит, что именно ему сегодня потрафит. Это похоже на бодрящие лозунги, которые увлекут и подчинят, а потом, кроме авторов их, все остаются с прорехами. Не было раньше таких мыслей у Плаксина.

А второй объект — церковь, оставшаяся от деревенских времен городка. Старенька, обветшавшая, она за последний год принарядилась — стены побелены, крыша поправлена, двор прибран, и кресты на куполах блестят позолотой. Видно, все нарастает поток прихожан. Сюда тоже приносят надежды. Даже и попрошайки, что цепочкой стоят возле паперти, подставляя руки ладошкой вверх. Добро бы, одно ветхое старичье, а то вон и

парень в бушлате с одутловатым лицом переминается на костылях. А не похожи ли и твои хождения на поиски милостыни?..

Несчастья поодиночке не бродят. Они любят действовать скопом. Куда уж, казалось, дальше в них погружаться, а тут еще и мать Лидии Матвеевны померла. Впрочем, если спокойно подумать, надо бы добавить — наконец-то! — хотя, пожалуй, грешно это — с облегчением принимать кончину даже и такого никому уже не нужного человека.

Избушка, в которую Лидочка после загса ввела Аркадия Плаксина, была как бы втиснута в чужие подворья. Со всех сторон сжимали ее соседские заборы. Всего-то имения — две яблоньки с вишенкой да огородик. Вместо сеней — узенькая веранда, часто с картонками, заменившими стекла, за нею горница в три окошка, из горницы две двери в совсем уж крошечные комнатухи: кровать со шкафом поставить — и не более. Полы некрашенные, стены в обоях неведомой старины. Чувство такое, будто хозяина здесь и не было никогда.

Теща в загс не пошла: ногами недужила, но когда гости ввалились в горницу, явилась к столу и водочки пригубила. Хорошей выпивки было всего-то три поллитровки: еще не закончилось время дурацкого гонения на нее ради поголовной трезвенности народа. Дурацкого потому, что в ответ варение самогона достигло высот изобретательности и объема, а еще хуже — многие приучились вкалывать в себя и нюхать всякую гадость. Немалое число отравилось подделками и по сию пору травится... Скромным вышло свадебное застолье. Водку выпили быстро, самогон — чуть подольше. Гости покричали «Горько!» и довольно скоро, за неимением музыки и простора поплясать, разошлись. Да и гостей-то было — кто-то из соседей, да две подружки юной жены с ухаже-рами, да кто-то из заводской конторы.

То, что в избушке поселился мужик, все же сказалось. На веранде стекла вставлены были, в комнатухах полы покрашены и обои обновлены. Теща, правда, у себя не позволила перемен: «Хочу дожить, как привыкла». В общем-то, она не была надоедливой, под ногами не путалась. Выберется к столу, когда позовут, первое бережно скушает, а второе к себе уносит. Ну, старики, не в укор им, часто чуют. Угасала она тихонько. Ничего обидного

не было от нее. А когда чадо наметилось и Наденька родилась, совсем незаметным стало тешино угасание. Как-то сразу однажды вдруг обнаружилось, что она совсем уже недвижима, и пришлось Лидии Матвеевне тудасюда бегать с горшком, а потом и вовсе таскать ее в уборную на себе, чтобы меньше вони было в жилье,

Померла теща. Собес похоронить пособил. Жить и выживать не помогает, а от покойника избавиться — пожалуйста...

И вот теперь, когда тещи какой-то день уже нет, ясно вдруг понимается, что ее немощи и возня с нею из месяца в месяц ослабляли и вконец ослабили взаимное притяжение супругов. Или было оно не такое уж сильное изначально?

5

Какая же это неделя бестолкового мытарства? Третья? Четвертая? У пустого времени счета нет.

Лидия Матвеевна покормила ломтиками кислого хлеба, поджаренного на постном масле, и жиденьким чаем. Стояла у погасшей плиты, не глядя и молча, — понимала, что и сегодня ее не порадуют. Сама-то с неделю назад — или больше? — нанялась в Москве раздавать у метро листочки с рекламой, рассчитанной на простаков. Что-то за это платили, иначе нечем было бы сдобрить хлебушек. Сколько — не спросить: нет права на спрос. Родные люди в невзгodu обычно прижимаются друг к другу, в этой же семье невзгода все больше их отдаляет. Жена, когда вернешься по-прежнему ни с чем, конечно, откроет дверь и на кухне поставит тарелку со снeдью, но если с ходу не начнет укорять, как было намере- ни и как будет завтра, — это привет от нее. Она, чувствуется, и в тихие часы перебирает в себе какие-то свои сожаления, и заранее боязно спросить напрямик: «Переживаешь, что со мною сошлась?» — в ответ она либо молча пожмет плечами: дескать, и без слов ясно, либо подбоченится: «А ты как думаешь?» И не хочется припомянуть, была ли у нее когда-то отзывная теплота. Ну, если совсем уж далекую память пошевелить, так, пожалуй, была, да и то, наверное, от новизны. А потом, от рождения Наденьки и по сию горькую пору, начальные порывы утихли, волны их помаленьку улеглись в при-

вычную зыбь. До полной тешинной немощи супружеские узы еще подогревались заботами о дочурке. Ее событиями наполнялась жизнь. Впрочем, какие особые события у ребенка? Растет, учится — и хорошо. Потому хорошо, что обыкновенно. Редко чем-нибудь поразит.

— Папа, а маленькие дети умирают? Одна тетенька кричала на одну девочку: «Чтоб ты сдохла!»

— Это очень скверная тетенька, злая и глупая. Выброси ее из головы. Тебе-то уже шестой годик, а ты и не болела серьезно.

В школу пошла — настало время спрашивать ежевечерне: «Как дела?» — и кивать удовлетворенно: обид нет, двоек нет, а пятерки не всем достаются, сам был вечным троечником.

Но развалилась взрослая жизнь и в детской жизни отозвалась. Было такое, было, что пришла дочка из школы зареванная. От него отмалчивалась, а мамочке рассказала, и та, конечно, передала. Прямо на уроке велели написать сочинение «Мой отец». Наденька отказалась: не знала, чего писать, и ей вlepили жирную двойку. Ну что за дура учительница? Может, для пятого класса такая тема стандартна, только многие ли напишут сейчас горделивые фразы? Ведь дети скрывают свой стыд. И поникла родительская потребность расспрашивать чадо о делах: неприятности сами достанут, у жены не задержится о них сообщить...

Лидия Матвеевна сполоснула тарелку из-под промасленных ломтиков хлеба, а сковородку, на которой они были поджарены, мыть не стала: там оставалось подсолнечное масло, сгодится еще. Повернулась и тускло поведала:

— Надя вчера подралась с какой-то девчонкой и пришла в синяках. С кем, не говорит, но та девчонка при всех обозвала Надю уродиной, потому что ее отец, то есть ты, похож на Квака из кино «Марья-искусница». А Квак — это жаба на ножках. Все одно к одному..

Медленно-медленно поднялся из-за стола, прошел, отряхивая слабость в ногах, к дочкиной комнатке. На пороге остановился, оперся плечом о косяк. Комнатка освещалась утренним светом, но и раздвинутая занавеска, и столик у окна, и обои показались размытыми, только лицо Наденьки виделось четко. Она лежала в кроватке, которая давно уже была ей мала, на ночь приходилось

снимать одну спинку и подставлять табуретку, чтобы ногам дать простору. Лежала побитым личиком вверх, до подбородка натянув одеяло, ладошкой прикрыв глаза.

«Доченька, ты прости меня, что родил тебя не мальчишкой, а девочкой. Да, правда, на меня не заглядеться, потому и жил всегда робко, не выставяясь, будто бы прячась. Я ведь и в зеркало смотрюсь, только когда надо побриться. Щеки впалые, а губы выпячены, и белесые глаза навывкате. Но ты-то совсем не уродина, потому что в маму, а не в меня. У тебя глазки яркие, и в личике ничего нет некрасивого, и в твоей фигурке все соразмерно и ладно, и еще вытянешься в рост. Ну, нет причин мною хвалиться, так ведь только злые и глупые люди детишек за отцов упрекают. А у меня, как ты родилась, другой радости нет. Я же всегда все, что мог, для тебя... Ну, сейчас общие беды меня придавили посильней, чем других, потому, что тихо жил, но теперь... Клясться не буду, а никаким делом не побрезгую, на все пойду, лишь бы ты...»

Он высказал бы это вслух, если бы Наденька отняла бы ладошку и открыла глаза, шевельнулась хотя бы. Но она будто услышала и поняла эти мысли, схожие с покаянием, или сквозь дрему почувствовала, что отец стоит на пороге, и прошептала:

— Да ладно, папа... Была бы я получше одета, так не дразнили бы.

И отвернулась к стене.

На следующее утро, от полного отчаяния осмелев, дождавшись, когда сборщики рыночной дани закончат обход и соберутся перекурить, Плаксин подошел к ним, приятельски улыбаясь:

— Ребятки, возьмите к себе, пригожусь.

Стоявший поближе, такой же низкорослый, как он, да не по-юношески плечистый, глянул с большим подозрением:

— Тебя кто к нам подослал?

— Да сам я по себе. Шляюсь без дела, а семью держать надо. А вы — боевые ребятки, так, может...

— Линял бы ты от нас по-хорошему! — доброжелательно посоветовал второй из команды, повыше первого ростом. — И к нам не лезь. Уловил я, как ты наблюдаешь.

Плаксин и пошел прочь, косолапо ступая от онемения ног.

— Пстой-ка! — послышалось позади.

Оглянулся. Самый рослый из сборщиков, богатырского вида — должно быть, вожак, поманил сигаретой:

— Ты Лидкин муж? — И соратникам: — Мужик простой.

— Лидии Матвеевны, если можно...

— Ага, пускай будет Лидка Матвеевна, — согласился вожак. — Ты с каких пор ее муж?

— Вся нашу жизнь.

— Это ты всю свою жизнь ее муж, а не она всю свою. Про Витюху Каленого знаешь? Не слышал? Значит, если тебе хреново, — значит, и ей тоже хреново. Приходи в шашлычную часика через два — поговорим.

Что за Витюха такой, Плаксин и правда не слышал. Он, повторимся, вообще мало чего знал из городских обстоятельств, в соседские жизни не входил, не то что коренные горожане, скрепленные еще деревенскими предками, а беглое общение глубоких зарубок в памяти не оставляет...

И по краям рынка дымились мангалы, рассылая призывные запахи, но шашлычная со столиками под навесами и всяческой выпивкой была на округу одна. К ней-то Плаксин и поплелся караулить засветившийся шанс. Сел подальше от павильона, чтобы не загрузить, не обслоняться от его ароматов. Старался не предугадывать, кто этот вожак, о чем пойдет с ним разговор, откуда он знает Лидию Матвеевну и что скрывается в его намеке о какой-то связи между нею и каким-то Витюхой с весьма броским прозвищем. По раннему часу клиенты шашлычной были редки и слишком уж деловиты — выйдя с подносом из павильона, присаживались за первый же столик, зубами торопливо срывали с шампуров куски промаринованного, наперченного, прожаренного мяса, жевали, глядя в пространство, и торопливо же уходили. Шашлычник не раз выставлялся из павильона и смотрел на Плаксина, пытаясь, наверное, сообразить, что это за наблюдатель.

Вожак сборщиков дани явился из-за спины. Будь Плаксин поднаторевшим в знакомствах, такая манера возникать подсказала бы кое-что. Но он целиком был в ожидании помощи. Иных соображений в нем не было.

Вожак сел напротив за столик, сел основательно, будто надолго. Откинулся на фанерную стенку железного стула, расслабился, словно бы решил передохнуть пос-

ле каких-то дел перед началом следующих. Несколько секунд разглядывал Плаксина как бы даже сучающе. И спросил, тоже без особого интереса:

— Значит, ищешь, где притулиться?

— Работу ищу. Не могу больше приходить домой с пустыми руками.

— А что ты умеешь?

— То, что я умею, нигде сейчас не востребовано.

— А, ну да — ты же на моторном заводе чего-то там изобретал на бумаге.

— Так ты меня знаешь? Тогда помоги.

— Я тут знаю всех. Только, понимаешь, к тебе у меня интереса нет. Если б не Лидка... А какой ты помощи хочешь? Рублями или чего?

— Я же говорю — работы какой-нибудь. Что угодно.

Вожак усмехнулся. У него широченные плечи, а голова несоразмерно с ними мала. Это несоответствие подчеркивала круглая шапчонка с длинным прямым козырьком. А взгляд острый, с прищуром.

Шашлычник выглянул из павильона и покивал с готовностью услужить, хотя вожак даже не обернулся к нему, и немного спустя лично принес и поставил за столик весьма просторный поднос, расписанный розами. На нем возвышались стеклянный кувшин с томатным соком, и запотевший графинчик с водочкой, и хрустальные стопки, а рядом на блюдах лежали четыре шампура, каждый едва ли не в метр длиной, два — с нанизанными на них сочными, еще чуть шипящими, не остывшими от раскаленных углей кусками свинины, а другие два — с ломтиками белой, до янтарности поджаренной рыбы — осетрины вроде бы, и дополняли это великолепие блюда с подливой и гроздь черного винограда.

Вожак разлил водку и, не чокнувшись, подождал, пока угощаемый опорожнит свой шкалик, — должно быть, хотел понять по его манере, не пьянчуга ли он. Плаксин и прежде не был страстен к спиртному, к тому же так давно не принимал его, что, хлебнув лишь малый глоток, поперхнулся — обожгло голодное горло. Вожак, опять усмехнувшись, протянул ему бокал с томатным соком и взмахом опрокинул в себя свою стопку. Выпитое заедали молча. Вожак кусывал мясо с шампура как бы даже лениво. Плаксин, хотя в животе у него все судорожно сжалось, снимал кусочки свинины вилкой на

блюдо, резал помельче и жевал неторопливо, усмиряя жадный порыв, чтобы не предстать вовсе изголодавшимся. Вожак еще раз плеснул ему водки и себе налил доверху, тем же лихим взмахом выпил и сказал:

— Я больше — пас. Есть такие задачи, когда нельзя. А ты, вижу, не пьянь. Но пей и ешь, сколько можешь... Ты, знаю, мужик негромкий, чего ж к нам подвалил?

Вторая водка не обожгла, мягко прошла по горлу, по груди растеклась, взбодрила.

— Так ведь вы — ребята приметные и при деле. Но — слишком заметные. Эти черные курточки с бляшками, да еще когда вместе сходите...

— А что? — толково говоришь. Нам понт ни к чему. И без понта, кому надо, соображает... Так, говоришь «что угодно»?

Плаксин вдавливал в себя последние ломтики осетрины, рот его был забит, и он тоненько прогудел, вернее даже, простонал: «Угу».

Шашлычник подошел и сел рядом за столик. Был без халата — вроде бы тоже клиент, а не хозяин.

— Вот, Азад, возьми к себе этого мужика, — указал вожак пальцем. — Мужик послушный.

Поднялся и ушел, не расплатившись за пиршество, это могло бы тоже кое-что подсказать.

Шашлычник Азад, хорошо упитанный и потный, явно был недоволен. Потер толстыми пальцами лоб, разгладил усы, из-под бровей, размером мало им уступавших, сердито оглядел Гаврилыча.

— Ты что можешь?

— А чего надо, то и смогу. Вот вывеска у тебя невыразительная. Хочешь, нарисую в стиле Пиросмани.

— Какой Пиросмани? Грузин? Мне грузина не надо. Ты сначала за собой собери.

Нетронутые гроздочки винограда Плаксин разложил по карманам — угощение Наденьке.

В павильоне мыла и протирала посуду насупленная женщина тоже кавказского вида. Парнишка с едва намеченными усиками под вислым носом колдовал над мангалом под цинковой вытяжкой, очевидно, подручный шашлычника Азада. Сам он за стойкой, уставленной разнообразнейшими бутылками и блюдами с бутербродами, стучал по калькулятору и, нахмутив брови, заносил на листок жирные циферки. Поманил:

— Ты хорошее мясо понимаешь?

— Это как?

— Не понимаешь. Тогда принеси дровишек от березы. Готовый уголь очень дорогой.

— Откуда принести?

— Откуда знаешь.

Плаксин забежал домой. Выложил немного помятый виноград — «Вот, Лидия и Наденька, угощайтесь». Вооружился топориком и ножовкой, отправился в рощицу, подступавшую к городку, нашел высохшую березку и другую приметил. Срубил, на бревнышки распилил, расколол на поленца. В четыре захода, на плечах и в руках приволок на задворок шашлычной тяжелые вязанки. Получилась горка шириной метра в два и один высотой. Отдышавшись, к хозяину подошел.

— И какая же плата за такую работу?

— Это — дешевая работа. Получишь пятьдесят рублей за день.

— Крохи какие-то...

— Какая работа — такие крохи. Вот если бы ты ездил в деревню, покупал совсем дешевое мясо, тогда имел бы процент.

— А у кого покупать и как доставлять?

— Не знаешь. Другой человек лучше знает. Тогда делай, как вот эта женщина скажет. Зибя называется. Чтобы не обижался, кушай, когда нет клиента, один большой шашлык, и вечером — кружку пива. — Строго посмотрел, подумал и добавил: — Сделаешь одно дело, еще получишь. Мы должны расширяться, а есть, которые с мангалами на рынке мешают. Держат хорошее место. Надо, чтобы они ушли, тогда у тебя будет другая цена.

Всего-то два мангальщика стояли по краям рынка, со своим оборудованием, и от полудня и до вечера возле них толпился народ. Плаксин не решился вторгнуться в разгар торговли. Выполнять задание нацелился с утра. К первому подступил, когда тот размахивал фанеркой над углями, раздувая в них жар.

— Есть мнение, что вам надо отсюда уходить.

— Почему? — всполошился мужичок внешности далеко не кавказской.

— Очень рекомендую вам перебраться подальше отсюда.

И тотчас отступил, опасаясь злого ответа. Те же слова сообщил и второму и также быстро отошел, чтобы не

затеялся разговор. Свою порцию шашлыка и вечернюю кружку пива выкушал как добросовестно заработанные.

Однако хозяин шашлычной на другой день сказал:

— Я ходил, смотрел — они место не освободили.

На этот раз Плаксин речей говорить не стал. Остановился шагах в пяти от первого мангальщика и смотрел, придав взгляду значительность. Походил немного туда-сюда и снова устоялся. Мангальщик вскинулся было, но подошли покупатели, и он ими занялся. А второй, сколько Плаксин ни стоял, вперив взгляд, будто и не замечал его, лишь в спину крикнул:

— Я за место плачу!

Пожалуй, иначе действовать надо, а как?

Тем не менее он съел свой шашлык с сознанием, что заработал его. Затем он весь день собирал со столиков посуду и на скользких от жира и соуса подносах таскал ее женщине по имени Зиба, смывавшей под краном ошметки еды. И не огорчался таким брезгливым занятием: должны же мангальщики уразуметь свою участь покориться, и тогда надобность в нем повысится.

Поздно вечером, когда клиент шашлычной поредел, он получил оговоренную кружку пива и сел за столик подальше. Ноги вытянул — натоптался.

— Вы позволите присоединиться?

Худенький старичок, не дожидаясь согласия, поставил на столик чекушку и тарелочку с рыбкой, сел рядышком.

— Водочка не любит, когда ее пьют без компании. Я за всю жизнь никогда не пил в одиночку. А вы меня не признаете?

Плаксин всмотрелся. На морщинистом лице старичка даже при слабом свете горели голубые улыбчивые глаза.

— Извините, не припоминаю.

— Ну да — вы же в конторе, а я по цехам. Но мы все-таки были в одном коллективе. Вот ведь как: нынче мало о чем можно сказать «есть», а все только «были да было»... Разделим чекушку? Вообще-то больше меня угощают, но иногда хочется и самому угостить. Вам в кружку с пивом плеснуть или в стаканчик? Я могу и из горлышка.

Ну вот, Гаврилыч, дошел ты до такой ситуации, что приходится с пьянчужкой познакомиться. Однако не отвергнуть же его: мало ли что в нем и за ним, теперь никого точно не угадаешь.

— Вы не думайте, — говорил старичок, — наполняя и подставляя стаканчик, — я водочку потребляю умеренно. Как говорится, только если имеется большой повод. А сегодня ровно пятьдесят пять лет, как я от смерти ушел. Старуха не поймет, а я заметил хорошего человека. Давайте выпьем за тех, кого нет, и за тех, кто пока жив.

Плаксин хотел запить водку пивом, но старичок успел протянуть ему рыбку на хлебушке, и, глотнув из чекушки, продолжал:

— Если не знаете, меня здесь все Филиппычем зовут. Я ведь электрик — значит, всем нужен. Вам ничего не надо починить? Сегодня одна женщина позвала — у нее холодильник потек, а в ремонт не берут, говорят — очень старый, а я повожился — и еще десять лет поработает.

— А что за смерть, от которой ушел?

— А когда Варшаву брали, меня взрывной волной в стенку швырнуло.

Зиба выглянула из павильона, едва ли не гневно сверкнув очами: следы вечернего наплыва клиентов еще не убраны, а нанятый именно для этого уже с одним из них расслабляется. Собирая объедки из блюдец, из пивных лужиц и даже из-под столиков — иначе бродячие псы приучатся подкармливаться в заведении, Плаксин старался оставаться спиной к старичку, чтобы не видеть ни сочувствия, ни, очень может быть, жалости в его глазах: хмель не настолько овладел, чтобы заглушить стыдливость. Тем не менее, справившись с постыдным подрядом, он покосился взглядом в сторону старичка. А тот словно бы дожидался этого взгляда и радушно, как давнему доброму знакомцу, обеими руками указал на пустой стул рядом с собой. Плаксин послушался.

Старичок достал вторую чекушку и разлил в стаканы так бережно, будто хотел выразить искреннее уважение к приглашенному, а выпив длинным глотком и быстро закусив, начал говорить торопливо, чтобы опередить наверняка слезливые речи случайного гостя, и часто легонько прикасался к руке его, то ли утешая, то ли удерживая встречные слова.

— Народ ныне обходится без гордости. Какая уж гордость по сегодняшним временам! Вот у каждого мусорного ящика старики и старушки толпятся — вдруг найдут чего-нибудь ценного. Да и кто помоложе тоже на свалках роются. Этим труднее: они меньше привыкли

терпеть. Легче всего тем, кто много пьет водки: выпил — и ни о чем заботиться и думать не надо... Мне один умник сказал, что сейчас идет разделение народа на хозяев и батраков. Ну, есть еще и лакеи. А я тебе скажу: так было всегда — что давно, что недавно. Сегодняшние хозяева откуда явились? Из вчерашних комитетов! У них между собой такие цепи, что нам с тобой не порвать, и никому таким, как мы с тобой, не порвать. Это хозяевам полная свобода, а таким, как мы, — кушай, если сумел крошечку ухватить. К хозяевам близко не подойдешь: они сильно лягаются. И чего стыдиться, если ты — нищий потому, что тебя ограбили. Мы в терпении родились, жили в терпении и померем в терпении. Такой мы народ — терпимец. Что над нами ни делают — терпим... Больше всего мне жалко молодых — у них терпения нет, одна злость на нас, что мы им оставили неразбериху. Кто не умеет служить хозяевам, одна дорога — в бандиты.

Ничего великого, ничего такого, что не было бы известно и без него, старичок не наговорил, однако свои мысли всегда становятся точнее, когда что-то похожее высказывает кто-то другой. Речи его хватило на всю вторую чекушку. Но и направляясь домой, а после водки все адреса по пути, старичок все витийствовал:

— Особенно трудно сейчас таким, как ты, потому как умники по этим временам не нужны. Хозяева умных не любят: умные им подозрительны... Старики сейчас быстро помрут, а таким, как ты, среднего возраста, тяжело будет жить: и помирать рано, и дела нет.

Прямо-таки затерзал он своими речами: и так на душе тягостно и тоскливо, чего ж ее до самого дна бередить? Правда, старичок и сам от себя утомился и на каком-то повороте отстал.

Лидия Матвеевна встретила с гневом в голосе:

— Ну вот, дожила я до пьяного мужика! Ну хоть бы сначала добился бы хоть чего-нибудь, а потом уж водку хлестал. Что? — несчастную подачку в шашлычной пропил? Не верю я, чтобы кто-то тебя угощал. Кому ты вообще нужен? И нам такой вот не нужен!

— А-а, не нужен?! — Он всей грудью выдохнул этот возглас, но получилось не хрипло и угрожающе, а — визгливо. — Не нужен? Вам?

Лидия Матвеевна глянула с откровенной брезгливостью, ушла на кухню и хлопнула дверью. И дочка выглянула из своей комнатушки и тоже хлопнула дверью.

Плаксин плюхнулся в кресло и с минуту сидел, стараясь задавить в себе бессильную злость, но унялась она сама собой от чрезмерного обилия принятой водки. Он смог еще стянуть с кровати и кинуть в угол комнаты одеяло, повалился на него ничком и тотчас заснул.

И приснился ему огромный зал, весь выбеленный известкой, но с грязными потеками по стенам — будто струьями. И в углу, где было навалено что-то жирно пахучее, сцепились в один колючий комок громадные рыжие тараканы, копошась, пробираясь поглубже. А по всем стенам густо, но вразброд сидят, едва шевелясь, маленькие черные таракашки, иногда то один, то другой подползет к рыжей куче, но тут же валится на пол, перекушенный пополам. И Плаксин в этом своем сновидении был маленький таракашка, не решавшийся даже приблизиться к чему-то жирно пахучему, густо облепленному рыжей щетинистой грудой.

Это картинное сновидение прямо-таки слиплось с обидным, очень обидным жениным выкриком и на пару с ним покалывало все утро и день, и к вечеру не утихло, когда шашлычник, не глядя, сунул в ладонь замызганную пятидесятку — все же хватило покорности таскать и таскать со столиков посуду с объедками. Но в поздние сумерки, когда потоки едоков истаяли, Плаксин, вернувшись к избушке, показавшейся какой-то насупленной, не вошел в нее для ночлега, а присел на скамеечку у калитки и сидел, ни к чему не прислушиваясь и не всматриваясь ни во что. Ночь подошла, соседские окна погасли, а он все сидел, не решаясь войти в избу, на свет, где снова могут ударить брезгливым словом.

Лидия Матвеевна вдруг явилась — наверное, вышла его поискать. Вот и нашла.

— Ты уж прости. Я же не со зла, а от обиды на все.

Баба — она баба и есть: и на войну скорая, и на мир.

Такое соображение не могло бы осенить Плаксина в те уже давние дни, когда он на ватмане вставлял новые моторы в потрепанные суда.

И на следующее утро он, миновав шашлычную, подкараулил на рынке юного вожака. Тот лениво выслушал просьбу подобрать менее постыдную работу, но вдруг внимательно посмотрел, посерьезнел и сказал с непонятным значением:

— Есть дело для глаз, чтобы хорошо наблюдать и, когда будет надо, рассказать.

И вот — дворницкая работа у шести недоступных особняков за высоким кирпичным забором с пиками поверху, и ежемесячные подачки от каждого крыльца, и добыча из недопитого и недоеденного на пикниках. Только все-таки непонятно, что и зачем следует наблюдать, чтобы однажды сообщить кому надо...

6

Спустя семнадцать лет по отбытию в местах весьма отдаленных городок близ Москвы на канале осчастливил своим возвращением Витюха Каленый. Первый срок был у него невелик, но он крепко увяз в лагерных братаниях, был на виду, благодаря своей невероятной силе, и еще дважды мотался по нарам — сначала потому, что объявил себе амнистию, проще говоря, дал винта, а еще проще — драпанул из колонии, однако ж был сцапан и водворен в новый дальняк, а потом, уже отсидев повторно, влип по делу едва ли не мокрому — он ведь не умерял свою силу и от его толчков люди калечились. В третий раз выйдя на волю, отодвинулся от дружанов и наладил компанию с паханами новейшего толка, умеющими без шума и суеты взимать дань с успешных дельцов. Слово «рэкет» между ними не употреблялось, они называли свою стезю шефством или крышеванием. Впрочем, Каленый, хоть и приближенный ими, все же слишком уж глубоко пропитался лагерным чадом, поэтому не дотягивал до верхов, где решаются способы сбора и распределения даней. Он применялся, когда надо было издалека или даже вблизи попутать-повоспитывать строптивного подопечного. Тем не менее по дружелюбию и соглашениям на разборах одно сообщество иногда уступало его другому, что, кстати, замечало следы и что вернуло Витюху Каленого в его родной городок.

Ничего этого Плаксин ни в подробностях, ни в сути не знал, а неминуемая встреча покорежила его, в общем-то, тихую судьбу.

Поначалу все складывалось вроде бы вполне невинно. В один прекрасный вечер — потому прекрасный, что в особняковой заводи уже с неделю не было гуляний, а пожелтевшая листва еще не сыпалась на газоны, он легко управился с уборкой задворок и домой отправился

рано и, не в пример недавнему, даже охотно, Лидия Матвеевна ворчала пореже. К тому же он наконец-то устал постоянно думать о невезухе, горемычные терзания мало-помалу притихли, на смену им иногда уже приходило и благодушие. В этот вечер встречные сограждане не казались враждебными. И в глазах соседок, усеявших скамеечки у своих калиток, он не заметил особо насто-роженного любопытства к себе.

А в комнате восседал за столом внушительного вида гость. Крупная, совершенно круглая голова начисто выбрита, шея — конусом вниз от челюстей, плечи под стать ей — широченные. Сидел он, свободно откинувшись, опираясь локтями на спинку стула, свесив длинные толстые пальцы. Если собрать их в кулаки — не поверится, что бывают такие кувалды. Глаза с усмешливым прищуром. Впрочем, Плаксину теперь весь мир представлялся насмешливым. Лидия Матвеевна вроде бы засмушалась, то ли перед муженьком из-за неведомого гостя, то ли перед гостем из-за неказистого муженька. А незнакомец протянул лапищу — ладошка Гаврилыча в ней утонула — и объяснился несколько лениво:

— Вот — по старой памяти заглянул. Мы с Лидуней да-а-авнишние друзья: вместе в школу ходили, и любовь была между нами. Из-за нее моя жизнь перевернулась. Не слыхал? А весь город был в курсе. Ну, дело старое... Меня Каленый зовут. Это — не прозвище, а настоящая моя фамилия. Хотя жизнь меня хорошо прокалила.

Пока он высказывался, Лидуня поставила муженьку стаканчик и плеснула в него коньяку.

Выпили. Каленый, кстати сказать, — из фужера. И Лидуня хорошо хлебнула. Плаксин приучился поменьше глядеть на нее, чтобы не услышать сердитых слов и не увидеть сморщенных глаз, а если бы сейчас посмотрел, то заметил бы в ней нечто почти позабытое. Глаза ее чуть ли не искрились, щеки, опавшие от забот, подурмянились. Плаксин настолько пребывал в своей растерянности, что и к словам Каленого едва прислушивался, а тот говорил по-серьезному:

— Мне братишка о твоих бедах гуднул, и Лидуня кое-чего рассказала. Я маленько тут обкатаюсь, и чего-нибудь сочиним. Кто хочет быть в деле, тому заказ будет. Я теперь рядом. Лады?

Согласие было отпраздновано бессчетно.

Плаксин, отныне уже просто Гаврилыч, особо не при­сматривался к обитателям особняков и гостей их — по­нимал, что такие люди не любят пристальных взглядов. Твое дело как? — маши метлой и жди, когда из каждой двери высунут тебе твою пятисотенную. В посул Кале­ного не поверил: это же он перед Лидией красовался. А зачем? Свои виды, что ли, имеет? Супружница вообще­то уже давно живет, выставив локоть, и нет охоты на него наткаться. Если бы на ноги прочно встать, тогда, мо­жет, ради Наденьки, чтобы не терзалась она от разлада, и стоило бы притвориться обоим, а пока что тещина вонь припоминается чаще, чем очень давнее благоухание юной жены... А Каленый зачистил.

Вот опять сидит в горнице за столом, так же развалясь на стуле, с тем же насмешливым прищуром, перед та­кой же бутылкой коньяка и отборной снедью, что и в первый визит. Будто и не уходил. И Лидия Матвеевна такая же зарумянившаяся и маленько смущенная, как тогда. Неужто будет сейчас объяснение? Гаврилыч, прав­да, уже догадывался, какое будет ему откровение, но в себя его не пускал — ведь иногда и тяжело больные до поры спасаются от конечной беды неверием в нее...

Речь начал Каленый, а Лидия Матвеевна ушла возить­ся с посудой, чтобы не мешать разговору.

— Ты, Гаврилыч, на работе в почете?

— А какой там почет? Маши метлой — и все дела, — ответил он, от настороженности растягивая слова, а сам подумал: «С пустяка начинает — значит сцены не хочет».

— Нет, не все, — возразил Каленый. — Тебе светит куш. Не от хозяев твоих, а, скажем, от меня.

«Подкупает, чтоб смягчить оплеуху», — подумал Гав­рилдыч, а вслух спросил, почему-то даже и с интересом:

— И большой куш?

— А столько, сколько имеешь сейчас.

— И за что же?..

— Не просто так. Это вроде аванса тебе.

— Да за что?

— А за знания. Вот скажи, ты хорошо знаешь, какие люди живут в тех особняках? По каким делам ходят, кто к ним приезжает? И чего между собой говорят — и гром­ко, и шепотом? Вот за это тебе куш и светит. Кому это надо, тебе знать не надо, я знаю — кому. Не хочешь — махай метлой, пока не загнешься.

Значит, Гаврилыч, не будет речи о твоей ненужности, о том, что живешь последние годы, а может, и все будущие проживешь, как трава, без пользы ни дочери, ни жене, ни даже себе самому. Заведись речь об этом — один выход — вон из семьи, из дому, в полную нищету, в слякоть, в морозы. И от того, что такой разговор не зашел, и опасения насчет него оказались напрасными, он чуть ли не обрадовался и, может, несколько поспешно кивнул.

— Вот и ништяк, — тоже кивнул Каленый. — Надбавку буду давать Лидуне, а с тобой мне встречаться на людях не надо.

— Мне придется отчеты писать или как?

— Ничего не надо писать. Придет время — спрошу.

Если не угрызаться соображениями о том, что шпио-нишь неведомо зачем и для кого, наблюдать за обитате-лями особняков весьма любопытно. Интерес подогревался еще и тем, что они-то были из тараканищ рыжих, а Гаврилыч причислял себя к черненьким. Похоже на месть исподтишка. Он стал предельно услужливым. Подъедет легковушка — бежит распахнуть ворота, перехватить пух-лые сумки или дотащить до парадной увесистый пред-мет. Обитатели особняков к услугам были, видно, уже привычны, ибо как бы не замечали их, однако при оплате дворничьих услуг добавляли сотняшку-другую. Прежде старался стать незаметным, не лезть на глаза, те-перь же так и высматривал, чем кому угодить.

И домашняя ситуация не в пример прежней улучши-лась. Супружница перестала ворчать, хотя особой лас-ки в глазах ее не замечалось. Зато у доченьки появились обновы, и она вроде бы похорошела, хотя в пятнадцать лет какая девочка, подступая к женской стати, не хоро-шеет?.. А вот Лидия Матвеевна, точно, возвращается в те свои годы, когда мужики смотрели ей вслед, прищу-рясь. Округлилась до аппетитной упругости.

Ах, наивный ты человек, Аркадий Гаврилович! Пола-гаешь, что кардинальные проблемы и решать следует кардинально, иначе ведь возникнет недоумение. Сам жил бесхитростно и о чужих хитростях не гадал. Зачем Каленому и Лидуне признаваться, что они день за днем, в азартном угаре восполняют обрушенное в молодые их годы? Ты, что ли, из тех, перед кем исповедуются? Пят-надцатилетняя Наденька и та искушеннее.

-
- Мама, вы с папой расходитесь?
 - Нет, что ты, дочура?
 - Тогда зачем ты с этим твоим другом?..
 - Ладно, дочура, замолкни. Поживешь — и поймешь.

А если что заметила, прошу — не болтай.

И это был последний откровенный разговор между ними.

Дочки редко подражают отцовским поступкам. Материнским — почаще...

Без сомнений и лишних раздумий Гаврилыч принял задание, переданное, как и было условлено, через супружницу:

- Особо интересуется гость, приезжающий на БМВ.

Может быть, в делах своих особняковые люди были стремительны, но здесь, за крепким забором с коваными воротами и, наверное, перед всеми, с кем общались, держались степенно, говорили медленно, как бы подчеркивая свою значимость. Похоже, суетливые дни для них миновали. Все больший успех требовал все более солидной манеры двигаться, смотреть и говорить. Это даже отчетливее, чем у мужиков, проступало у женщин их. Причины быстрого благополучия они явно усматривали и в своих достоинствах, которые прежде мало кем замечались, а теперь так и просились на показ. В общем, все особняковые жители торопились досыта налюбоваться собой. Но едва замечалось ими завистливое, недоброе, а то и вовсе злое дуновение снизу — оттуда, где обретаются все прочие, они тотчас ощетинились той самой рыжей тараканьей глыбой.

Впрочем, Гаврилыч, повторимся, в глубинные процессы бытия не вникал. Все просто: прежние узы и вожжи истлели, и народ, как изрек тот дедок с водкой в шашлычной, распался на горстки хозяев и сонмища батраков. Влезть в круг хозяев, ну хотя бы приблизиться к ним, нет ни сил, ни умения, так надо пусть шажками выбираться из батраков. Такой настрой подкреплялся предвкушением удовольствия от того, что наблюдение за обитателями особнякового поселка наверняка навредит им — через тех, кому это надо.

Особняковые бабы все были разные: они только прикоснулись к ухищрениям стандартных красот — всяким там фитнесам, силикону, натяжке морщин и подтяжке

жировых провислостей. А вот мужья их уже приобрели вид успешных дельцов: выбрили головы, нарастили шеи, щеки и животы — нуворишам противопоказана резко отличная внешность. Правда, владелец дальнего от ворот особняка, видимо, раньше других прошел этап солидарной похожести и уже разрешил себе вольность — кудри на пробор и бородку-шотландку. Стало быть, достиг большего, чем соседи. И гость его, приезжавший на серебристом БМВ, тоже был уже преодолевшим бритоголовый стандарт — надел благообразный вид именитого чиновника. И один наезжал, без спутницы. Любовниц сюда не привозят — значит, либо холост он, либо жена у него не напоказ.

Однако на деловые сведения не везло. Ну, подслушаешь: «За треть я туда не войду, только за половину...», — и что? Куда «туда», чего «половину»? Нагрянет Каленый — что сказать? И все-таки повезло. Благообразный гость в каждый визит к хозяину дальнего особняка изрядно с ним выпивал и однажды, грузно шагая к своему БМВ, в котором скучал за рулем неразговорчивый водитель, обернулся и крикнул:

— Не забудь в субботу на новоселье ко мне! Адрес — в приглашении.

Теперь, собирая и перетаскивая мешки с мусором, выставляемые на крыльцо, Гаврилыч не выбрасывал их в железные ящики за оградой, не посмотрев на задворках, чем же они набиты. Вот и повезло. Спустя пару дней после субботы оказался в мешке скомканный пакет с приглашением разделить радость новоселья по адресу: «Улица Вишневая, дом 11, квартира 24». Ага! Может быть, самое важное, что надо знать о человеке, это где он живет.

И Каленый будто почуял информацию. Гаврилыч, допоздна услуживая сразу двум особнякам, насыщавшимся мебелью, доволочившись до своей избушки, увидел его опять за столом, но в одиночестве.

— А Лидия где?

— Наденьку ищет. Где-то дочка твоя долго шляется.

Поглядел приглашение поновоселить, задумался, сунул в карман, молча ушел.

Сквозь дрему слышал он перебранку дочери с матерью — «Другим можно, а мне нельзя?» — но встать разбираться сил не было: доконала чужая мебель. К тому же за все свои мытарства стал он туп на предчувствия.

Каленый, опять же через Лидию Матвеевну, указал место и время встречи — на тихой улочке при выезде из городка на Москву, в сумерки. Ужас, как не хотелось идти неведомо зачем, да куда теперь денешься? От Каленого обратного хода нет. Он-то, супружница подтверждает, свое слово насчет куша соблюдает исправно.

Каленый сидел в пошарпанном «Жигуленке», насилу втиснувшись на сидение за рулем. Позади съезжился мужик без примет.

— Поедем, Гаврилыч, повидаем твоего «новосела». Подошел срок кое-чего ему разъяснить.

— А я для чего?

— Для понта. Чтобы этот твой «новосел» тебя узнал, и сообразил, что находится, как говорится, под колпаком, и пошел, как говорится, навстречу.

— Кому навстречу?

— А тому, кто останется до другого раза неизвестным. Тут большие дела, тут решается, чья будет «Регина» — богатая фирма так называется.

Ох, втягивают тебя куда-то, Гаврилыч. И похоже, не вывернуться — завяз...

Каленый вел «жигуленок» неторопливо, по самой обочине, никого не обгоняя. Мужик позади подал голос:

— Давай побыстрее поедem. Хочется побыстрее разделаться.

— Не дрейфь, дело легкое. Только надо, чтобы лишних глаз не было. Подождать надо, когда бабки у подъезда расползутся, они, заразы, все видят. А дом я и в темноте найду: у него номер горит на стене. И «новосела» еще, может, нету. Деловые домой поздно приходят.

Каленый и событие вел неторопливо и ловко. Адрес сразу же, без виляния по улицам отыскался — добротный кирпичный дом о девяти этажах и девяти же подъездах. Такие строили в недавние времена для тех, кто глянулся большому начальству. Апартаментов в них не предусматривалось, зато стены толстенные, в полметра, не меньше, хорошо держат летом прохладу, зимой — тепло. Осторожные скоробогатеи, не желающие выставляться, покупают в таких домах смежные квартиры, прорубая в стенах соединительные арки — получают палаты. Пожалуй, и «новосел» так же тут обустроился.

Квартира его, судя по номеру, должна быть в первом подъезде, на шестом этаже.

Каленый сказал: «Дело легкое», а действовал осторожно. Машину поставил так, чтобы случайному очевидцу было непонятно, к какому дому она притулилась, да к тому же всунул ее под сень разлапистых деревьев. Небо еще было по-летнему сумеречно, хотя ночь уже подступала, и тени хватило для камуфляжа. Каленый, конечно, намеренно поехал на дело в потрепанном «жигуленке»: такой и при солнце интереса не привлечет.

Номер дома — 11-й — был с подсветкой и хорошо виден издали, что не свойственно жилью обыкновенному, — значит, совсем недавно дом этот по-новому обиходили. У входа в подъезд лампочка ярко освещала не только крыльцо, но и подступы.

Каленый обернулся к заднему соучастнику:

— Тебе на стеме стоять, так сходи погляди.

Тот быстро вернулся:

— Бабки расползлись, но сидит какой-то занюханый. Послал его за водкой в универсам. Минут на двадцать у подъезда пусто.

— Ну, пошли, — скомандовал Каленый.

У Гаврилыча ноги сделались непослушными.

— Зачем я там тебе?

— Я же сказал: для авторитета. Там с хозяином еще могут быть люди, так отвлечешь на себя. Чего менжуешь? Мы же на разговор идем, не на мокруху.

Подъезд, показалось, гулко отзывался не то что на шаги, но и на дыхание. В лифте поднимались до последнего этажа, и в середине пути Каленый посмотрел так брезгливо, будто прибьет сейчас.

— А ты, Гаврилыч, заячья кровь! А деньги надо оправдывать, у каждого дела — своя цена.

Спускались по лестнице, считая квартиры, пока не обнаружилась 24-я. Дверь добротная, не стандартная, по железу под кожу обитая, и открывается не внутрь, а вопреки правилам наружу. Точно, поставлена под новоселье. Каленый позвонил как-то затейливо — вроде бы: «Э-то-я-а-а-а!»

— Кто там? Ты, Андрей? — донесся сквозь дверь женский голос.

— Нам очень нужен хозяин, очень важное дело для него. — Голос у Каленого стал вдруг прямо-таки нежным.

Дверь приоткрылась на широкую щель, и в ней появились голубые глаза во все лицо.

— Какое дело?

— Хозяюшка, милая, — еще нежнее замурлыкал Каленый, — важные дела на площадке не решаются.

И потянул дверь на себя. Хозяйка попыталась удержать ее, но где уж там против тяги Каленого. Он распахнул дверь во весь проем, отодвинул хозяйку и перешагнул порог. И Гаврилыч — за ним, как привязанный.

— Кто вы, почему так врываетесь? — воскликнула хозяйка.

— А хозяин твой тоже врывается! — усмехнулся Каленый, плотно захлопывая дверь.

А прихожая, странно, совсем не богатая — всего-то вешалка-шкаф вдоль стены.

— Да чего надо вам? — Хозяйка еще не кричала, но страх уже проступил в ее голосе. Она чуть отпрянула, прикрыв собой путь в комнату. Оттуда высунулся мальчонка, вытаращил такие же, как у нее, глазищи. И Каленый повел речь, каждое слово усиливая взмахом руки сверху вниз, будто кулаком кол в землю вколачивал.

— Твой хозяин намеков не понял. От разговора виляет. Так скажи ему, чтобы завязал паскудить. Чтоб «Регину» забыл и близко не подходил. И что получил от нее, отдал. Знает, кому. И пускай больше не зажимает, а то ведь очень хорошо, что есть у него хозяйка и пацаненок.

— Регина — это его любовница?

— Ага, — хмыкнул Каленый, — она любой бабы лучше. Хозяин твой знает.

И уже повернулся уходить. Но хозяйка, на вид тоненькая, хрупкая, напряжинилась, бросилась к нему, вцепилась, закричала:

— Говори!

Навряд ли Каленый хотел ее отшвырнуть. Нет, — всего лишь стряхнуть, но локтем вперед сильно повел.

Женщина отлетела, ударилась спиной и затылком об угол вешалки-шкафа, и сползла наземь, и замерла, и глаза ее остановились.

— Эй, ты чего? — толкнул ее Каленый ногой.

Женщина совсем оползла на пол, и темная струйка потекла из-под ее головы.

А мальчонка вдруг кинулся, как мать, но почему-то к Гаврилычу, и обхватил его ногу, и завопил диким кри-

ком. Гаврилыч разжал его ручонки, освободился, но пацаненок больше не кидался, отбежал к матери и упал возле нее, и прижался к ней, будто ею обороняясь. Глаза его сжались в натуге, и рот был разъят до предела, но крик оборвался...

По лестнице спускались, сдерживая шаги, чтобы не было топота. Гаврилыч побежал бы, но Каленый шел впереди, не допуская обгона. И из подъезда вышли неторопливо. Никто не повстречался, и зачуханный еще не вернулся на свою скамью.

За выездом из Москвы, когда пост гаишников миновали, Каленый «Жигуленка» остановил, достал из бардачка стеклянную фляжку, сам отхлебнул, и заднему дал, и Гаврилычу. И за всю дорогу только и спросил:

— А ты уверен, что правильный конверт мне принес? Да? Ну-ну...

8

Стало Гаврилычу вовсе неумоготу подбирать в особняковом поселочке сор от людей и помет от собак. И не в том причина, что с подходом осени листва начала сыпаться на газоны, а в том, что из каждого окна глядели на него с подозрением. Может, и чудилось это, однако не утихало опасение, что вот прямо сию минуту, ну через десять минуток, подойдет некто сильный и грозный, хватит за воротник и прикажет:

— Ну-ка, признавайся, мерзавец, с кем был и что видел?

Он теперь и оплату своих трудов принимал, не поднимая взгляда, подозрительными казались даже надбавки сверх оговоренного: дескать, бдительность усыпляют, а сами присматриваются. Особенно неуютно, до мелкой дрожи во всем организме, становилось при получении денег от приятеля того «новосела», на которого поохотились с дурацкой мокрухой, как сказал бы Каленый. Только вечером, когда защелкивалась за спиной калитка особняковой крепости, немного отпускала настороженность. Собирать в шашлычной грязную посуду с объедками было несравненно спокойнее. Там стыд всего лишь томил, а здесь страх терзает. И поделиться этим нельзя, да и не с кем.

Лидия Матвеевна разве что на улицу не гнала, а так все отчужденнее становилась. Вывест на столик в кух-

не поест и больше не смотрит. На старый матрасик, свернутый в углу, кинет одеяло и простыню — располагайся. Глаза ее, все более тускневшие в последние годы, приобрели живой блеск, и стать к ней вернулась чуть ли не из девичества. И не стоило искать причин этому: известны эти причины. Она, пожалуй, не выставляла Гаврилыча только лишь ради дочери: в пятнадцать лет рано вникать ей в супружеские измены. От Наденьки уже не слышалось хныканий о нищенской доле. У нее появились обновы — должно быть, мать из подростков поступлений выкраивала порадовать чадо. Или, может, уже не стоило судить о семейном бюджете по одним лишь получкам ее отставленной главы? Впрочем, и раньше трудно было бы это звание приставить к Гаврилычу. Наденька все чаще возвращалась домой к полуночи, и на губах ее были заметны следы второпях стертой помады. Конечно, толковая молодежь ныне быстро выходит на свою дорогу, только что-то не было разговору, чтобы дочурка оставила школу и пошла зарабатывать. Да и чем?

Вообще-то так много тяжкого навалилось, что не хватало у Гаврилыча природы обо всем четко подумать. Страх расплаты за соучастие в налете превозмог потуги хоть что-то себе уяснить. А подсказок не было никаких. К тому же уличная темень стала пугать.

С приближением осени вечерние сумерки опускались все раньше, и в дом, пока что все же считавшийся своим, можно было вернуться до полной темноты. И снова пришлось свидеться с Каленым, который то ли не навещался сюда уже больше недели, то ли уходил до прихода Гаврилыча.

Каленый сидел, привычно развалившись на стуле, за столом, щедрым его же заботами, но был не насмешливо веселый, как обычно, а какой-то даже задумчивый. Молча налил в рюмочки водки Гаврилычу и Лидуне, чокнулся с ними своим почти полным стаканом и молча же выпил. А она не чокалась с мужем и в лучшие их времена: верила, что из-за этого в семье не будет достатка. Ушла на кухню соорудить горяченького на стол, и Гаврилыч, осмелев от хмеля, спросил грозного гостя:

— Что, переживаешь, что та женщина убилась, когда ты ее отшвырнул?

— Ты пургу не гони. — Каленый сказал это как бы с ленцой, но весьма четко. — Ничего этого не было и ниче-

го ты не видел. Тот фраер, на которого целились, с горизонта слинял, скумекал чего-то. А за мной хвоста нету. Значит — и за тобой. Тихо все. Не дрожи. Но есть у меня сомнение, что какая-то тут промашка. С наводкой твоей вроде верно: документ с адресом есть, а что-то... Хреновень все это, если бы не тетка... Но как бы с того конца не потянули... У меня в тебя веры нет. Сбоку видно, как трепыхаешься. Лидуня говорит, во сне громко хнычешь. Мне тебя жалко, потому что у нее дочь от тебя, а то бы... Или не от тебя? Ну, шучу, не гоношись, ты же теперь с нами повязан. Выпей водки, она мозги чистит, а душу греет.

— А с какими это «с нами» я повязан?

— А с теми, кто рядом со мной, надо мной и подо мной. Ты кой-чего знаешь, поэтому послужишь братве у меня на глазах. Не трусись, на дело ты не годишься. С этой своей работы слиняешь — вдруг кто чего усекет или сам пустишь нюни. Цена тебе небольшая, а с нами разбогатеешь. Хорошо бы, чтоб ты с охотой, а не с испуга. А Ледуне насчет тебя все равно...

Этот особняк размерами и красотой превосходил все виданное прежде. Это был миниатюрный дворец. Правда, от досужего взгляда его закрывали березы и ели, а поместье гектара в полтора окружала ограда с хитринкой: в два ряда тесно поставленные деревья, между ними непролазный колючий кустарник, да еще и почти невидимая сетка, если сунешься напрямик — запутаешься и тотчас услышишь рассерженную сирену. Попасть за ограду, в поместье, можно только через глухие ворота, раздвигаемые электромоторами в стороны. За ними сторожка с мансардой, откуда проглядывалось все окрест.

Гаврилыч трижды в неделю и каждый раз в полдень въезжал в эти ворота на маленьком автофургоне и мог поглядеть на особняк вблизи. Цоколь его был выложен черным гранитом, а все три этажа — голубоватым рельефным камнем. Просторные балконы со своим стилем на каждом этаже — то застекленные, то открытые ветрам и солнцу, с неброскими росписями по внутренним стенам, не нарушали общую чинность особняка. Но сколько в нем комнат — десятка два или больше, и какая там обстановка, Гаврилыч не знал: автофургончик сразу подъезжал к задним дверям, ведущим, наверное, в кухню, оттуда выходили два мужика в белых передниках и уносили доставленный груз.

Гаврилычу не приходилось раздумывать над ассортиментом покупок, ему загодя вручали перечень продуктов, обычных и выспренных, а напитков — только высшего качества и несусветной цены. Он ехал, поместившись в фургончике рядом с шофером, в супермаркетах, постоянно меняя их, как ему наказали, набирал товару, расплачивался, бережно прятал чеки — и все, очень простая работа. Однако в оставшееся время его погружали в хлопоты потяжелее.

Метрах в пятистах от поместья начиналась деревня дворов на сорок, вела туда малоприметная тропинка. Крайний дом, не лучше и не хуже других, был куплен для нужд обитателей миниатюрного дворца, о которых Гаврилыч ничего не знал, а догадываться боялся. А вот публику, через день меняющуюся в деревенском доме, узнал преотлично.

То была охрана из двенадцати человек, разбитая на три группы. Каждая дежурила круглые сутки. Попарно уходили к особняку, сменяясь ровно через четыре часа. Должно быть, требовалась там высочайшая бдительность. Гаврилыч был приставлен обслуживать всю ораву — готовить еду, кормить и расталкивать, чтобы никто не проспал свой черед. Каленый, представив охране «шестерку», больше сюда не являлся, но братва и без него Гаврилычем особо не понукала — ну, прикрикнут иногда, чтобы расторопнее шевелился. Очень разные — кто сухопарый, а кто уже с наметившимся брюшком — все они были с начисто выбритыми головами, и лица их казались неразличимыми. Группы часто перетасовывались, и потом кто-нибудь приходил с фингалом, или хромящим, или с повязкой на лбу и на расспросы отвечал скупой:

— Разборка...

У них был установлен прямо-таки армейский порядок. В ожидании своей вахты играли в картишки, либо читали пухлые, в пестрых обложках книжонки, либо отсыпались в отдельных комнатах на диванах, либо смотрели телевизор, почему-то посмеиваясь детективам. У каждого был при себе пистолет, но оружие покрупнее, похоже, хранилось и выдавалось в сторожке. Не пьянствовали, хотя у Гаврилыча всегда была наготове хошь водка, хошь коньяк, хошь вино. Ну, то один, то другой, отправляясь на два дня восвосяси, мог опрокинуть стопочку на посошок.

Однако бывали в этом режиме и послабления, когда наиглавнейший в особняке — Гаврилыч так и не увидел его и не узнал, кто он такой, — наверное, выезжал на недельку-другую. Не ломая ритм пересменок, охранники в свои свободные часы становились веселее и беззаботнее, без стеснения опорожняли бутылки и требовали пообильней закусок. И однажды в такой вот вольготный денек один из них, должно быть, самый авторитетный, прямо-таки приказал:

— Ну-ка, Гаврилыч, доставь-ка нам девок штуки две-три-четыре на весь вечер и ночь до утра. Да выбирай! Швали мы не потребляем.

Ну вот, и такое созрело, а отказаться — измордуют, побьют скопом, чтоб не оправдываться по отдельности.

Шофер, с которым Гаврилыч ездил по супермаркетам, скучал в сторожке, дожидаясь надобности в себе, и прямо-таки обрадовался приключению. В его распоряжении, кроме автофургона, был еще и новенький пассажирский «уазик» для развозки загулявших гостей, не способных самим вертеть рули своих лимузинов. На нем и отправились по скабрезному делу. Приметливый шофер не рыскал по закоулкам, а погнал машину на шоссе в Шереметьево. Там между автобусными остановками толпились группки сразу же узнаваемых девок. Тормознули не у крайней группки, а у срединной. Тотчас теткараспорядительница подошла:

— Как договоримся?

— Нам двоих,.. — промямлил Гаврилыч.

— Четверых, — поправил шофер. — И давай сюда самых лучших: там, куда поедем, платят по-настоящему.

Гаврилыч и не смотрел, что за девки, повинувшись выкрикам тетки, рассаживались позади. Всю дорогу они молчали, лишь иногда перешептываясь тихонько, — волновались, наверное, куда привезут? И шофер был молчалив, потому что вел машину на большой скорости и в объезд, только уже у деревни поинтересовался:

— А как думаешь, нам-то отломится?

Гаврилыч не ответил. Растворил двери в дом, подождал, пока девки перешагнут порог, и ушел бродить по деревне. Возвращался, прислушивался. В большой комнате, светившейся в два окна, гремела музыка, заглушая визгливый смех, — девки были приучены смеяться. Потом окна погасли. Утомившись бродить, поднялся из

сеней в чердачный этаж, где была оборудована его каморка, и, заставив себя не прислушиваться и не думать, заснул.

А шоферу, похоже, отломилось: он на рассвете весело повез девок обратно...

Случилось послабление и Гаврилычу — выпала ему свобода целые сутки побыть в своем доме. Тот же шофер и доставил. Не было в избушке ни доченьки, ни супруги. До позднего вечера прождал — не пришли. Достал из чулана убранный туда матрасик, развернул, постелил простынку и одеяло. Глядел в телевизор и не понимал, чего там показывают. Так и заснул. Разбудил гудок с улицы — шофер требовал ехать обратно. И утром не пришли доченька и супруга. Узнали, что ли, что он наехал, и не захотели увидеть его, побыть рядышком?.. Так где же теперь его дом? Там, что ли, где охранники пользуют проституток? Этих мыслей хватило на всю обратную дорогу.

А вскоре еще выдались льготные дни — главнейший в миниатюрном дворце — наверное, всеобщий хозяин отъехал надолго. И пришлось снова ехать за девками, и еще раз, и третий, и все по разным проспектам и улочкам. Прямо-таки стали челночными эти рейсы...

У одного из охранников (черт его знает, как его отличить от прочих бритоголовых) выдался праздник — не именины, а какой-то по счету юбилей выхода на волю после немалых лет в лагерях. По такому поводу он организовал пикник — позвал двух дружков и Гаврилыча прихватил для услуги — на то и «шестерка». Поехали на джипе армейского образца, настолько просторном, что и три девки, подобранные по пути, легко в нем поместились. Юбиляр сам вел джип, не плутая по бездорожью, — видно, знал, куда ехать.

Это была тенистая лужайка в березовой рощице над ручейком. Сюда не доходил гул шоссе, и жилье поблизости не просматривалось. Всего-то, если вдаль поглядеть вдоль ручья, на горизонте, на чистом небе, над темно-зелеными, чуть багровыми рощами виднелся купол храма и поблескивающий на солнце крест. Трава на лужайке еще не потухла, листья с позолотившихся берез еще не устлали ее, ручеек журчал ласково — чудное место для тихого праздника. Но дружки, не успел Гаврилыч расставить на широкой брезентовой подстилке выпивку и закусон, уже принялись разливать кому шам-

панское, кому водку, пичкая ими и девок, и вскоре гогот повис над лужайкой вместо приветливых разговоров. Девкам велели снять платья и даже трусики, однако для полного завершения уводили их за кусты не из стеснения, а чтобы избежать советов.

Гаврилыч никогда не выкуривал столько сигарет подряд, как в эти два-три часа. Он тоже изрядно приложил-ся к спиртному и обрадовался, что в голове зашумело и значит, не будет дум, и отошел в сторонку подальше, чтобы не вовлекли в купленную оргию. Он и не смог бы на виду у всех к ней приобщиться. Лидия Матвеевна отучила желать. Он отошел так далеко, что уже не было слышно нарочитых стонов и взвизгиваний, и непуганая птаха защebetала над ним.

От горизонта, оттуда, где над золотисто-зелеными кущами возвышалась церковная маковка, дуновением ветра донесло тихий звон колокола. Не пронзительный, словно бы жалобный, и не басистый, чтобы встревожить, а будто бы по-доброму тебя окликающий. Коснется груди и лица и затихает, и снова наплывает изда-лека. Чего же это он будто бы окликает? Этих, что впо-валку берутся за кустами, — тоже? Вот же, Гаврилыч, как ты оказался: рядом — сопенье и всхлипы, а вдалеке — светлый купол на темнеющем небе. А колокол смолк — наверное, сказал уже, что хотел...

На обратном пути один только хозяин джипа держал-ся — крепился, вцепившись в руль. Дружки его клевали носами — утомились, паршивцы, и девки, прижавшись одна к другой, даже и не шептались — должно быть, замучили их, паскудниц... И это были все мысли Гаври-лыча. Уже сколько лет, а в последние месяцы особенно, старался он не погружаться в раздумья, потому что, о чем ни подумай, все на тебя обратится. Он и прежде гнал от себя свои же вопросы к себе. Отгонял, отгонял — и научился и не охаивать себя, и не хвалить. Научился увер-тываться от обид.

9

И снова выпало послабление в режиме, и тот, самый авторитетный из охранников, велел:

— Что ты нам все потрепанных девок таскаешь? При-вези-ка ты нам пацанок.

Шофер по дороге в город бормотал озабоченно:

— Раньше малолеток прямо у Манежа предлагали в открытую, а сейчас придется поездить.

На знакомом месте, увидев знакомую группку уличных потаскушек, Гаврилыч нехотя подошел к предводительнице, вяло спросил:

— А у вас нет помоложе?

Она чуть не плюнула:

— Да куда же тебе помоложе, козел?

У следующей группки шофер пошел разговаривать с хозяйкой и вернулся довольный:

— Должен мне сотенную, без нее она не беседует. А так указала — есть тут недалеко один скверик. Но малолетки стоят дороже, знаешь?

А чего тут знать, братва не скупится...

Скверик оказался на стыке двух улиц — бойкой и тихонькой. У скамеек, чуть прикрытых ранними сумерками, гурьбой стояли девчонки — будто собрались всего лишь поболтать. По тротуару прохаживалась дамочка возраста перезрелого, она-то и подошла поближе, увидев, что машина остановилась и уже с минуту не отъезжает. Шофер высунулся из кабины, покивал ей и, когда она в ответ кивнула с широчайшей улыбкой, подтолкнул Гаврилыча:

— Иди, смотри-выбирай, тебе отвечать.

Гаврилыч шагнул раз, другой и не в спину и не сбоку, а прямо в лицо увидел доченьку Наденьку в помаде на губах и розовых тенях вокруг глаз. Он вдохнул воздуха, чтобы крикнуть: «Наденька, доченька, ты?!», — но горло сдавило, и крик в нем застрял. И она увидела его, и глянула не растерянно, а как-то зло, и наморщила все лицо, и отвернулась, и отступила в сторону, и пошла в тихую улицу — сначала быстрыми шагами, а потом и побежала. У него голос прорвался, он крикнул: «Дочь!» — и попытался двинуться следом, а ноги будто привязало к земле. Он все же оторвал их и пошел, сначала шатаясь, потом чуть увереннее и побыстрее, стараясь не упустить худенькую фигурку, а она исчезла в каком-то пролазе. Вдруг почувствовав силы в ногах, он обежал все закоулки, вперед бросался и в стороны, — нет, не догнал, не увидел. Сразу обмякнув, он как бы осыпался наземь у колючей ограды и не сдержался, заплакал — не мужским хриплым рыданием, а собачьим жалобным воем.

Значит, не все слезы выплакал в детстве. Или это новые накопились?..

Совсем стало темно, когда, поплутав, отыскал он тот скверик. В нем было пусто. То ли разбежались девчонки, то ли увели их по назначению. И машины не было, не дождался расторопный шофер.

Гаврилыч, наплакавшись, отупел. Ночь пришла с холодком, но ему не было зябко. Скамейка, мокрая от вечерней росы или от мелкого осеннего дождика, была нетвердой и теплой. Оторопь от нутра охватила все тело. И мозг сомлел. Задремать бы и не очнуться...

Милиционер потряс за плечо:

— Шел бы ты домой, простудишься.

Вот и милиции, назначенной давить подонков, не нужен. Да и сколько ни напрягайся, не найдешь, кому ты нужен, Гаврилыч. И где же твой дом? Там, куда дочь от тебя убежала? Или, может, совсем уж плохо — не домой она, убежала, а вернулась в скверик и сейчас ублажает кого-то? Господи, это за что же такое? Ну, с Лидией — супружницей до беды — все понятно: не было с ней любви, у нее — только согласие рядом, под одной крышей быть, а нагрянуло лихолетье — и даже не злоба от нее сквозит, а «пошел бы ты вон!» в каждом взгляде. Ей теперь и сотенные твои и нарастившиеся тысячи не нужны, потому как и сам ты не нужен. К ней теперь вернулись девичьи дни — попробуй кто-нибудь помешать! Да, нет у тебя того дома, Гаврилыч.

И для тебя, что ли, изба, в которой братки отдыхают, прежде чем идти оберегать какого-то главнейшего гада. Вернуться к ним — будет по-прежнему, только шпынять станут больше и насмеяться: не сам ли ты дочь погнал на панель?.. И не отпустят от себя: слишком уж ты насмотрелся, и не удрать от них — найдут и прикончат. Да и куда удирать-то, где прятаться? Там только, куда и злоба не входит? Там только, да?

Гаврилыч плохо помнил дорогу, лишь направление чувствовал верно и легко добрался бы, если бы не засыпал и в автобусах, и в попутках. Из-за этого приходилось возвращаться и колесить по проселкам, не зная, как точно сказать, куда движется. У него была при себе последняя получка, таких денег он никогда в руках не держал и щедро расплачивался. И снова забирался в автобус или останавливал легковушку, и снова погружался в дрему,

едва расположившись на мягком сиденье. Наконец уже за полдень узнал деревушку, через которую разудалая компания ехала на пикник. Водитель, доставивший сюда в кабине грузовичка, потребовал расплатиться сверх уговоренного, так как потратил времени больше рассчитанного. Гаврилыч, не возражая, полез в карман и ничего в нем не нащупал. Пуст был карман.

— Обокрали!.. Знаешь, друг, меня обокрали. Ничего не осталось.

— Ты что, морочишь меня?

— Нет, клянусь, хорошие были деньги...

— Думаешь, я тебя обокрал?

— Да ничего я не думаю... Мне денег не жалко: что с ними, что без них мне все равно жизни нет.

Водитель, крепкий мужик да еще и рассерженный, перегнулся через Гаврилыча, открыл дверцу кабины и вышвырнул его в пыль. И, отъезжая, газанул с такой злостью, что мог бы взорваться грузовичок.

Поднявшись с карачек и отряхнувшись, Гаврилыч пошмыгал носом — нет, и новые слезы кончились за минувшую ночь. Вот, значит, как попрощалась с ним жизнь, от которой решил бежать. Последний привет от братков. Ну, от таких, что с ними схожи. Все ими пропитано, весь город, вся жизнь. А вот в церкви они бывают?

Да, не ошибся Гаврилыч: это была та самая деревушка, отсюда и храмовый купол над кущей был виден, сквозь частые деревья вела найденная тропа. Идти по ней было трудно: ноги и все тело саднило, однако ж куда возвращаться?.. Вот и ручеек, струившийся у той милой зеленой лужайки, испохабленной... Вот и церковь видна во весь рост, и ограда, почти вся обрушенная, и проем в ней на месте ворот. В стороне от церкви протянулось приземистое здание, в серой стене маленькие оконца.

У крылечка сидели на бревнышках мужички, а перед ними стоял седой монах в темной рясе, черпал чего-то из большой кастрюли, переливал в миски и раздавал.

У Гаврилыча только и осталось сил подойти. Монах глянул, кивнул — «Присаживайся», — и мисочку протянул. В ней были щи постные, но густые — ложка в них не тонула. Ой, великое вам спасибо, — не сказал, а подумал Гаврилыч. Хоть и дичайшая, самая злая беда обнаружилась, и рыдания были, и обморок на скамеечке в сквере,

и ночь под дождем, и сколько-то сотен тряских плутающих верст, а кушать очень уж хочется... В опустевшую мисочку монах доверху положил пшенной каши, а следом протянул еще жестяную кружку с квасом. Завершив трапезу, мужички поднялись и поклонились монаху, трижды перекрестившись. А Гаврилыч подняться не смог. Монах ближе к нему ступил:

— Ты за милостыней пришел или монастырю помогать?

Слова строгие, а голос мягкий. Гаврилыч все же на ноги встал.

— Мне вообще отсюда, от вас, идти некуда. Может, примете?

— У нас жизнь суровая — в трудах и молитвах, не каждому по силам и по душе. Ты крещен?

— Не знаю. Нет. Точно, нет. Если бы меня крестили, так не был бы я подкидышем...

— В Бога веруешь?

— Не знаю. Не думал...

— Вера — свойство души, — сказал монах с некоторой укоризной и, сложив кружки и миски в большую кастрюлю, ушел.

Гаврилыч на подгибающихся ногах немного походил по монастырскому двору, помутившимся взором увидел еще двух монахов, спешивших куда-то, и сотрапезников, разгружавших кирпичи, наткнулся позади церкви на мешки с цементом, прикрытые навесом, прилег ничком возле них и — как в обморок провалился.

Пробудился от того, что солнышко защекотало лицо. Ясное утро уже разгорелось. Из собора через узкие проемы под куполом то пение выливалось, то тихая скороговорка. Войти в церковь смелости не хватило. Монахи, человек семь всего-то, неторопливой толпой спустились с паперти, направились в приземистое здание, у которого вчера покормили мужичков и его не обделили. Но подойти не решился — ведь не за милостыней пришел. Вскоре монахи опять показались — кто с носилками направился к мешкам с цементом, кто в церковь понес оструганные доски, кто у ограды принялся разбирать груды бурьяном поросших камней. Вот к ним-то, подступив бочком, Гаврилыч и присоединился. Сказал: — «С добрым утром!» — и услышал в ответ: «Бог на помощь!». Приняли.

Целые камни — в одну кучу, раскрошившиеся — в другую. За монахами не угнаться, они поспоровистей, но ничего-ничего — главное, чтоб не прогнали. Издали приметил и вчерашних мужичков. Они прибыли вместе с огромной машиной, наполненной кирпичами, и бережно их разгружали. У ближнего монаха спросил:

— А вот те люди с вами живут?

— Нет, приходят потрудиться на благо обители. Они из той вон деревни. В ней мало дела, не скоро народ взбодрится.

Потом монахи ушли молиться. Гаврилыч не отважился пойти за ними. Прилег на пожухлую травку. Ныло в спине, и руки саднило, а на сердце тихо было, покойно: впервые с тех пор, как закрылся заводик, удалось делать что-то полезное. Здесь вообще какой-то особенный климат — не то чтобы ласковый, а умиротворяющий, что ли. Почти напрочь обрушенная ограда отдаляет, не пускает сюда все недоброе. Сюда не сунутся и братки, хотя есть такие подонки, что грабят храмы.

Вчерашний старый монах вынес на крыльцо того же приземистого здания вчерашнюю кастрюлю и миски, вчерашние мужички, прервав хлопоты с кирпичом, тотчас к нему двинулись, и Гаврилыч за ними.

— Будьте добры, батюшка, скажите, пожалуйста, как мне остаться в монастыре?

— А тебя разве гонят?

— Так я ведь под крышу прошусь, не под небом же...

— Эконома надо просить или даже игумена. Пока поживи, как сможешь, присмотришь, и к тебе приглядятся.

Только на третий день стал Гаврилыч распознавать, кто игумен, а кто эконом, но предстать перед ними не получалось. Игумен показывался только лишь по дороге в церковь или при выходе из нее, всегда окруженный братией, а то и вовсе отъезжал из монастыря по своим высоким заботам. А эконом пребывал в таких нескончаемых хлопотах, что одновременно был везде и нигде. Гаврилычу все же удалось уследить его путь. Встал на колени и голову ниц склонил.

Эконом выслушал сбивчивый и почти слезный рассказ.

— Ладно, Бог велит не оставлять немощных духом. Возьмем тебя трудником.

— Это — как?

— А это — работник в монастыре по обету, за пищу и кров.

— Спасибо огромное, батюшка, владыка!.. Значит, будет мне кров?

Эконом оглядел постройки монастыря, едва поднимавшегося из разрухи, и прошептал сам себе:

— Да-а, и в ногах у братии места нет... — И вдруг встрепенулся, окликнул: — Подойди-ка сюда, послушник Андрей.

Остановился и подошел похожий на монаха, но вроде бы и не монах, высокий, чуть сутулый и какой-то весь нахмуренный человек.

— Послушай, — обратился к нему эконом, — возьми-ка ты к себе вот этого раба Божия. В трудники к нам пришел.

У послушника и взгляд был угрюмый, но он тотчас кивнул и рукой показал, куда надо идти.

— Вот спасибо вам, ну от всего сердца спасибо, — повторял Гаврилыч по пути.

Послушник не отвечал. Обет молчания, что ли, принял?

В глубине монастырского двора, издалека и не увидеть, сохранившийся угол старого, напрочь обваленного строения, был продолжен новыми камнями и обломками кирпичей и поверху накрыт кусочками толя. Пол устилала обрезки досок, а у стенки возвышался кое-как сбитый топчан, накрытый тряпьем. Послушник отделил от него немного, положил у другой стены — мол, добро пожаловать, новосел.

И потянулись тихие молчаливые дни. Поначалу послушник никаких бесед не заводил, и Гаврилыч подлаждался. Поднимались ранью, с первым колоколом. Молитва — скудная трапеза — работа — молитва — работа — сон... Эта чередка втянула своим однообразием, отодвинула волнения, совершающиеся в миру. Однако натуру суетливостью не обмануть. Как ни старайся, завернувшись в тряпье, поскорее забыться, а снова и снова прямо-таки вживую набегают недавние сценки. Каленый, развалившийся за столом, разомлевший и вроде бы добродушный, но скорый на ярость, как с той женщиной... И Лидуня, хлопчущая вокруг него, раздумянившаяся, помолодевшая, вернувшаяся в свои лучшие дни... И похабный разгул братвы... И самое страшное, непрощаемое — доченька, выставленная на продажу, убегающая от отца... И однажды со вздохом вырвалось:

— Господи, ну за что это мне?

И от другой стены кое-как слепленной конуры донеслось:

— Испытания даются, чтобы мы вдумались в себя.

Гаврилыч знал уже, что его благодетель-сосед в монастыре поселился раньше всего-то на месяц-другой, и до пострига в иноки ему далеко. Он стал первым, перед кем Гаврилыч уже не робел, и поэтому спросил:

— А как в послушники поступить? Кого уговаривать?

— Себя сначала уговори. То есть сначала душу свою приготовь.

— Да нет на мне большого греха. Только вот человека при мне убили, а я не смог помешать.

— Это — как? — В голосе брата Андрея, то ли сейчас вдруг охрипшем, то ли всегда таком, явно прозвучала настороженность.

— Да как?.. Я человек негромкий, жил, как жилось, не более того...

Не в первую же ночь, а только на третью или четвертую, слово за словом открылась им память каждого, жизнь и раздумья.

Исповедуйтесь друг перед другом. Чей это наказ?

БЛАГОВЕСТ

Последняя ночь откровений прошла. Утро засветилось в оконце. Робкое утро, туманное.

Плаксин в комочек сжался на полу у стены и голову закутал в тряпье. Не шевелясь, не вздыхая, ждал, что сейчас его будут бить долго и сильно, пока не забьют. Неминуемо это и справедливо — ведь еще в детстве внушили и в юности с назиданием напоминали: мы в ответе за все, что происходит при нас.

Однако Перевалов недвижно сидел на своем топчане и впервые за монастырские месяцы беспрерывно курил, вспомнив о сигаретах, заваливавшихся в старых одеждах. И думал о том, что не может винить этого хилого человечка, покорно ожидающего расплаты, что и сам-то бывал равнодушен к происходящему рядом. И еще думал, как был наивен, отыскивая убийцу среди бомжей или клиентов уличных девок. Бомжи-то и те, что кое-как добывают гроши на скабрзный часок, всего-то лишь жалкие жертвы того невидимого, но каждым

ощутимого колеса, которое, даже не замечая их, небрежно так, мимоходом их придавило. И даже будь они причастны к убийству, мелки они для наказания.

А вот истинный убийца не просто виновен. Он ведь из тех, что крутят это самое колесо тупой и холодной жизни, и если не из хозяев ее, так подручный у них. В нем сгустилось и из него брызжет зло, которое растлевает и губит соприкоснувшихся с ним. Прекрасно, что имя его и нахождение стали известны. Возмездие должно быть немедленным и без шатких ритуалов правосудия.

— Не дрожи, как тебя?.. Не дрожи, Аркадий Гаврилович. Я тебе не судья. Ты свое и без меня получил. Вернее сказать, судьба тебя заранее, наперед наказала. Мне тебя жалко. Ты у нашего времени — пасынок. Оно к тебе — как придирчивый отчим, как брезгливая мачеха. Да и я, пожалуй, такой же, как ты. Прежнее время не могло и не подготовило меня к новому, бросило меня, как беспутный папаша бросает детишек на чужой произвол... Ты научись молиться, это поможет. А я ухожу. Догадаешься, куда — так меня уже не остановить...

Прекрасно, что утро туманное: никто не разглядит идущего в отчаянии человека и не услышит его, если он оденет в слова то, что будто бы въявь воображается ему.

Голыми руками такого убийцу не взять. Зло, сосредоточенное в нем, позаботилось о себе — налило его зверской силищей. Ни ножа, ни пистолета он не испугается, да и не справится ими с ним. На такого необходимо оружие помощнее.

Маклер, должно быть, уже сторговал квартиру, в которой по согласию, а потом и в тихой близости жили со Светой. И где Олежка родился и подрастал. И где убил ее этот... И названия ему не найти, самое мерзкое слово для него слабо... Да, если квартира еще и не продана, надо получить предоплату. Без жадности, но такие деньжата, чтобы хватило на пару гранат. Нет, гранаты — слишком громкая, быстрая и ненадежная вещь... Надо найти продавца винтовки с оптическим прицелом. Нет, вдруг промахнешься, а при удаче не увидишь вблизи смерти этого... Да, надо заполучить автомат и полную обойму к нему. С таким оружием управится и ребенок. Подстеречь этого, как его? Каленого — так подстеречь, чтобы оказаться с ним наедине. И не говорить с ним — «Эх, ты!», — а сразу же одиночными выстрелами пере-

бить ему ноги, чтобы не смог броситься, а лежать оставался, и тогда только сказать ему, за что же настигло его это возмездие. А будут просьбы простить его, пожалеть, — не слушать, потому что такого нельзя прощать. А не пойдут из него покаянные вопли — перебить ему также и руки и одну пулю всадить в живот, умирают от такой раны долго. И смотреть, смотреть, как он мучается, как он корчится и от боли, и от того, что в его подлом мозгу встают картины содеянного им.

А дальше... Справедливое мщение величественнейшей любовью расплаты.

Туман заглушает очень тяжелые, но быстрые шаги. Ни людских голосов не слышно, ни птичьего щебетания. А с верной дороги не сбиться: она вся мысленно пройдена. К тому же затеялся ветерок, скоро туман рассеет. Попутный ветерок, ласковый.

Что-то легло на плечи, не придавило, а как бы погладило. А, это по ветру утренний звон колокола наплыл, и еще раз наплыл, и еще. И словно бы повинувшись ему, словно бы в согласии с ним стал таять туман, и все вокруг, только что скрытое, отчетливо проступило. Сначала — тропа-дорога, натопанная тысячами ног, поникшие былинки по краям ее, затем золотистая и багровая листва у подножий ближних деревьев, а затем уж — стволы их и оголенные ветви. Вот и небо темно-синее над головой, а впереди и пониже — голубеющее все светлей и светлей. Вот и солнце в лицо брызнуло, ослепило, словно бы рассердилось. Вот уж и дали видны до границ небосвода. И все это совершили наплывы колокольного звона.

Да, нечистые, грубые, злые порывы приходят во тьме, а свет — на то он и свет, чтобы... Что — чтобы?

Чтобы сказать тебе, что возмездие зверством встречного зверства не уничтожает, а срастается с ним? Что свет из тьмы не родится? Что явившееся во тьме на свету погибает? Что своим злом своих грехов не искупить? Что возмездие одиночному злу вселенского зла не уничтожит? Тогда чем же его уничтожить и как?

Две фигурки соткались из света и навстречу идут. Девчушка лет, наверное, десяти, в платочке, спущенном на лоб и узелком под личиком, в курточке, далеко-далеко не нарядной, даже великоватой, и в поношенных резиновых сапогах явно с чужой ноги. За руку ведет за собой мальчонку Олежкина возраста, в кепочке, съехавшей на

уши, в блеклом пальтишке и тоже резиновых сапогах. Откуда же, от кого и от чего ушли и — куда, к чему и кому бредут? Кто смотрит им вслед, а кто ожидает? Да и ожидает ли? Поравнявшись, оба глянули прямо в лицо — не испуганно, а все же с опаской. Уже выучились опасаться... Отступили на обочину, ускорили шаги, ушли за спину. Не обернулись... Так почему же именно сейчас из сонмища возможных столкновений и встреч повстречались вот эти детишки, раньше всех вышедшие на дорогу? Прямо-таки сестрица Аленушка и братец Иванушка... Значит, какая-то тягость подняла и повела их откуда-то и куда-то. Остановить бы их, расспросить, помочь как-нибудь, да поздно, исчезли они, пока этот порыв оттеснял устремленье на месть... «Дети, бегущие от грозы» — чья картина?..

Дорога стала бугристой, не принимающей быстрых шагов. Ноги, что ли, умнее души? Или это душа, которую ты не знаешь в себе до конца, велит остановиться. Нет, не тем пугает она, что за твоей местью неминуемо будет возмездие и тебе, а тем, что сожмется она и ничего доброго больше не подскажет, тем, что твоя одиночная месть ни этим нечаянно повстречавшимся детишкам и никому, кого жизнь подставила тебе, не поможет. Разве бывают благодущные палачи, исполняющие хоть и справедливую кару. Да, совершить зло силы есть, воли нет.

— Благодарю тебя, Господи, что изымаешь из меня убийцу!

Но как же убережь людей от чужой злобы, от напастей, незримо набрасываемых на них? Какой службой им? Причитанием, криком? Вернуться в мир и работать, работать, увеличивая доброту? Годишься ли ты для такого труда, какое в тебе есть умение, нужное всем? Или вернуться, принять постриг и молиться такой искренней и сильной молитвой, чтобы она окутала мир и времена стали добрее?

— Господи, помоги же решить!

На все человек способен — на высшее благодеяние и низайшую подлость, на горе ближним и радость дальним, старые миры разрушает и новые создает, одного только не может — мыслить всеобъемлюще, как Бог.

ПРОТАЛИНЫ

РАССКАЗ

1

Старому егерю плохо спалось: то он ненадолго впадал в дрему, то внезапно пробуждался, садился на кровати, одевал чирики и, шмыгая ими по половикам, шел к печи и присаживался на низенький табурет у зашторенного окна. «Перемена погоды, ломает зиму, — бормотал он. — Отмякает во дворе, и раны ноют и ноют... Скоро ручьи пробуровят снега, лед посинеет, а там уж Волга да Ахтуба вскроются и захлестнут пойму до самых гривок...»

Марсик, добродушная дворняга, начинал подавать голос, словно чувствовал, что хозяин проснулся и неспокоен. Пес влзлаивал, иногда тоскливо завывал. Старик уходил от окна, ложился в успевшую нахолодать постель; и Марсик умолкал. Далеко за полночь, когда собачье завыванье витало над землей одиноко, горестно, как всеми покинутая и забытая душа, Никита Мефодьевич не выдержал, вышел на крыльцо и, крикнув Марсика, впустил его в дом. Пес, радостно визгивал, пытаясь лизнуть руку хозяина, подпрыгивал возле него, потом успокоился и улегся около печи. Старик снова присел

ПРОЗА

на табурет. Он вспоминал уже давно похороненную жену, единственного сына, кадрового офицера, которого война доконала осколками через десять лет после Победы. Для старика прошлое с настоящим, да и с тем, что зовется будущим, связывалось, словно незримой нитью, жизнью его внука, тоже единственного. Обычно думы Никиты Мефодьевича светлели, когда он мысленно беседовал с Борисом. Но в эту ночь старик выговаривал ему за то, что он давно не заглядывал к деду в гости.

Осенью, затепло еще, старик побывал в районном городке, заходил к внуку в редакцию газеты. Теперь, вспоминая встречу с внуком, старик мысленно укорял его: «В трату пускаешь столько бумаги, а деду не напишешь ни слова. Черкнул бы. Жив, мол, и здоров, чего и тебе желаю. И то бы радость старику: живая, родная душа весть подала о себе! Почту в село возят мимо, завезли бы...»

Перед рассветом старик забылся недолгим сном. Едва забрезжило, он был уже на ногах. «Наконец-то дождался света, до чего ж маетные эти зимние ночи...» Егерь свернул сигарку и, не включая света, начал растапливать печь. За окнами медленно редющим табачным дымом засинело ленивое февральское утро. Охалка дубовых дров была припасена с вечера. Вскоре огонь всклень наполнил прокопченное нутро печи, и дымное его дыхание, увлекаемое доброй тягой, запело гудливо и домовито.

В такую рань Никита Мефодьевич не завтракал. До чаепития обычно успевал похлопотать по дому. Вот и сегодня не сиделось ему без дела. Он включил свет и взялся чинить старый, но все еще отдающий крепким лошадиным потом хомут (с весны брал коня, чтобы объезжать охотничьи угодья), не раз приговаривая: «Шей да пори — не будет пустой поры!» Починив хомут, он, пока инструмент под рукой, решил подшить валенки. Не спеша, умеючи орудовал Никита Мефодьевич крючком. Просмоленная дратва ложилась тугим, аккуратным стежком. Поставив подшитые валенки под лавку, старик заметил, что огонь начал пригасать, и пошел во двор за дровами.

Укладывая поленья на полусогнутую левую руку, егерь вспоминал, как поздним летом прошлого года к нему приезжал внук. Никита Мефодьевич звал его тогда по-

мочь нарубить дров на зиму. Пока Борис собирался, прошло две недели. За это время старик с колкой управился сам. Внук так и ахнул, когда увидел гору наколотых дров. «Что ж ты, деда, меня не дождался?» — «Не обессудь, Боря, надежда на тебя плохая. Можно до белых мух прожидать». Дрова вдвоем складывали. Три дня тогда, гостюя и работая, пробыл Борис у деда. О чем только ни говорили они: и о политике, и о медицине, и о природе, и о защите ее от человека. Касались и личной жизни Бориса. Воспитан он был только матерью. Жили они после смерти Михаила, сына Никиты Мефодьевича, в областном центре. Мамаша ни разу не отпустила одного Бориса к деду с бабкой, хотя они чуть ли не слезно просили привозить его на лето в пойму, да и мальчонка к ним тянулся. Но ревнивое материнское сердце не переупрямить.

Борис Жарков окончил факультет журналистики, и мамаша похлопотала, чтобы он попал по распределению в родную область. А здесь Бориса направили в редакцию газеты Заволжского района, в котором егерем работал его дед. Тут они встречались чаще, чем прежде. Борис неплохо продвигался по служебной лестнице. Шесть лет назад начинал рядовым сотрудником, теперь уже был заместителем редактора. Елена Григорьевна радовалась и гордилась сыном, но были у нее и тревоги: женить его пора. «Хорошие были деньки, — подумал Никита Мефодьевич, приостановившись с охапкой дров на крылечке и глядя на врезанное в ветловую рощу крыло зари. — Хотя и не все мне тогда нравилось в моем внуке, хотя и мало спорили с ним...» Старик подживил огонь в печи, помыл десяток картофелин и, уложив их в чугунок с водой, поставил на плиту. «Капустки надо достать», — решил Никита Мефодьевич и, захватив небольшую кастрюльку, отправился в погреб. Прошел по расчищенной тропинке к погребнице, открыл иглисто заиндевевшую изнутри крышку. В лицо дохнуло сыростью. «Надо каждый день на полчаса открывать, а то слишком тут парно. Еще начнет картошка преть. Грунтовые воды близко: от сыри спасу нет...» Егерь осторожно спустился по лестнице, глаза по привычке к сутемкам, и он осмотрелся.

Осенью Никита Мефодьевич обшил горбылем стены погреба, чтобы не осыпалась земля. За зиму доски кое-

где окинуло белесой плесенью, а по щелям пошел настырный грибок, как будто кто-то комками налепил творог. Старик открыл кадушку, наложил в кастрюльку капусты, забрался рукой поглубже и достал половинку вилка. Любил он квашеную капусту в таком виде. Когда вернулся в жилище, вода в чугунке кипела вовсю. Неделю назад прохудился самовар, и теперь старик неохотно пользовался чайником. Сунув его на плиту, присел у стола, посматривая в окно. Рассвело, день обещал быть ясным и солнечным. Взгляд старика упал на гроздья калины. Осенью он сорвал их в пору соковитой зрелости и уложил между оконных рам на снежно-белые хлопья ваты. Долго они приманчиво и утешно краснели, не гасли, а вот поди ж ты — к весне ягодки сморщились, померкли, да и вата, вобравшая влагу, посерела. «Какие грозди были, налитые соком, темно-красные, — грустно подумал Никита Мефодьевич. — Куда что подевалось? Вот так и жизнь человеческая с годами омеркает... Хотя я еще креплюсь».

2

Никита Мефодьевич вспомнил, как его, раненого в Сталинграде, переправили вместе с другими изувеченными на левый берег Волги, привезли в районный городок. Тут он лежал в одном из госпиталей. Перенес три операции, пока хирург выбирал из него осколки крупновской стали. Были повреждены и легкие. Долгие месяцы гнетущей казалась ему белизна потолка. Перед выпиской из госпиталя с ним беседовал военврач.

— Скажу прямо, — говорил он. — Вы — инвалид. Можете не работать. Но, насколько я успел вас узнать, вряд ли вы усидите без дела. Один совет: лучше бы вам работать, скажем, лесником или еще кем-то, но быть непременно в дружбе природой. Сами понимаете — свежий, чистый воздух... Иначе война добьет...

Тогда Никита Мефодьевич и последовал совету военврача. Благо рядом, за Ахтубой, — пойма, леса и не пришлось куда-то ехать из родных мест. Многие годы работал он лесником, потом пошел в егери. «Да, природа меня поддержала, и поныне питает силами, — размышлял теперь Никита Мефодьевич. — Не могуч, но и на здоровьишко жалиться грех. Вот и обходить угодыя уп-

равляюсь, дрова еще сам колю и прочие дела по дому не в тягость... А, может, это и порода наша сказывается? Дед да и отец до ста лет дожили...» Старик снимал с плиты чайник, доставал заварку, сливал из чугунка воду, а в памяти всплывали картины далекого-далекого и почти уже неправдоподобного детства. Видел он могучего деда, который играючи поднимал арбу с огромным возом сена, держал на весу, пока мужики заменяли сломанное колесо.

Под стать ему крепок был и отец, Мефодий Евсеевич. По годам он не попал на последнюю войну, но и в тылу не отсиживался, участвовал в строительстве железной дороги, которая потом связала глубокий тыл Заволжья с паромной переправой напротив Сталинграда.

В промозглые осенние дни простыл старик и слег. Мать потом рассказывала Никите, что отец был уже при смерти. Рассказ ее нестираемо отпечатался в памяти Никиты Мефодьевича. И сейчас, вспоминая отца, он, словно наяву, слышал материнский голос...

Отец лежал на старинной деревянной кровати и уже почти не подавал признаков жизни. Фельдшер накануне сказал: «Так и поите отваром из березовых почек... Хотя ничего не поделаешь... Не жилец...» Мать в то утро копошилась у печи и втихомолку (не дай Бог услышит Мефодий Евсеевич — рассердится!), безутешно точила слезы. Вдруг отец подал голос, завозился на кровати. Мать с криком кинулась к нему, подумав, что помирает, а он открыл глаза и еле слышно прохрипел:

— Помоги встать...

Мать поддержала его, когда он садился на кровати, и хотела подложить под спину подушки.

— Не нужны они... Пошли к печи.

Мать усадила его у печи, а он взял кочергу, и никак не мог открыть ею раскаленную дверцу. От помощи отказался: «Сам!», и открыл ее. Сунул в пламя кочергу и как замороженный глядел воспаленными глазами на пляску огня.

— И чего это ты задумал, родимец... Уж не спалить ли дом хочешь? — запрочитала мать.

Отец молчал. Гнутый конец кочерги раскалился добела, он вытащил ее из печи и поднялся. Мать бросилась к нему, чтобы поддержать, но он отстранил ее: «Сам!» Опираясь на кочергу, оставляя на некрашеном

полу жженные пятна, дошел до кровати. Держась за нее, он начал выжигать на деревянной спинке какие-то буквы. Мать подошла к нему. Кочерга тяжелая, неудобно было ее гнутым концом выводить письма. К тому же ослабевшая рука отца дрожала. В горнице запахло горелым деревом. Отец отступил от кровати, и мать со слезами на глазах прочла вслух: «Доживу до ста лет!» С того дня отец пошел на поправку. И неистовое, дерзкое его пророчество сбылось: прожил он сто два года!

«Может, и мне такой же срок был отмерен судьбой? — Думал Никита Мефодьевич. — Хотя никакая порода не поперечит войне. Вон сынок был какой! Кряжистый, здоровый, как пойменный дубок, но и его война подрубил...» И снова старик думал о внуке, теплилась у него надежда: в жизнь Бориса не вторгнется военное лихолетье, судьба будет светлой и ладной. Егеря попивал чай и вспоминал те августовские дни, когда внук помогал ему складывать дрова в поленницу. Как-то вечером, в сутеми, испятнанной зажелтевшей кленовой, ясеновой листвой и обступившей жиле егеря, сидели они на крыльце, сумерничали. И тогда не понравилась Никите Мефодьевичу одна просьбишка внука. Заговорили об охоте, и Борис оживился:

— Деда, ты мне помоги по-родственному.

— А в чем дело?

— Да просьба одна... — чуть помявшись, сказал Борис. — Есть у меня друг, заядлый охотник, он работает в областной газете. Сам понимаешь, нужный человек. О будущем надо мне думать. Здесь, хоть и не глухомань, а все равно — периферия. Не век же сидеть в районке. Возможно, уйду в областную. Тогда дружок и поможет выбраться отсюда.

— Ты куда это, Борьк, клонишь? — построжел Никита Мефодьевич.

— А к нему клоню, к лесу, — он повел рукой в сторону дубняка. — Разрешил бы ты зимой другу моему поохотиться в твоих угодьях денек-другой. На фазанов, скажем, или лучше подвалить лося. Как, деда? Это было бы по-родственному...

Слушая внука, Никита Мефодьевич хмурил белесые, густо прошитые сединой брови, молчал. Морщинистые щеки начали румянеть и подергиваться. Старик взорвался. Борис не рад был, что затеял скользкий разговор.

— Да пошутил я, деда, — пошел Борис на попятную, — дай-ка, думаю, проверю, как ты будешь реагировать.

Никита Мефодьевич понял, что эта гаденькая просьбишка была нешутейной, и, немного поуспокоившись, сказал:

— В доверенных мне угодах никто еще не шкодил... Приезжайте, как люди В установленное время, с билетами охотничьими и путевками. Надо — берите лицензию. А свинячить здесь никому не позволю... И родственность тут ни при чем!..

Никита Мефодьевич налил третью чашку, но пить не стал. «Не тот чай, не тот, — бормотал он. — Вот из самовара — другое дело... А Борька, наверное, тогда обиделся, потому и глаз не кажет. Наведаться бы к нему. Хочется повидаться. Что ни говори — родная кровь. Да, теперь только после половодья попаду в город... Что-то сегодня думки невеселые одолели. И чай даже не радуется, не бодрит. А что, если самовар...» Старик знал за собой одну слабость: ближе к весне особенно остро ощущал он одиночество, и тогда неодолимо тянуло его к людям. И сейчас Никита Мефодьевич даже обрадовался, что самовар прохудился и есть повод отправиться в поселок Вербный. Там живет давний его знакомый — кузнец Иван Федорович Панышин. Доброй, неиссякаемой души человек и мастер на все руки. Ковать, лудить, паять, клеить калоши из автомобильных камер — за что он ни возьмется, все у него спорится. «Схожу-ка я к Ивану Федоровичу, — повеселел Никита Мефодьевич. — Угодья обгляжу по пути... Посидим, потолкуем. Хоть слово человеческое услышу... И самовар он мне запаяет...»

Егерь достал тускло отсвечивающий самовар, обтер подвернувшейся варежкой, любовно огладил прохладные бока. «Поилец ты мой. — Он аккуратно укладывал его в рюкзак. — В гости пойдем, подладим тебя, и залокочешь опять во здравие мое...» Никита Мефодьевич, прежде чем забросить за спину рюкзак, по привычке взял егерскую сумку, заглянул, есть ли в ней бланки протоколов на случай задержания браконьеров, и перекинул ее через плечо. Так же привычно, сняв с гвоздя, прихватил старенькое ружьишко, бескурковку шестнадцатого калибра. Марсик выскочил в сенцы, едва егерь отворил дверь. Пес хотел увязаться за хозяином.

День уже рассиялся. Запригревало солнышко, довело до слез сосульки. Под стенами дома наст был исклеван, изрешечен настойчивой капелью. «Все, считай отлютывали холода... Водополье не за горами. Вон как ростепельное дыхание так и нижеет воздух...»

— Оставайся, Марсик, за хозяина, — сказал старик во дворе.

Низкорослая, черная с белой бабочкой на шее дворняга запечалилась, угиная голову и жалостливо повизгивая.

— Не тоскуй, брат, — мягко сказал егерь. — Завтра приду. Оставайся!

Марсик понял его и, обиженный, нехотя поплелся к конуре. Никита Мефодьевич, как обычно, не закрывая дверь на замок, привалил ее ломом, чтобы не хлыбало ветром. Неторопко, по-стариковски горбясь, прошел по осевшей и потемневшей за ночь тропинке через огород, приоткрыл приваленную снегом калитку. Перед ним лежала небольшая ложбинка, а за ней терялся в рошах высоко насыпанный грейдер. Справа, за луговой равниной, четко выделялась иссиня-темная кромка оттаивающего, но еще далекого от пробуждения займищного леса. Егерь с минуту постоял, как бы вбирая глазами талую синь оттепельного дня. «Сколько кругом белого да голубого спокойя, — подумал он. — А на душе так не всегда бывает...»

Никита Мефодьевич пересек ложбинку. На ее дне ветерок раздергивал легкое курево белесого пара над проталинами. Егерь уже поднимался по пологому склону, как вдруг почувствовал, что кто-то глядит ему вслед. Обернулся — и глаза его радостно столкнулись с синими, пристальными взглядами проталин. Старик так и застыл, удивленный. Стоял он, комкая окладистую, густо высеребренную сединой бороду. Потом крякнул и прочувствованно, с хрипотцой проговорил: «Проталины-то глядят, чисто дети... Приду завтра же, уж не смотрите вы с укором. Побуду с людьми и приду.. Куда ж я денусь?..» Поправил за плечами рюкзак и пошел вверх по склону.

Километров пять отшагал Никита Мефодьевич по грейдеру, посматривая по сторонам, прислушиваясь: не

гремят ли где-нибудь выстрелы. Он увидел, как невдалеке в вербнике крикливые сороки огарновали ворону. Та недовольно каркнула и снялась с осокоревой сушины. А сороки, перелетая с дерева на дерево, держались кучно, трещали тревожно и суетно. «Человека там увидели — не иначе, — подумал егерь, — потому и такой крик подняли...» И, словно в подтверждение этой мысли, из ветловой рощи донесся ружейный выстрел, следом еще один, а потом громыхнул дуплет. Никита Мефодьевич круто свернул вправо, спустился с грейдера и, проваливаясь в снег почти по колено, направился к роще. «Браконьерят — не иначе!» — зачастило сердце. Когда вербник был уже недалеко, он вышел на взгорок, поросший ивняком. За сеткой ветвей егерь увидел три поблескивающих краской «козла», стоящих на краешке ветловой рощи. Неподалеку от них на боку лежал убитый лось. Могучие ветви рогов торчали над снегом, как корневой выворотень дуба после гиблого смерча.

Никита Мефодьевич пригляделся: что за люди маячат у поверженного сохатого. Восемь мужиков топтались у разведенного неподалеку от лося костра, покуривали, передавали что-то по кругу и закусывали. И вдруг егерь напоролся взглядом на высокого мужчину в дубленке. На глаза старик не жаловался. «Да это же Борька! — так ударило в голову, что он невольно ухватился за ивняковые ветви. Они с легким хрустом надломились, и старик едва не упал. — Вон и шапка из корсака. Я дарил ему... А, может, не он? — Как бы егерь сейчас обрадовался, если б обознался, но мужчина в дубленке повернулся лицом, и Никита Мефодьевич ахнул: — Борька! Что же ты надделал, мерзавец!! И с тобой, наверно, дружок этот из областной газеты и остальные — тоже важные птицы. Не зря ты не раз хвастался, что на короткой ноге со всем районным начальством...» Старик стоял потрясенно-растерянный, стиснув зубы до побеления желваков.

Борис закусывал, потом опять, как большущего красного птенца, подкармливал сушняком костер. Никита Мефодьевич почему-то вспомнил слова Елены Григорьевны: «Мой Боря возьмет от жизни все! Я его так воспитую!»

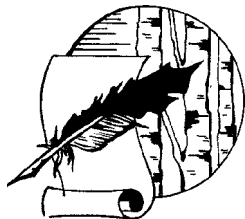
«Борька, Борька... Ты ведь тоже Жарков... Как же так? — почти беззвучно вылепливали его губы. — На что же ты надеялся, когда вел их в уголья деда? Может, ду-

мал, что по-родственному я тебе дам поблажку? Или считывал спрятаться за спинами начальства?»

Да и так ли уж важен точный ответ на эти вопросы, если вот он, стоит у костра Борис, а рядом лежит на снегу поваленный им и его дружками ни в чем не повинный зверь, и два мужика, засучив рукава, уже свежуют сохатого.

Никита Мефодьевич отступил назад из ивняка в ложбинку, выбирая путь к браконьерам удобнее и покороче. Решил идти вдоль ерика, где в тени камышовой чащобы наст еще наверняка крепкий. Был какой-то миг, когда в страдальческих глазах старика защипали слезы, и царапнула сердце жалостливая мысль: «Как же так? Там ведь Борька». Но тут же он ощутил, как и у своего жилья, пристальный взгляд проталин. Они синели рядышком в ложбинке, где стоял Никита Мефодьевич. Но эти проталинки смотрели не только наивно и приветливо, было в них что-то невыразимо-испытующее. Старик, не отводя взгляда в сторону, крикнул, поправил на боку егерскую сумку и пошел вдоль ерика к костру.

Он шагал, по-стариковски горбясь, и ощущал затылком и спиной по-детски ясный, вопрошающий взгляд чистооких проталин, хотя сами они, оставшиеся за ивняком, за ольховым подростом, уже не были видны.

В рубрике «Русское зарубежье» мы будем знакомить читателей с творчеством русских людей, волею судеб живущих ныне за пределами России. Обладая разным творческим потенциалом, все они, тем не менее, живут одним прекрасным чувством — любовью к России, нашей истории, нашему народу.

СТИХИ ПОЭТОВ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Татьяна ЖИТКОВА, Латвия

* * *

Я люблю тебя горькую, славную, милую,
Распростертую между великих морей.
И какую б судьбу ни накликали гиблую,
Ты останешься лучшею из Матерей.

О, Россия моя, с расплетенными косами
Ты стоишь на ветру, на краю тишины...
А над миром Россия сверкает надзвездная,
И в молитве сомкнулись святые сыны.

Там, где синий простор и былинные дали,
Где березовый дым и бескрайний рассвет,
Может быть только вера и правда — в начале,
А потом — только истина и немеркнущий свет.

Потому что нигде так любви не искали,
Не земной, а небесной любви без границ.
И премудрые старцы благословляли
На защиту твоих городов и станиц.

Потому что нигде столь полярно не жили
В человеке покорность и бунтующий вихрь,

Где бы так бесшабашно, бездумно кутили
И столь жарко молились, уходя в монастырь.

Омываясь живыми, студеными росами
Беспредельно раскинутых русских земель,
Обвенчается Русь с королевичем-Космосом
И умчится на тройке из звезд-лебедей.

Не забудь же о нас, отделенных границами,
Как мы помним тебя каждым атомом тел,
И любви нашей светлой не избыть и не высказать —
Только б в вечном просторе русский голос звенел!

КРИТ

Набегает волна на карниз тектонических плит,
Осенья венцом белоснежной рассыпчатой пены.
Спит в лазурной воде седовласый мистический Крит,
Бросив яркий хитон на дворцовые древние стены.

Плакал маленький Зевс на высокой диктийской горе,
Где в узорной пещере кормила его Амалфея.
Здесь великий Дедал возносился в своем мастерстве,
Умирал Минотавр от священного гнева Тесея.

Здесь когда-то в веках красной медью сверкающий Тал
Обходил по ночам беззащитные с моря границы,
И тяжелые скалы в захватчиков сверху метал,
Вот — лежат их осколки, как черные хищные птицы.

Что таится в тебе, обиталище сонма богов?
На истертых камнях — след забытых бесчисленных жизней.
Над волнистым нагорьем прострелы парящих орлов
И намоленный храм Панагии Кардиотиссы.

Плотен ветренный жар, ярок свет на белесых ветвях,
На причудливых скалах пронзительна сеть лабиринтов.
Словно давние стражи, ряды кипарисов стоят,
И кружатся над склонами полушары-оливы.

Мне б тебя, как ребенка, в прохладную тень отнести,
Остудить опухалом, холодной насытить водою.

В драгоценном сосуде иль в малой по-детски горсти
Твой полуденный зной увезти ненадолго с собою.

Нет ни лет, ни секунд — так стекаются все времена
В океан мирозданий единой волнующей вестью.
И в молчанье сердец проявляются вдруг письма
Чистой светлой строкой полюбившейся некогда песни.

Ольга РЕДКОВА, Германия

* * *

Где-то там далеко
По земле белый мякиш раскрошен.
Там на крыше мой кот
Серебристые ловит горошины.

Где-то там в январе
Небо сыплет кокосовой стружкой,
Выплетает мохер,
Продевает в игольное ушко.

Засыпает ковчег,
В коем жизнь приютилась безропотно.
Только в памяти снег
Тихо падает шепотом, шепотом.

НОЧЬ РАССТАВАНИЯ

Я помню озноб остывающих улиц,
Дома прикрывали нагие колени
От ветра и снега. Понура сутулясь,
Шли тени, влача за собой свои тени.

Пугливые демоны падали на пол,
Вертелись, как будто пытаюсь согреться,
И туча своею звериной лапой
Скрывала мое обнаженное сердце.

Паучьим терпеньем, совиным прозреньем
Я ночь приняла. Она ша с коромыслом,

Из звездных ведерок струился рассеяно
Полуночный свет на пещерные мысли.

Потом простодушно посыпался снег,
И ночь обрела назначенье иное.
Как в этом божественном хаосе мне
Суметь отыскать мое место земное?

* * *

Быстроногим, всесильным
Пешеходит по городу
И щекочет осинам
Ветер пыльную бороду.

Прожигает березам
Ребра рыжее солнце,
Словно в облаке розовом
Прутья движутся в танце.

Покрывается небо
Молочными тучами,
Созревающим снегом
И надеждой на лучшее.

Ирина СИДОРОВА-РИЖСКАЯ, Испания

ОСЕНЬ

Купалась в стынувших озерах осень.
И лес шумел тяжелой рыжей гривой.
Так удивительно сияла просинь,
Наполненная стаей птиц крикливой!

Катился в небе пряником беспечным
Немеркнувшего солнца круг янтарный.
Прощаясь с бабьим летом быстротечным,
Тепло мелькнувшим в беге календарном.

А дождь с победной барабанной дробью
Уже на подступах к душе и дому.

Что холода грядут, не верь попробуй!
Мы хороводом времени ведомы.

И скоро осень будет карнавалюно
Кружить листву, срывая в вихре танца.
Любуйся листопадом беспечально!
И не ищи в природе постоянства.

БЛАЖЕН, КТО ВЕРУЕТ

«Блажен, кто верует...»
А если веры нет?
Пророка нет в Отечестве своем.
Грешим без покаянья столько лет,
Хоть знаем: что посеем, то пожнем.

«Блажен, кто верует...»
А если не дано?
И заповеди словно не для нас.
А церкви все разрушены давно.
И голос совести почти угас.

«Блажен, кто верует...» —
Так жили все века,
И высшая премудрость в этом есть.
Постичь ее не всем дано пока,
Но память просыпается и честь.

«Блажен, кто верует...»
Мы веру обретем!
В добро, в судьбу особую свою.
Над пропастью мучительно бредем,
Но поняли уже, что на краю.

«Блажен, кто верует...»

Николай РОМАНЕНКО, Латвия

РОДНАЯ РЕЧЬ

Нам дана во владение речь —
И богатству такому нет меры,

Но не можем постичь и сберечь,
Потому что владеем без веры!
Потому, что не знаем канон,
(А ведь альфа дана и омега!)
Что связуется нитью времен:
От капли — до первого снега,
Как от первого крика, с утра —
До последнего нашего стона,
Доведенные силой пера
До высот колокольного звона...
Дорогая родимая речь!
Все в тебе — прежде, ныне и присно! —
Свет и радость рождественских встреч,
И труды, и последняя тризна...
О да будет счастливым улов,
Человече, забросивший сети!
Ты готов к осознанию слов —
И тебе улыбаются дети.
И щедрей плодоносит земля,
И, над ней поднимаясь все выше,
Дух твой в звездные мчится поля.
И вселенскую музыку слышит!
И меняет в грядущем эфир,
И возможным становится снова
Этот юный и радостный мир,
Где в начале проявлено Слово.

* * *

Вот опять свежий ветер с востока
К нам доносит простые слова:
Эта жизнь, отнюдь, не жестока,
Эта жизнь — молодая трава!
Видишь, стебли встают друг за другом,
Поднимаются стебли стеной —
Все разумно идет, круг за кругом,
Все направлено к цели одной.
Помнишь май и пахучие травы?
Как венки мы с тобою плели?..
Упаси меня, Боже, от славы,
Но судьбою меня надели!
Знаю, знаю: здесь все не случайно!
Так, однажды родившись на свет,
Ветер шепчет траве свои тайны —
И она ему клонится вслед...

* * *

По сетям всемирной паутины,
опаленный солнечным огнем,
то качусь песчинкою в пустыне,
то мелькаю белым мотыльком.
Где-то мне отведено местечко...
По доменам, ключевым словам
я ищу негаданную встречу
и слова раскидываю сам.
Может, там, в негаданном пространстве,
как и я, отправившись в поход,
в синеве крутым протуберанцем
мне навстречу набираешь ход.
Торможу и висну без причины.
А в засаде, замыкая круг,
из сети глобальной паутины
дергает за ниточки паук.

* * *

Я не ношу в ненастную погоду
Ни кепи, ни ушанку, ни башлык,
И каждый волос — по дедов породе —
На небо ошетилившийся штык.

Их постепенно скашивают годы,
Страстей сжигает яростный угар,
На голове стоят громоотводы
И принимают на себя удар.

Ни мягче не становятся, ни глаже,
Но так же, до последнего верны,
Они уходят в белом камуфляже,
Солдаты неоконченной войны.

Как в дальнем море черная подлодка,
Пробила льда сверкающую гладь,
Темнеет, выделяемая четко,
Судьбой пока не тронутая прядь.

Ни волю, ни удачу, ни терпенье
Не расплескал, не вычерпал до дна...
И маяком сверкает во спасенье
Моих волос святая седина.

* * *

Лене

греки поют с утра
в море светает еле
тихо гудят ветра
в парусной колыбели

переплели небосвод
тонкие верви
в толще соленых вод —
крабы на шельфе

взоры глухих невежд
в сонном обличьи
а в синеве надежд —
росчерки птичьи

стих муэдзина грудной
утренний вопль,
и не Стамбул за кормой —
Константинополь

стоит губами взять
крохи просфоры —
солнечным светом разят
воды Босфора

крутят призрачный вихрь
крылья Эриды
честен пустынника пир —
мед и акриды

слышит твоя чистота
глас путеводный
только тесны врата
крови Господней

как ты ее пила
взглядом теплея
ввысь небесам хвала —
полиелеос

духом живым влеком
тронь меня, пламень белый
голосом завитком
заиндевелого хмеля

в устьях северных рек
в роще старинной веры
тронь меня, беглый грек
тенью своей галеры

плещет весельный звук
в скалы пролива
прикосновения рук
ветви оливы

тихо сочится кора
каплей небесного брашна
греки поют с утра
и умереть — не страшно

ВИЗА В ПУЧИНУ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

ИНЦИДЕНТ

Неожиданная развязка моего журналистского расследования произошла на пятый день. Утром приехала фура с прицепом, наполненная все теми же злосчастными мешками цемента, и пан Иржи приказал срочно ее разгрузить, подключив и меня к этой работе. Мы до того устали, что во время обеда еда застревала в припорошенных цементной пылью глотках и казалась безвкусной. Цементный бизнес хозяина процветал, и он, беспокойно поглядывая на часы, торопил нас:

— Надо все делать в темпе. Уже клиенты ждут.

— Мы, в конце концов, не каторжане, — зло бросил я. — За такой адский труд следует платить намного больше...

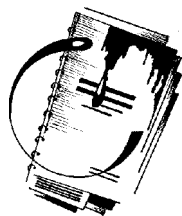
— У нас договор с фирмой-поставщиком, — сухо проговорил хозяин. — Там ясно сказано: вы выполняете любую работу при фиксированной оплате...

— Фирма-поставщик, — заводился я, — это русская мафия?

Пан Иржи изменился в лице, сцепил губы, пробуравил меня злобным взглядом, но тут же взял себя в руки и попытался улыбнуться.

Продолжение. Начало в №1-2 за 2009 г.

ДОСЬЕ "МГ"

— За работу, друзья! — бодро произнес он. — Выяснить отношения будем вечером.

У амбара стояли два пикапа. Когда мы их загрузили, показалась телега, которую тянул короткохвостый битюг. Эстонец посмотрел на свои дрожащие и кровоточащие ладони и прохрипел:

— С меня хватит.

Он устало побрел к липовой аллее, привалился спиной к стволу и, низко опустив голову, замер. Хозяин подбежал к нему и что-то говорил, размахивая руками. Потом вернулся к амбару.

— Загрузи телегу, — обратился он ко мне. — Больше клиентов сегодня не будет. Я тебе добавлю пятьдесят крон к дневному заработку. Это большие деньги!

Исполнять роль штрейкбрехера мне не хотелось, да и сил больше не было. Я мотнул головой и направился к напарнику. Так мы сидели в густой тени, каждый занятый своими мыслями. Издали я видел, как хозяин сам таскал мешки. Вдруг он оторвался от работы, торопливыми шагами направился в нашу сторону и, задыхаясь, запричитал:

— Я очень прошу помочь! Очень! — Лицо его посерело от пыли, губы дрожали.

Я посмотрел на напарника. В его согбенной фигуре было столько усталости и безразличия, что, кажется, рухни сейчас небо — он не вздрогнет, не шевельнется.

— Нет, хозяин, — выдохнул я. — На сегодня хватит.

— Тогда пеняйте на себя, — зло прошипел фермер, судорожными движениями вытащил мобильный телефон и, набрав номер, коротко бросил: — Твои люди отказываются работать. Приезжай и наведи порядок.

Он досадливо сплюнул, резко повернулся и зашагал к амбару.

Я лежал на траве и бездумно глядел туда, где вырисовывались цементные мешки. Эстонца вдруг прорвало, и транспортер рубленых фраз разорвал затянувшееся молчание. Едва ли этот бессвязный словесный поток мог вызвать во мне сочувствие. Но какая-то смутная боль закралась в сердце, вызывая в душе томительное раздражение. Чтобы отряхнуться, отделаться от возникшего тревожного чувства, я поднялся и посмотрел в сторону пруда, который осколком зеркала блестел между деревьями.

— Пошли искупаемся, — предложил я. — И на свежую голову подумаем, что делать дальше.

Мы отдыхали на пустынном берегу пруда. Надо было что-то предпринимать, и я попытался заговорить об этом с эстонцем. Но тот вел себя вяло. Его безразличие передавалось и мне, хотя я понимал, что вот-вот грянет беда. Однако ничего не хотелось предпринимать.

Скрип тормозов за камышовой стеной вывел меня из оцепенения. Плотная фигура вербовщика быстро направилось в нашу сторону. Мы торопливо поднялись.

— Ну что, братки, — ледяным тоном произнес он, — бастуете?.. Негоже, негоже.

Вербовщик старался говорить спокойно, но было заметно, как злоба душила его. Крохотные глазки, похожие на семечки, впивались то в меня, то в моего напарника со звериной ненавистью. Я взглянул на эстонца — тот презрительно усмехался. И то, что совсем недавно его только слегка злило, сейчас вдруг обожгло бешенством.

— Пошел ты, шестерка мерзкая, — брезгливо процедил он, — куда подальше.

Бандит поначалу опешил от неслыханной дерзости, потом, в прыжке, наотмашь ударил эстонца. У того от губы к подбородку потянулась алая струйка. Далее произошло неожиданное. Незаметным движением эстонец уложил бандита на землю и мощным ударом ног в затылок отправил его в глубокий нокаут. Развернув обмякшее тело, эстонец извлек из куртки мобильный телефон и набрал номер.

— Попросите господина Кристаповича... Да-да! Господина Кристаповича.

— Куда ты запропастился? — донесся недовольный голос. — Ты мне нужен, как воздух...

— Я застрял в Праге. У меня украли деньги. Сажу с пустыми карманами и не могу выехать домой. Выручайте, шеф.

После заметной паузы голос приказал:

— Перезвони мне через тридцать минут.

Я поразился удивительной метаморфозе напарника — трудно было предположить, что в такой квашне на костях таится ловкость мастера рукопашного боя.

— Где ты таких приемов нахватался? — удивился я.

— Есть одна контора, — неопределенно ответил он, — там учат делать больно плохому человеку.

Он опять склонился над бандитом, вытащил из кармана автомобильные ключи, бумажник и пистолет. Попытался сунуть оружие в карман, но раздумал и зашвырнул его в пруд. В бумажнике оказались всего лишь две чешские сотенные купюры.

— Не повезло, — с досадой проворчал эстонец. — Я надеялся украденное вернуть, — он протянул мне банкноту. — Половина суммы ваша.

— Нет, — решительно произнес я. — Мне эти деньги не нужны.

— Как хотите. Я сегодня же исчезаю из Праги... До города доедем на бандитской машине.

Уловив мою растерянность, наставительно пояснил:

— Фермер и этот, — он кивнул на водителя, — будут молчать. Нелегальная торговля рабочей силой в любой стране наказывается... И за контрабандный цемент могут к ответу призвать.

В его словах проскальзывала истина. Надо было пользоваться моментом, иначе не выбраться из этой липкой паутины.

— Правда, нас начнет искать мафия, — продолжал эстонец. — Но меня тут уже не будет. И вам советую удирайте из страны.

Он направился к машине, я последовал за ним. Эстонец завел двигатель и развернул автомобиль.

Удаляясь, я увидел в просвете камышовой стены перекошенное лицо вербовщика.

Едва мы выехали на трассу, ведущую в Прагу, ожил мобильный телефон.

— Суки! — захлебывался голос в эфире. — Верните машину. Я вас из-под земли достану. Вы трупы!.. Трупы!

— И ты тоже труп, — ехидно парировал эстонец. — Я сообщу твоему боссу о промашке. В твоём мобильнике — вся ваша бандитская сеть засвечена! Я его в полицию передам...

Эстонец выключил телефон. Через пару минут раздался сигнал.

— Послушайте, ребята, — дрожал голос вербовщика. — Не делайте этого. Предлагаю штуку баксов. Давайте договоримся...

— Давайте, — подмигнул мне эстонец. — Через три часа на Центральном вокзале у табло. Там народу много, и ты пакости не сделаешь... Вези две штуки баксов — получишь мобильник. И машину тоже.

Помолчав, бандит глухо произнес:

— Годится.

Я внимательно посмотрел на эстонца и спросил:

— Зачем тебе такие игры?

— А я и не собираюсь появляться там. Я хочу время выиграть. Бандит не станет сообщать хозяину о пропаже мобильного. Он попытается самостоятельно утрясти проблему.

— Ты думаешь, он клюнет на твою уловку?

— У него — пара извилин в мозгу. Он уцепится за этот шанс.

Дальше мы ехали молча. Я печально размышлял о том, что на моих глазах произошло самое настоящее преступление, в котором я частично замешан. Но тут же успокоил себя. В криминальной зоне свои законы, неподвластные цивилизованному миру. Ведь на кону была наша жизнь — пистолет-то бандит носил не для украшения, — и нам ничего не оставалось, как постоять за себя. С волками следует поступать по-волчьи.

Эстонец взглянул на часы и стал по телефону с кем-то связываться.

— Через два часа, — слышался голос, — тебе надо быть на пражском аэровокзале. У билетной кассы «Пулково» будет ждать светловолосый, худощавый человек в серых шортах и белой рубашке. Он купит тебе билет и посадит на самолет.

— Спасибо, шеф, — обрадованно поблагодарил эстонец.

Глаза его искрились. Он опять подмигнул мне и восхищенно проговорил:

— У моего шефа контакты по всему миру. О-о-чень серьезная контора...

Я догадывался, о какой конторе шла речь. Вряд ли он помнил о своей пьяной исповеди. Сейчас я еще раз убедился в том, что эстонец работает на спецслужбе.

Когда за ветровым стеклом вытянулась панорама небольшого городка Хостивице, я попросил притормозить у отеля.

— Машину надо оставить здесь, — я кивнул на стоянку. — Дальше добираться на общественном транспорте. Наверное, представители мафии караулят этот автомобиль на всех дорогах у въезда в Прагу.

— Нет, — возразил эстонец. — Вербовщику нет резона поднимать панику. Ведь он проштрафился.

— А если он уже доложил боссу? И с нами затеял игру? В конце концов, бережёного бог бережет.

Он тяжело вздохнул, почесал затылок и раздумчиво произнес:

— Возможно, вы и правы. А как мне добраться отсюда до аэропорта? На такси?

— На такси не советую. Отсюда туда идет местный автобус. Он колесит по проселочным дорогам, поэтому ехать не опасно. Конечная остановка — напротив главного терминала аэропорта «Рузине». На всякий случай сойди на предпоследней остановке и пешочком доберись до аэровокзала.

— А вы куда?

— В Прагу. Я на местном бусике доеду до остановки метро «Зличин».

Его автобус пришел первым. Прощаясь, он грустным голосом проговорил:

— Мы вместе прошли тяжелый путь. Поэтому нет смысла скрывать свое настоящее имя. Меня зовут Сергеем.

Я назвал свое имя. Сергей поднял с асфальта брошенный автобусный билет и на обороте нацарапал цифры.

— Это номер моего домашнего телефона. Дайте знать о себе.

Он нырнул в автобус и махнул мне рукой. Я долго смотрел вслед уходящему автобусу и в ту минуту вряд ли мог предположить, что вскоре эстонец опять появится на моем горизонте. В уже другом журналистском расследовании.

Факт и комментарий

На мои вопросы отвечает Ларс Боргнес, тележурналист.

— Коллега, вы встречались с бывшим начальником таможенной службы Стокгольмского порта Леннардом Хендриксоном?

— Мы провели телепередачу, в которой он участвовал. После его сенсационного заявления я провел серьезное расследование. Выяснилось, что в этом деле замешано предприятие ERICSSON, в автомобиле которого провозилась российская военная электроника.

— Этот автомобиль прибыл четырнадцатого сентября. Есть сведения, что ровно через семь дней в Сток-

гольм паромом благополучно добралась еще одна машина с секретным военным грузом?

— Совершенно верно. И эта машина, по просьбе крупных чинов Министерства обороны Швеции, беспрепятственно прошла таможенный контроль.

— Значит, вопреки общепринятым международным нормам на гражданском судне тайно перевозился военный груз? Но ведь это же преступление!

— Еще какое! Преступление под контролем правительства. И вот результат этой кошунственной акции — смерть 852 невинных граждан. Кто за это ответит?

ТАЛЛИН. СЕНТЯБРЬ 1994 г. ИГОРЬ КРИСТАПОВИЧ

Он проснулся от собственного крика. В груди разбухал вязкий кисловатый комок, на висках застыли холодные капельки пота. Игорь тряхнул головой, как бы освобождаясь от осколков кошмарного сна, поднялся и открыл створку окна.

В комнату серыми полосками вползала туманная сентябрьская ночь. Темный ступок неба провисал над городом, тяжело опираясь на шпили соборов. Уличные фонари блекли в серых клубящихся кружевах. Он вдыхал йодистый запах прохладного морского воздуха, с болезненной отчетливостью сознавая, что ночные видения — это всего лишь сон.

А приснилось ему море. Оно искрилось зеркальными бликами, тихое и спокойное, как расплавленное стекло. Он плыл на яхте, наслаждаясь свежестью и тишиной. Управлял лодкой высокий, молчаливый человек в темном кепи, над широким козырьком которого высвечивалась надпись «FBI». Игорь знал значение этих букв. Как попал на яхту американец из службы безопасности, для Игоря оставалось загадкой.

— Я родом из Аляски, — агент тщательно подбирал русские слова. — Это почти ваша Чукотка...

Он вдруг оборвал фразу и повел себя странно. Губы его беззвучно шевелились, а свинцовые зрачки, устремленные за борт, стали расширяться и, казалось, вот-вот вылезут из глазниц. В них царил ужас. Игорь повернул голову туда, куда устремился взгляд гостя, и сам чуть было не свалился за борт — из водной пучины медленно

всплывала человеческая голова. Теперь уже и перед глазами Игоря поплыли разноцветные круги. Сквозь их радужную оправу он разглядел старца лет семидесяти, с посиневшим лицом, в котором, как показалось Игорю, теплилась жизнь. Рядом всплывала еще одна голова, еще и еще... Некая сила выталкивала из бездны людские тела, и они колыхались на водной глади, словно привязанные невидимой нитью ко дну. И взрослые, и детские лица безвольно покачивались, устремленные обреченным взором в одну точку, только губы их шевелились, будто молитву читали перед смертью.

— Боже, — перешел на родной язык американец, то и дело протирая рот ребром ладони, — откуда они?..

Игорь воспринимал слова чужестранца, словно сквозь некую пелену. Он неотрывно смотрел на молоденькое и удивительно красивое лицо девушки с огромными бархатными глазами. Над водой веером рассыпались ее иссиня-черные волосы. «Сколько ей, — мучительно подумал Игорь, — пятнадцать, семнадцать...» Он смотрел на девушку, и силится сказать: «Протяни руку, я спасу тебя». Но слова комом застревают в горле. Она будто услышала его, и в ответ лишь чуть-чуть опустила уголки бескровных губ. Глаза ее продолжали смотреть сквозь него, сквозь воздух, и, наверное, одному Господу Богу было известно, что они там видели.

Смутная тревога охватила Игоря, и сердце забилося глухо и ноюще. Беда, беда неслась откуда-то! Он чувствовал это всеми фибрами своего тела. И, как бы в подтверждение этому чувству, в звенящей тишине раздался пронзительный крик чайки. Сложив крылья, птица ринулась свистящим снарядом вниз... В следующую секунду перепончатые лапки вцепились в мраморный лоб девушки... А далее — о господи! — острый клюв птицы проткнул ее бархатный зрачок, потом второй, и вместо ангельских очей кровоточили пустые глазницы. Ни один мускул не дрогнул на ее лице — она смиренно принимала смерть...

— Так бывает, — сглатывая слюну, шептал американец. — Я жил на Аляске... Сам видел обессиленных рыбаков на льдине... Они лежали без глаз... Птицы выклевывали... Чайки любят полакомиться человеческими зрачками...

Со всех сторон с пронзительным криком слетались птицы. Они садились на головы людей, протыкали глаза и кружились в торжественном гомоне.

У Игоря яростно задергалось сердце, глухим шумом отдаваясь в ушах. Жуть нацеленных острых клювов передалась ему и его спутнику.

— Я облегчу их страдания, — хрипел американец. — Я должен это сделать. Бог мне приказывает помочь им...

Он дрожащей рукой достал пистолет и стал стрелять в головы людей, и они, эти головы, разлетались кровавыми ошметками.

— Калибр в пистолете такой, — нервно, со свистом пояснял агент, — что череп слона на куски разнесет... Я помогу этим людям. Я облегчу им предсмертные минуты... Они скажут мне спасибо...

Он вдруг залился безумным смехом, посылая пулю за пулей...

Грохот стоял такой, что Игорю казалось — по его голове бьют кувалдой... Он хочет крикнуть, крикнуть от цепкого холода под сердцем, но крик вязким комом застрял в горле.

И тут он с трудом расцепил веки.

Игорь долго стоял у окна, и лента кричащих видений нескончаемо проплывала в лабиринтах мозга. «Тут, — подумал он, — без спиртного не обойтись». И до краев наполнил бокал водкой. Горячая влага вскоре оглушила его, и все вокруг потеряло устойчивость и поплыло перед глазами.

Он добрал до кровати, ускользящим сознанием силась постичь смысл морской шарады, но вскоре впал в забытие.

Утром он прошел в ванную комнату, подставил лицо под холодные струи душа, пытаясь смыть ночные видения. Потом достал бритвенный прибор. Бриться каждое утро стало для него доброй традицией независимо от того, куда забрасывала его судьба: в поезде, в отеле, в рабочем кабинете. Сейчас, увидев в зеркале свое лицо, удивился происшедшим переменам. На него смотрело белесое, словно припорошенное известью лицо с потемневшим от вылезшей щетины подбородком.

После бритья всегда ощущался прилив бодрости. За чашкой кофе бегло просмотрел газету и потянулся к телефону.

— Сергей, — бросил он в трубку, — зайди ко мне.

Направляясь на работу, он обдумывал разговор со своим информатором. Этот незадачливый музыкант и угон-

щик автомобилей в одном лице был добросовестным исполнителем. Но у него был пунктик — спиртное и женщины. Быстро пьянел и в таком состоянии мог на-творить черт-те что. Тем не менее, Кристапович держал его при себе, считая Сергея Петрова самым надежным своим агентом.

Факт и комментарий

Юхан Риддерстольц, шведский инженер-конструктор морских судов. Его кабинет был завален чертежами. Он рассказывал и у доски, висевшей на стене, мелком набрасывал фрагменты парома, графически поясняя свои мысли. А он многое мог рассказать о кораблестроении, ибо считался в Швеции одним из ведущих конструкторов в этой области.

— Вы тоже считаете, — спросил я у конструктора, — что причина гибели парома не соответствует выводу парламентской комиссии, которая утверждает, что виною всему визир?

— Тут много сомнительных моментов, — говорил он. — Визир поднимается с помощью большого гидравлического механизма, который прикреплен к корпусу с помощью специальных ушей. Визир действительно может упасть вперед, причем уши в этот момент должны упереться в балку, на которой они висят, — он протягивает мне снимок. — Смотрите, на кадрах подводных съемок затонувшего парома эта балка полностью отсутствует. Все выглядит так, будто уши ее срезаны. Но вес визиря недостаточен, чтобы разрушить такой толстый металл. Интересная деталь — те места, где уши должны соприкасаться с балкой, отсутствуют с четырех сторон.

— Господин Риддерстольц, — догадываюсь я, — вы предполагаете...

— Совершенно верно. Я предполагаю и даже уверен в том, что уши демонтировали позже, уже на дне.

— Зачем?

— Чтобы достать с парома некий груз. Я не могу утверждать, но сохранившаяся краска там, где могло быть трение металла о металл, наводит на мысль, что крепления визиря отпиливали уже на дне.

— Получается, — озадаченно проговорил я, — что в парламентской комиссии были некомпетентные специалисты?

— Возможно. Анализируя факты, я пришел к выводу, что причина гибели парома не в автомобильной палубе, как утверждают официальные лица, а ниже. Группа аквалангистов британской компании «Рок ватер», которые исследовали уши судна, ниже в трюм не проникали, хотя их работа обошлась шведским налогоплательщикам в миллионы крон...

— Почему?

— Около затонувшего судна всегда присутствовали военные и запрещали водолазам опускаться в нижний трюм — якобы опасно для жизни.

— Следовательно, ключ к разгадке тайны гибели судна не в злосчастном визире?

— Давайте рассуждать дальше. — Он опять подходит к доске и набрасывает силуэт парома. — Если предположить, что визир на полном ходу открылся, то вода хлынула бы на автомобильную палубу. И не достигла бы нижней палубы и других уровней судна, ибо тут полная изоляция. И чем больше крен парома, тем очевиднее, что вода устремилась бы сюда, — он показывает конец автомобильной палубы, — и она никак не могла поступить в нижние помещения, что позволило бы парому долго держаться на поверхности.

— Как долго?

— Несколько часов. Возможно, и целые сутки. Людей бы успели спасти. Думаю, вода прорывалась из-под автомобильной палубы, откуда-то снизу.

— Вы предполагаете, что в нижней части корпуса судна появилась пробоина? И каковы ее размеры?

— Чтобы судно затонуло за сорок минут, в днище должна быть пробоина не менее четырех квадратных метров.

ЗАЛОЖНИЦА СУДЬБЫ

Перед моим взором рассыпались фантастические краски австрийских Альп — искристые пики гор, хвойные кружева лесов на белых склонах ледника, обломки скал, а между ними клубился хрустальный дымок, будто поднимались к небу смутные мысли горного исполина. Я до того был очарован сказочными картинками, что на мгновение забыл о том, что сижу за рулем, и автомобиль вильнул, скользнув колесом за разделительную черту...

— Смотрите за дорогой, пан журналист, — раздался позади испуганный голос моего попутчика. — С горной трассы легко и в ущелье угодить.

— Вы правы, пан Вацлав, — согласился я, выравнивая машину.

Я сконцентрировался на серой ленточке асфальта, которая убегала по серпантину к перевалу. И где-то там, за седым хребтом, в объятиях скалистых круч, приютился старинный австрийский город Зальцбург, куда несла меня журналистская судьба на встречу с суперзвездой чешского и немецкого кино тридцатых годов Лидой Баровой.

Попутчик словно уловил мои мысли.

— Моя легендарная родственница сводила с ума и президентов стран, и великих банкиров, и дипломатов. Но самый интересный факт, пан журналист, заключался в том, что этой славянкой серьезно увлеклись сам вождь великой Германии Адольф Гитлер и главный идеолог Йозеф Геббельс, — он сделал паузу и многозначительно добавил: — Отношение этих фюреров к восточным народам вам известно...

Он хотел еще что-то сказать, но его узловатые пальцы нащупали банку с пивом, и мой собеседник, забыв обо всем, прилип губами к отверстию в металле, наслаждаясь любимым напитком.

Пану Вацлаву было за шестьдесят. Огромный, тучный, он с трудом втискивал свое тело в салон автомобиля. Землистого цвета лицо, изрезанное мелкими морщинками, выглядело болезненно. Он явно относился к тому типу людей, которые в любой момент готовы отдать богу душу, а в реальности способны прожить столько, что за это время успевают переселиться на тот свет все их близкие. Путь от Праги до этих мест он либо дремал, либо читал газеты, которых в его объемистом портфеле было предостаточно, а в перерывах пил пиво.

— «Старопрамен» заканчивается, — проворчал он. — Хорошее чешское пиво. В горах его не найдешь.

— Вроде бы две коробки «Крушовице» купили? — удивился я.

— «Крушовице» давно закончилось, — пожаловался пан Вацлав. — Но я согласен на немецкое или датское пиво. И на любое другое... Без пива скучно путешествовать...

— Уж такую проблему мы решим, — успокоил я, мысленно отметив, что услуги пивомана мне дорого обходятся.

Чтобы отвлечься от предпочтений пана, я посмотрел вниз. Там будто расстелили географическую карту. Темноватые полосы леса на склонах сопок, речушка извилистой лентой разрубала каменный монолит. Наверху — заледенелая вершина в объятиях туманных колец.

— Судя по дорожному знаку, — услышал я голос соседа, — до ближайшего ресторана два километра. Не пропустите, пан журналист. Там определенно есть пиво.

— Ладно, — бросил я, удивляясь вкусам старого чеха, — красота альпийского королевства его не интересовала.

За поворотом выросло двухэтажное деревянное здание небольшого отеля с рестораном. На стоянке маячил «Мерседес» со знакомым номером. Да, машина моей коллеги Эльзы Вольф.

— Хотите чашечку кофе? — предложил я попутчику.

— Спасибо, — пан Вацлав был сама любезность. — Кофе не хочу, а туалетом непременно воспользуюсь.

Тяжело вздыхая, он вытащил свое громоздкое тело из кузова и медленно побрел за мной.

Эльза сидела у окна и потягивала чай вперемешку с сигаретным дымом. Увидев меня, улыбнулась и показала глазами на свободный стул.

— Думал ли ты, — в ее голосе звучала ирония, — что в маленьком ресторане приютилась за маленьким столиком некая маленькая дама неопределенного возраста — пылинка среди необъятности этого альпийского простора — твоя коллега по перу Эльза Вольф!

— Постоянно о тебе думаю, — молвил я. — И каждая встреча для меня — праздник! Ты смотришься классно!

Она действительно выглядела неплохо. Белое платье из дорогого трикотажа выгодно подчеркивало ее силуэт и щедрые формы бюста. А глаза?! Красота ее в непрестанном изменении лица — в целой гамме взглядов голубых зрачков, в улыбках, в ослепительном сверкании белых зубов, в выразительном изгибе алых губ...

— Хоть фальшиво, но приятно, — хихикнула она. — А что это за увесистый тип за тобой шел?

— Деловой партнер.

— Так что же привело тебя в здешние края?

— Еду в Зальцбург на встречу с легендарной Лидой Баровой. Ты ведь помнишь эту звезду предвоенных лет?

— Еще бы не помнить!.. Сам Геббельс готов был бросить жену и своих многочисленных дочек ради женитьбы на этой славянке...

Кольца дыма подплывали ко мне сизыми трепещущими кругами, и я автоматически отогнал никотиновую угрозу тыльной стороной ладони. Уловив мою реакцию, она погасила сигарету и задумчиво произнесла:

— По-моему, вот уже лет пятнадцать об актрисе ни строчки в газетах. Говорят, фрау Лундвалл (Барова взяла фамилию мужа. — Авт.) не выходит из дома и не принимает журналистов. Необъяснимое затворничество!.. Ты уверен, что она откроет тебе дверь?

— Совершенно случайно мне удалось познакомиться с ее родственником, — я кивнул на выходящего из туалета пана Вацлава. — За определенную плату он везет меня к Баровой...

— Я компенсирую все твои затраты, — проворковала Эльза, — если ты договоришься о моем визите к ней.

— После моей публикации, — заверил я, — абсолютно бесплатно познакомлю тебя с ее родственником. Станный тип, лишнее слово из него клещами не вытянешь, хотя до пенсии проработал переводчиком. Знает русский, немецкий, итальянский и помешан на пиве. За дорогу четыре коробки опустошил...

Я сделал паузу и посмотрел в окно. С четырех сторон долины крутыми диагоналями тянулись к небу снежные вершины, а между ними медленно клубилась серая мгла, в которой будто оживала блеклая панорама горного селения.

— А я направляюсь в лыжный центр — на ледник Штубай.

— Решила покататься?

— Нет. Слалом не для меня. Попросили понаблюдать за одной персоной...

Наш диалог прервал гудок моего автомобиля — нетерпение проявлял пан Вацлав. Я распрощался с Эльзой, подхватил коробку с пивом, заботливо приготовленную кельнером, и направился к машине.

Для многих жителей Зальцбурга фрау Лундвалл так и оставалась загадкой. Ни с кем не общалась, почти не выходила из дому, не принимала гостей. И даже близкие соседи не предполагали, что таинственная старушка — в прошлом кинозвезда Лида Барова. Взять интервью у нее было делом архисложным. Австрийские коллеги подо-

лгу простаивали у порога ее квартиры и уходили ни с чем. У меня тоже не было полной уверенности в успехе.

Пан Вацлав потоптался у двери, позвонил и громко крикнул на родном языке:

— Лидка, открой, это я — твой родственник!

После длительной паузы дверь медленно открылась, и я оказался лицом к лицу с легендарной Лидой Баровой. Средний рост, строгий серый костюм и красивое лицо, отчасти скрытое за большими дымчатыми очками в виде ночной бабочки.

— Как всегда шумишь, Вацлав, — усмехнулась она. — Проходи.

Когда она сняла очки, лицо ее преобразилось, и я увидел обаятельную старушку, очень интеллигентную, с очаровательной улыбкой и, как выяснилось, с обостренным чувством юмора.

— Я полагаю, — в ее голосе звучали иронические нотки, — там, в Прибалтике, обо мне кое-что слышали? Но не о моих ролях в фильмах, например, Федерико Феллини или Витторио де Сика и других знаменитых режиссеров. Скорее знают Лиду Барову как «любимую славянку» Гитлера или «подстилку» Геббельса... Так ведь?

От такого крутого начала даже у пана Вацлава, переводившего сказанное, округлились глаза. Я лишь растерянно пожал плечами.

— Тогда напишите о том, — с горечью произнесла она, — какой роковой след оставили в моей жизни встречи с вождями Третьего рейха.

Она резко шагнула к окну и застыла, будто высматривая что-то за стеклами, где на фоне куполов и шпилей соборов бликами рассыпались солнечные лучи.

Пауза затянулась. Я не торопился задавать вопросы, понимая состояние женщины. На экране моей памяти вспыхивали её биографические даты. В кино она начала сниматься, будучи студенткой пражской консерватории. Едва минуло семнадцать, Лида Бабкова — это ее девичья фамилия — получила первую премию и стала звездой чешского экрана. Ведущие пражские режиссеры уже не мыслили своего фильма без Лиды Баровой — так она себя нарекла, когда оказалась в зените славы. На красивую и талантливую славянскую актрису обратили внимание продюсеры ведущих кинокомпаний Европы и Америки.

— Предложение Голливуда вы отвергли, — осторожно проговорил я, когда фрау Лундвалл, смахнув слезу, натянуто улыбнулась и посмотрела на меня, дескать, спрашивайте, — и решили испытать себя в немецкой кинокомпании UFA...

— Это было самым трагическим и губительным решением в моей жизни, — раздраженно выкрикнула она, но тут же взяла себя в руки и сложила непослушные губы в улыбку.

— Так в 1934 году вы оказались в Берлине, — продолжал я. — Здесь ваша карьера возносилась на волне успеха до того рокового момента, когда во время съемок фильма «Баркарола» на студию пожаловал сам Адольф Гитлер взглянуть на прекрасную славянку, о которой говорила вся мужская половина рейха?

Пан Вацлав старательно переводил, и его апатичное лицо приобретало жизненные краски — он как бы заново открывал для себя значимость родства с легендарной персоной.

— Я и сейчас хорошо помню этот визит. Камера остановилась. Режиссер побледнел и воскликнул: «Господи, сам великий фюрер пожаловал к нам!» Гитлер прошел мимо него, даже не удостоив кивка. Остановился около меня и что-то сказал. Я не расслышала его слов, но на всякий случай улыбнулась и поклонилась. Когда мне позже объяснили, что сам фюрер пригласил меня на чай, я испугалась, стала плакать и доказывать режиссеру, что у меня съемки, и я не могу их пропустить... Съемки отменили, режиссер на коленях умолял меня нанести визит великому фюреру. Я понимала, что от «чаепития» зависит судьба новой картины, и согласилась... Все, включая директора киностудии, бросились наряжать меня. Костюмер, гример и парикмахер, обливаясь потом от волнения, суетились вокруг моей персоны...

Я представил себе, как вечером актриса с душевным трепетом переступила порог резиденции диктатора и предстала перед ним во всей своей красе.

— А как выглядел Гитлер, когда вы оказались в его кабинете?

— Он был взволнован. «Когда я вас увидел, — вкрадчиво заговорил он, — трепетная волна прошла по моему телу. Почему? Вы мне напомнили мою любимую Анжелику Роубалову, австрийку чешского происхождения. Она жила в Вене. Я любил ее, но она неожиданно покончила жизнь самоубийством. Вы — копия Анжелики!»

— И чем же закончилось чаепитие? — перевел мой вопрос пан Вацлав.

— Ничем. Фюрер проводил меня до порога кабинета и, прощаясь, предложил сердечную дружбу. Оказавшись в машине, которую предоставила киностудия, я свободно вздохнула. Когда ехала в резиденцию Гитлера, была уверена, что окажусь в его объятиях, но он удивил меня галантностью.

Через неделю фюрер опять пригласил Барову на чай. Актриса, по ее словам, забилась в истерике, категорически отказываясь от приглашения. От этого человека веяло смертью, хотя внешне он казался само благородство. Лида всеми фибрами своего тела ощущала невидимые нити темной энергии, которые опутывали ее во время, казалось бы, пустякового светского разговора. Особенно пугали глаза фюрера, которые даже в улыбчивом состоянии насквозь пронизывали собеседника...

— Как вспомню, и сейчас дрожь пробирает, — зябко повела плечами Барова, — я истошно рыдала, ни за что не хотела ехать в имперскую канцелярию. Уговаривали все, начиная от костюмера и кончая министром культуры, который тут же примчался и пригрозил уволить всех актеров. Этот аргумент оказался решающим...

Когда я зашла в кабинет, фюрер внимательно посмотрел на меня и поинтересовался, почему я плакала. Надо отдать ему должное, он догадался об истинной причине моих слез и, грустно вздохнув, обещал больше не приглашать меня на чай. Потом из сейфа достал колечко с изумрудом и протянул мне: «Это вам, — проговорил он сдавленным голосом, — на память о нашей встрече. Кольцо я купил для Ангелики, но не успел подарить. Вы — как она. Я отдаю вам кольцо и расстаюсь со славянской любовью». Больше наедине с Гитлером я не встречалась.

Как-то на банкете, куда Барова пришла со своим приятелем — известным немецким актером Густавом Фрелихом, она вновь увидела фюрера. Он приветливо улыбнулся и что-то шепнул адъютанту. Тот подошел к ее партнеру, взял за рукав и подвел к Гитлеру. «Я знаю, что вы издеваетесь над ней, — жестко проговорил фюрер. — Не смейте больше мучить эту женщину!»

Густав Фрелих часто закатывал ревнивые скандалы Баровой, и, как выяснилось, фюреру было известно об этом.

Я слушал рассказ женщины и думал о том, что она оказалась заложницей судьбы. Если Гитлер проявил по отношению к ней, надо полагать, не очень свойственный ему такт, то другое влиятельное лицо рейха — министр пропаганды Йозеф Геббельс — к молоденьким актрисам относился по-другому.

— На банкете, посвященном закрытию Олимпийских игр в Германии, — вспоминает Барова, — Геббельс не сводил с меня глаз. Это был пронзительный взгляд ловеласа, который знаком женщинам. Вскоре пригласил меня танцевать и, захлебываясь, рассыпал комплименты. Оказалось, мы живем с ним на одной улице, и он бесцеремонно попросил показать планировку моего особняка. Я согласилась...

— Простите, госпожа Лундвалл, — удивленно спросил я. — Геббельс отнюдь не был красавцем — маленький, худой и к тому же хромым... Трудно представить рядом с вами такого невзрачного мужчину?

Она выдержала паузу, как бы размышляя над вопросом, усмехнулась и поразила меня женской логикой:

— В нем чувствовался настоящий самец... Женщины меня поймут. К тому же я была молода — всего двадцать два года. И не знала, как вести себя с мужчиной, упоенным властью. Но понимала, что просто друзьями мы не останемся... Все случилось после премьеры фильма «Предатель». Он увез меня на какую-то квартиру... Вбешенный Фрелих, узнав об этом, бросился с кулаками на самого министра пропаганды и прилично разукрасил его физиономию. Мне тоже досталось... Словом, с Фрелихом я рассталась, и начался мой роман с идеологом рейха. Представьте себе, я влюбилась в этого, как вы выразились, невзрачного хромого. Да, он был уродлив, но в нем бурлила такая энергия, и он умел заряжать людей своей речью. Однажды я посетила зал, где Геббельс выступал. Он говорил о врагах Германии с такой убедительной силой, что даже мне захотелось взять в руки оружие и убивать врагов рейха.

Она поспешно взглянула на часы и позвала прислугу:

— Эмми, пора принять укол... Извините, господа, придется прервать нашу беседу. После лечебного сеанса мне надо часа полтора-два отдохнуть.

— Да, конечно, — засуетился я. — Мы можем прогуляться по Зальцбургу.

— Вот и договорились, — улыбнулась фрау Лундвалл. — Жду вас через два часа, и мы продолжим беседу. Извините.

Так мы оказались в тени узкой улочки с обилием разноцветных витрин. Какое-то время медленно брели по брусчатке средневекового города, который прекрасно знал секреты международного туризма и издавна славился обилием горных цепей и шпионов самых разных национальностей.

— Перекусим? — предложил я пану Вацлаву, кивнув на ближайшую витрину кафе.

— Я как раз мечтаю о холодном пиве, — с энтузиазмом проговорил он, смахивая с лица обильные ручейки пота.

В зале, искусно украшенном видами Зальцбурга, было прохладно и уютно. Тихо разливалась тирольская мелодия, а немногочисленная публика общалась негромко, как бы сохраняя незыблемый здешний покой.

Мой попутчик подозвал официантку и, не заглядывая в меню, заказал свинину с капустой и объемистую кружку местного пива. Я выбрал лосося в тесте.

Звонок моего мобильного телефона, как фальшивая нота, вторгся в тирольские переливы. Чтобы не нарушать покой, я вышел на улицу.

— Для тебя есть кое-что интересное, — раздался голос Эльзы — Человек, из-за которого я оказалась в горном отеле, встречает какого-то типа из России сегодня в девятнадцать ноль-ноль в аэропорту Инсбрука.

— Почему ты думаешь, что пассажир из России?

— Итальянец говорил на русском языке. Возможно, тот не из России, а, скажем, из Прибалтики или Закавказья, но явно твой бывший соотечественник.

— А я тут причем?

— Не врубаешься, — вздохнула Эльза. — Итальянец — крупный торговец оружием. Если он лично, без посредников, приехал на встречу с кем-то, то наверняка наклеивается серьезная сделка. Этот «кто-то», возможно, уважаемая личность в криминальном мире. Он прилетает из Санкт-Петербурга...

— Теперь врубился.

— Слава богу! — в голосе Эльзы прозвучали радостные нотки. — Ты ведь не собираешься ночевать у кинозвезды?

— Конечно, нет.

— Тогда после интервью приезжай в Инсбрук. Чует моя душа, что тут завязывается интригующее дельце. Интуиция меня редко подводит.

— Интуиция — это ум воображения, — ввернул я чье-то изречение. — С этим у тебя все в порядке.

— До встречи, дорогой философ.

Стрелки часов показывали двенадцать, времени оставалось предостаточно. Я вернулся к столу и на десерт заказал пирог с абрикосами и кофе. Пан Вацлав вновь потребовал пиво. Потягивая кофе, я размышлял над сообщением Эльзы. Она никогда не стала бы приглашать без веских на то причин. Значит, мне следует изменить маршрут.

— Пан Вацлав, — заговорил я, — мне придется после интервью поехать в Инсбрук. Возможно, там задержусь на пару дней.

— А как же я? — возмутился попутчик. — Я не могу попусту тратить свое драгоценное время.

— И не надо. Я вас посажу на поезд или автобус, следующий в Прагу. Согласны?

На раздумья пана Вацлава ушла половина объемистой кружки. Переварив, наконец, мое предложение, он пришел к следующему выводу:

— Это, пан журналист, нарушение нашего контракта. А оно карается штрафными санкциями.

— Сколько? — прервал я его.

— Сто евро, плюс пиво. И я готов вернуться в Прагу автобусом.

Пришлось согласиться — ожесточенные методы его торговли мне были хорошо знакомы. Я кивнул в ответ и посмотрел на приближающуюся к нам хозяйку кафе, уже немолодую даму.

— Вам понравилось наше меню?

— Благодарю вас, — заулыбался пан Вацлав, — пиво было свежее.

— А горячее блюдо? — она вскинула тонко подведенные брови.

— Все прекрасно, — встрял я. — И блюда, и сервис.

Дама удалилась с довольным видом. А я дивился незыблемости добрых старых традиций, которые все еще бытуют в этой стране. Здесь пока не следуют новаторскому примеру Парижа, где никого не интересует, что тебе нравится, а что — нет. Куда бы ты ни пришел, прождешь

битых полчаса, пока закажешь бифштекс, и еще столько же для расчета за него.

К госпоже Баровой мы вернулись в условленное время. Она выглядела посвежевшей. Я вспомнил концовку нашей беседы и задал очередной вопрос:

— И чем же закончился ваш роман с Геббельсом?

— Его жена знала о наших встречах и обратилась к фюреру с просьбой предотвратить развал порядочной немецкой семьи. Гитлер вызвал к себе Йозефа и жестко заявил, что славянка не может быть любовницей министра пропаганды. Рассказывая об этом мне по телефону, Геббельс плакал. Он ведь любил меня...

Фрау Лундвалл тяжело вздохнула и, извинившись, вышла в соседнюю комнату, откуда послышался звон хрусталя. Когда вернулась, я почувствовал легкий запах вина.

— Как-то в интернете, — продолжала она, — читая чешскую прессу, я нашла любопытное сообщение. Пражский военный историк, фамилию его уже не помню, в своем научном труде доказывал, что есть прямая связь между нашим романом и самой жестокой акцией нацистов против немецких евреев, известной под названием «Хрустальная ночь». Это кровавое событие произошло в ночь с 9 на 10 ноября 1938 года. После разрыва со мной Геббельс находился на грани помешательства и готов был покончить с собой. Именно в это время он произнес исключительно эмоциональную речь против «еврейского засилья». Он сумел зажечь толпу настолько, что та безрассудно бросилась громить еврейские магазины, предприятия и даже синагоги. За одну ночь были убиты и ранены сотни человек...

— А как на вас отразился разрыв с Геббельсом?

— С того дня и начались все мои трагедии. После его звонка, вечером, я пришла в театр на спектакль «Игрок» по Достоевскому. В зале, видимо, был какой-то режиссер, который руководил зрителями. Когда я заняла свое место на балконе, зрители встали и, показывая на меня пальцем, скандировали: «Подстилка министра — вон!» Я со слезами выбежала из театра. Стало ясно — немецкий этап моего творчества закончился. Так и случилось. По личному распоряжению фюрера я была отстранена от всех съемок, и меня посадили под домашний арест.

Для актрисы начались кошмарные дни. Она понима-

ла, что в любую секунду ее могли бросить в тюрьму, поэтому решила бежать из Германии. Ей удалось незаметно выскользнуть из дома, добраться до границы и благополучно оказаться на родной земле.

В Праге актриса вновь стала сниматься в кино. Но творческая работа продолжалась недолго: Чехословакию оккупировали фашисты. Ее арестовало гестапо. Но ей вновь удалось бежать. Она пробралась в Италию, куда ее неоднократно приглашали на съемки. Здесь Баровой повезло — дуче Муссолини понравилась красивая чешская актриса. Жизненный опыт научил ее, как вести себя с сильными мира сего, поэтому надежды дуче не оправдались. Но опасность грозила с другой стороны: в Рим вошли германские войска. Она не успела покинуть Италию и опять была арестована гестапо. Тут уж и дуче не помог — ее депортировали в Чехословакию.

— Потом была тюрьма, побег, и я оказалась в Баварии, куда вошли союзные войска. Американцы меня арестовали и выдали чехословацкому правительству. Везде меня преследовало клеймо — «любовница Геббельса». Я несла горе своей семье: мою младшую сестру, тоже актрису, уволили из театра, и она покончила с собой. Мать умерла от сердечного приступа во время допроса... Я же вновь оказалась в тюрьме. Много думала о том, что будет со мной дальше. Невыносимо было сознавать, что приношу несчастье тем, кто меня любит. Накануне прихода коммунистов к власти мне вновь удалось бежать. Через австрийскую границу я пробралась в Испанию. Повсюду помогали хорошие люди. Так я оказалась на корабле, который увез меня на Американский континент. Судьба забросила в Аргентину, где получила гражданство этой страны. Через какое-то время я решила вновь вернуться в Европу, где стала сниматься в итальянском и испанском кино.

В Зальцбурге Лида Барова выходит замуж за Курта Лундвалла, с которым познакомилась в дни нелегального перехода австрийской границы, и навсегда остается в этом городе, успешно работая в театре.

— Судьба распорядилась так, — в ее голосе звучала досада, — что меня зачислили в разряд «нацистских преступников». Хотя никого не убивала, не сажала в тюрьму и никого не предавала. Те, кто меня судил, не хотели понимать главного: встречи с Геббельсом состоялись еще

до страшной войны, когда не было в Европе концлагерей и сожженных городов, когда солдаты вермахта еще не топтали сапогами мою родину. Тогда у фашизма было другое лицо, а я была молода и беззащитна перед властелинами Германии.

Много пережила, много колесила по свету. Сейчас я уже ничего не могу изменить. Людям кажется, что живу легко, но у меня бывают такие дикие стрессы — настоящий душевный ад. Вот почему я не принимаю гостей, никого не хочу видеть...

Двадцать лет назад фрау Лундвалл похоронила мужа и живет в одиночестве. В последние годы даже на улицу не выходит — полное затворничество. Такова участь женщины, роковые встречи которой превратили жизнь в сплошную боль. Но, несмотря на затворничество, она остается красивой, ухоженной, тщательно следящей за собой женщиной. Ее никак нельзя было представить бабушкой.

Я поблагодарил за беседу и подарил госпоже Лундвалл бутылочку рижского бальзама. Она долго разглядывала этикетку. Пан Вацлав перевел ей состав трав, из которого изготовлен бальзам, и добавил, что в прежней Стране Советов это был самый дефицитный спиртной напиток, что вызвало у неё умиление.

— Надо по чайной ложке добавлять к кофе или чаю, — посоветовал я, глядя, как трепетали ее пальцы. Видно, к спиртным напиткам у кинозвезды было особое отношение.

— Помогите открыть сосуд, — попросила она. — Я горю желанием отведать вместе с вами латвийский сувенир. Говорите, что это лечебное средство? Прекрасно.

Пан Вацлав было согласился, но, поймав мой осуждающий взгляд, нехотя произнес:

— Спасибо, Лида, но для крепких напитков уже не то здоровье.

— А мне машину вести, — поддержал я переводчика.

— Жаль. Придется одной дегустировать. Сейчас принесу чай.

Когда появился дымящийся чай, я распечатал бутылку и плеснул в кружку ложку бальзама. Актриса торопливо выпила и радостно заявила:

— Прекрасно. Обещайте мне, что когда направитесь в наши края, захватите опять этот чудодейственный напиток. Я заплачу.

Я заверил, что не забуду ее просьбу и без всякой оплаты привезу бальзам как сувенир.

Через несколько лет журналистская колея вновь занесла меня в Зальцбург. Выкроив свободную минутку, решил навестить актрису и подарить ей пару бутылок рижского бальзама. Подошел к знакомой двери, за которой был свой мир — мир исторических событий и судеб... Позвонил. И только тут заметил — табличка с надписью «Л.Лундвалл» исчезла.

Австрийские коллеги сообщили, что Лида Барова скончалась на восемьдесят шестом году жизни, тело ее кремировали в Зальцбурге, а урну с прахом отвезли в Чехию.

Факт и комментарий

На вопросы отвечает депутат парламента Швеции Ларс Онгстрем.

— Господин Онгстрем, поначалу у вас не было сомнения в вердикте парламентской комиссии JAIC? (Joint Accident Investigation Commission. Международная Аварийная Комиссия, созданная сразу же после катастрофы парома «Эстония». — Авт.)

— Нет.

— Но вы знали, что представители прессы, юристы, конструкторы-судостроители и родственники погибших продолжали расследовать это дело? Появились первые результаты, которые не соответствовали официальной версии...

— Различные сообщения были. Но я их серьезно не воспринимал. Мне казалось, что доморощенные сыщики, убитые горем родственники вполне могли выдвигать свои версии.

— И когда же ваше мнение изменилось?

— Когда я ознакомился с фактами, которые предоставили лучшие шведские и зарубежные эксперты. Тогда я подумал, что с расследованием что-то не так. Со мной согласились и другие депутаты. И мы провели собственное расследование. У нас скопилось достаточно фактов, чтобы официально обвинить шведское правительство и ее вооруженные силы.

— Это достаточно весомое обвинение. Чем оно обосновано?

— Я отправил в высшую судебную инстанцию Швеции обращение, в котором сообщил, что новые данные, поступившие из разных стран мира, показания свидетелей, говорят о том, что в этой трагедии просматривается «военный след».

— А именно?

— Не сомневаюсь в том, что к катастрофе парома «Эстония» причастны шведские вооруженные силы. К сожалению, этот факт тщательным образом скрывается от общественности и комиссии JAIC.

— Получается, что ваши вооруженные силы использовали пассажирское судно для перевозки грузов военного назначения именно в то время, когда произошла трагедия?

— Больше того, материалы расследования доказывают, что наши военные проводили секретные подводные операции сразу же, после гибели парома.

— Чем же заинтересовало военных пассажирское судно, лежащее на морском дне?

— Они что-то искали...

Продолжение следует

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ СЮЖЕТЫ

...И ВСЕ ЭТО — РОДИНА!

— Остановите на Родине! — говорит в маршрутке девушка.

Удивительно, думаю я, кинотеатра «Родина» давно уже нет, остановка по-другому называется, а в памяти нашей все равно осталось это слово. И не только у людей в возрасте, но и у молодых.

Сколько лет было этой девушке, когда здание кинотеатра еще стояло? Наверное, школьницей была, с родителями или подружками ходила кино смотреть, любовалась на экзотических рыбок в больших аквариумах.

Светлые впечатления детства в нас навсегда. И хорошо, что они ассоциируются с родным селом или городом, улицей или переулком, или хотя бы, как в данном случае, кинотеатром. Все это — Родина, без которой мы как одинокие листья, оторвавшиеся от вечного древа жизни.

«ПОМОГИТЕ ПРОДАТЬ ПОЧКУ...»

Говорят, жить становится все лучше и лучше...

Вот рассказ врача-уролога.

— Пришла на прием моя бывшая пациентка. Я думал, она явилась, чтобы

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

провериться, все ли благополучно со здоровьем, поэтому был удивлен, а скорее, ошарашен ее словами: «Помогите, пожалуйста, продать мне почку». Такого предложения за более чем тридцатилетнюю врачебную практику мне слышать не доводилось.

Оказывается, семья этой женщины находится в крайне трудном положении. Хозяйство, которое было в селе, развалилось. Она осталась без работы, муж каждый день ездит в город за сорок с лишним километров, где трудится на стройке, хотя по специальности инженер-механик. Старший сын учится в институте платно, младший еще школьник. Дочь тоже училась в городе, но бросила занятия и вернулась к родителям на шестом месяце беременности. Родила. Отца у малыша нет.

— Как и на что жить? — спрашивала, рыдая, женщина. — Вот я и решила расстаться со своей почкой, ведь в органах для имплантации нуждаются многие больные.

Что я мог ответить отчаявшемуся человеку, как утешить, чем помочь? Сказал, что продажа органа незаконна, что почкой она может пожертвовать в одном случае, если это потребуется кому-то из ее родных.

Потом в присутствии посетительницы я позвонил в райцентр, в больницу, главному врачу — моему приятелю и попросил его помочь женщине — взять на работу.

Недавно она вновь приезжала, благодарила за помощь.

ЛУЧШЕ, ДА НЕ ДЛЯ ВСЕХ

Приехал из дальнего белгородского хутора родственник. Пенсионер. За семьдесят уже. Приехал, как он сказал, с бедой.

Расспросил я, что да как. Оказывается, на хуторе провоят новый водопровод. Благое дело, тем более что трубы подведут к домам, и в домах вода будет.

— Так что же за беда? — удивляюсь.

— Понимаешь, у нас в хуторе много пенсионеров. А надо платить за рытье траншеи до дома, да еще самому придется докапывать метра два. Опять же, трубы где-то надо брать (в хуторском магазине их нет, значит, в райцентр ехать) — тоже деньги нужны. У нас около сорока дворов, и далеко не все сельчане таким образом воду хоят в дома проводить. Я тоже. А строители говорят, мол, колонки уберут, их вообще в хуторе не будет. Мне-то двух ведер воды на день хватит. Но где я их буду брать?

Что верно, то верно: порою у нас намереваются сделать как лучше, а выходит, что далеко не для всех это «лучше».

О КАМБАЛЕ И НЕ ТОЛЬКО

Недавно побывал в небольшом городе Всеволожке под Санкт-Петербургом. Обратил внимание: на рынке и в небольших магазинчиках торгуют всё больше представители Средней Азии и Кавказа, то есть мигранты. Что ж, подумалось, такое время. Но...

Захожу в рыбный магазин. За прилавком молодая таджичка. Спрашиваю:

— У вас камбала есть?

Она с удивлением или испугом смотрит на меня, повторяет по слогам:

— Кам-ба-ла?!

Явно не понимает, о чем я спросил. Говорю:

— Ну, тогда дайте мне килограмм минтая.

— Мин-та-я?! — тоже недоуменно переспрашивает продавец.

Подхожу к витрине, показываю пальцем — «Вот эту», а сам думаю: хотя бы, как рыба по-русски называется, выучила.

Кстати, я обратил внимание на то, что в том частном магазинчике у всей продукции цена «кругленькая» — 60, 80, 100, 120 рублей. Видимо, чтобы считать было удобней.

ВСЕ РАБОТЫ ХОРОШИ?..

Когда захожу в какой-нибудь офис или магазин и вижу молодого здорового парня, одетого в безликую камуфляжную форму, малоразговорчивого, набычившегося, с настороженным взглядом, то думаю: а кем он, интересно, мечтал быть в детстве? Неужели охранником?!

А фешенебельных офисов становится все больше. Значит, для здоровых парней будут рабочие места: охранять не свое, защищать не себя...

НОВАЯ ШКОЛА

Школа, в которой внедряются инновационные, интерактивные или еще какие-то там обучающие програм-

мы, отремонтированное снаружи и внутри здание, светлые коридоры и классы, обставленные современной мебелью, прекрасно оформленные.

Учитель с увлечением рассказывает, что у нее есть персональный ноутбук, с помощью которого она проводит уроки. В нем заложены все программы, таблицы, графики и прочее, что помогает преподавателю обучать. А ученикам — усваивать преподаваемый предмет.

В коридоре у окна вблизи какого-то экзотического растения шумно столпились старшекласники.

Учитель ринулась к ним.

— Какого урока у вас нет? А что у цветка тусуется? Марш отсюда! Хоть бы гостя постеснялись!

Мне неловко от такой ситуации и почему-то стыдно за учителя. А ей ничего. Видимо, интерактивное обучение не предусматривает вежливости, культуры поведения, нормальных человеческих взаимоотношений между педагогом и учениками.

«ПРОЩЁННЫЕ» 200 ДОЛЛАРОВ

Первая женитьба у единственного сына оказалась неудачной. С супругой он вскоре расстался. Остался мальчишка. Разведенный уехал в другой город, завел новую семью. А Алеша часто бывает у отцовских родителей, то есть у бабушки с дедушкой, тянется к ним.

Подступало шестнадцатилетие внука. Звонят родители сыну, говорят: Алеша очень обрадуется, если далекий папаша пришлет ему что-нибудь ко дню рождения. И слышат такой ответ:

— Вы мне должны двести долларов, вот и купите ему подарок на эти деньги.

Родители были не иначе как в шоке: двести долларов они не доотдали сыну, когда занимали у него для поездки в санаторий, чтобы подлечиться. Но тогда он сказал, мол, ладно, прощаю. А вот, оказывается, и спустя несколько лет не забыл о деньгах.

Особенно горевала мать: «Да как же это так?! Мы же ему никогда ни в чем не отказывали! Отец по заграницам мотался, чтобы в семье благополучие было, я всю жизнь на полторы ставки учительствовала. А он-таки черствым вырос, своей же кровиночке подарок сделать жалко, о том, что нам однажды помог, вспомнил».

А может быть, потому сыночек и стал таким, что ему никогда ни в чем не отказывали?..

«ДОЗРЕВАЮ...»

Как все же правдива и прозорлива классическая литература! Это я о знаменитой фразе из романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», о том, что современных людей испортил квартирный вопрос.

Разговариваем с приятелем, в честности и порядочности которого я не мог усомниться за все довольно долгое время знакомства. Рассказываю ему о нечистоплотном поступке сослуживца, сумевшего, получив новую дармовую квартиру, оставить себе и прежнюю, впоследствии продав ее. А тот, кому она предназначалась, до сих пор прозябает с семьей в общежитии.

Мой собеседник долго молчит: он с женой тоже делит свою трехкомнатную квартиру с сыном и невесткой, а есть еще второй сын — студент. И вдруг он говорит:

— А, знаешь, иногда ловлю себя на мысли, что и я уже дозреваю до того, что готов совершить нечто подобное, только бы решить этот проклятый квартирный вопрос! Стыдно мне от такой мысли, муторно на душе. И говорю себе: не дай Бог сподобиться на такое! А дьявол издевательски подхихикивает за моим плечом.

ПО ДЕЛАМ НАШИМ

Приезжал к нам известный и, так сказать, успешный ныне писатель, автор многих книг для детей, которые сам же иллюстрирует. И рассказал он о таком случае.

Как-то встречает его сосед по дому. Поздоровались. Потом сосед задает вопрос:

— Скажи, почему так получилось? Росли мы в одном дворе, учились в одном классе. Но ты сейчас богатенький, а я в нищете прозябаю.

Писатель отвечает:

— Помнишь, в первом классе я после уроков ташился со скрипкой в музыкальную школу? А ты гонял в футбол. В четвертом я по пять раз в неделю занимался в художественной школе. А ты гонял в футбол. В десятом на летних каникулах я ездил в фольклорную экспедицию. А ты гонял в футбол. Да и сейчас я с раннего утра до

вечера корплю за письменным столом. А ты смотришь футбол.

Каждому из нас воздается по делам нашим.

«А СКОЛЬКО ИМ ПЛАТИЛИ?»

Рассказывает учитель русского языка и литературы одной из белгородских школ.

— На уроке зашел разговор о Великой Отечественной войне, о мужестве наших солдат. И вдруг один из пятиклассников спрашивает: «А сколько им за то, что воевали, платили?»

Я в буквальном смысле опешила. Лихорадочно стала думать, как ответить ученику, за что воевали наши солдаты, наш народ. Пристыдить его за столь нелепый вопрос — едва ли поймет. И вспомнила: моя мама рассказывала когда-то, как они, девчонки-подростки военной поры, переносили раненых. Слабыми девчоночьими руками брали здоровенных мужиков, порою вдвоем, втроем, а то и вчетвером, поднимали, слушая душераздирающие стоны, заносили в дома, укладывали на лучшие места, а сами ютились абы где, ухаживали за бойцами.

Кажется, ученик понял. А я до сих пор думаю: в какой же семейной атмосфере воспитывается этот мальчишка, какие духовные ценности прививаются ему? Неужели только те, за которые платят?..

КОРОЧЕ...

Беседуют две девушки. Одна, знаю, с отличием окончила школу, по окончании университета получила «красный диплом», но именно ее разговор меня коробит. «На фига», «чувак», «грузишь», «блин» и другими подобными выражениями насыщена ее речь. Только по отдельным словам я догадываюсь, о чем идет беседа. И буквально через два-три слова девушка произносит «короче», в то же время не останавливается, а говорит еще и еще.

И вспомнилось мне. Преподаватель русского языка и литературы, рассказывая, что в школьную программу ввели рассказы Василия Шукшина и стихи Николая Рубцова, заметила, мол, для учеников они трудны. Подума-

лось: конечно, подросткам сложно воспринимать настоящий русский язык, если они в своей среде общаются на каком-то тарабарском наречии, и едва ли такие поймут, как прекрасны рубцовские строки:

*В горнице моей светло —
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды.*

Для некоторых, наверно, уже и слово «матушка» — непонятно.

ЗНАКИ ПРИПОМИНАНИЯ

«КАЖДЫЙ ИМЕЕТ СВОЕ ДАРОВАНИЕ ОТ БОГА» (1 Кор. 7, 7)

Внаклонку, кряхтя и мучаясь, медленно завязываю ботинок.

— Да ты к шестидесяти годам даже шнурки не научился завязывать! — всплескивает руками жена и рвется научиться правильно, видимо, забывая, что я человек упрямый и с толку меня сбить трудно. Эх, если бы только шнурки! Я не посадил ни одного дерева, не лажу с топором и другими приспособлениями; огромное число деревьев остается для меня загадкой, а о животных и птицах нечего и говорить.

«Поэзия названий цветов, деревьев, трав... Я раньше по поляне шел, голову задрал. Я с именами древними был шапочно знаком: деревья звал деревьями, цветок я звал цветком. Был прав великий гений, цветам название дав: в отечестве растений нет безымянных трав» (Георгий Кондаков).

Заблудившись в лесу, я пропаду точно, не сумев даже со спичками разжечь на ветру костер; не разберу стороны света, хотя помню, что мох должен расти с северной стороны дерева. Да и

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

что мне это даст, если я не знаю, в какую сторону идти? Есть сыроежки сырыми пусть другие пытаются, а на ягодах выжить не удастся. Залезть на дерево я не смогу по причине наличия живота и общей физической слабости, свойственной горожанам, да если заберусь, спускаться вниз без подсказки намного труднее. Можно, конечно, брести одной из бесчисленных тропок, но однажды тропка завела меня в гиблое болото.

«Твое дитя, природа, я так и слеп, и глух, и непростительно беспечен. Твой воздух пью, ем твой тяжелый хлеб, а отдавать пока мне, право, нечем» (Валерий Черкесов).

Еще можно кричать — в лесу это не запрещается, но ответом послужит рассерженный птичий гам. А если люди услышат, так слова-то не разобрать, а перекликаться принято, чтобы не заблудиться. Ну, кричит себе грибок и пусть кричит: когда надоест, сам замолкнет.

Тогда я соберу все оставшееся мужество и начну рассуждать логически: когда я заходил в лес, солнце было чуть слева, сейчас оно сзади. Ну-ка, вспомни, как тебя учили по часам определять направление. Минутную стрелку направить на солнце, а часовую — куда? Эх, зря я тогда не слушал внимательно. Так! Не дрейфь! Есть два пути: сидеть на пеньке и ждать, пока кто-нибудь не наткнется (на охладевший труп?!), тьфу, мысли какие лезут; или идти куда глаза глядят, пока не выйдешь к людям. Это же XXI век, навигационные спутники летают, координаты до метра определяют... Опять понесло не в ту степь. При чем здесь спутники? Ты что, Федор Конюхов, в одиночку переплывающий океан? Это же Ленинградская область, голова садовая! Услышу шум электрички — никаких компасов не потребуется. Вот корзинка тяжелая — набрал грибочков, будь они... Вывалю-ка я их под кусточек, на другой год новые вырастут. Вот ведь невезуха... А я хотел поработать сегодня, да и поесть не мешает... Полез в карман, в там сухарик давно залежанный дожидается. Только хруст пошел — и нет сухарика. А что там еще, какое-то продолговатое лежит? Мама родная! Это же мобильник! Да я сейчас позвоню 112, 911, 01, 92, жене, скорой помощи и ветеринарной службе. Их долг — помочь человеку в беде! Но сначала — жене: вдруг батарейка разрядится, пусть будет в курсе, что муж ни за грош пропадает. Дрожаящими от волнения пальцами набираю номер. Гудки гу-гу-гу... гу-гу... тоже мне, гуси-лебеди, человек погибает, понимаешь, а родная жена не удосужится трубку взять. Гу-гу...

— Саша, ты где пропадаешь? — наконец отозвалась жена.

— Лера, — закричал я, — заблудился я, в глухомань попал, не чаю, как выбраться. Поднимай людей, вертолеты, МЧС, армию, ищите меня, пока я от голода и болезни не погиб безвозвратно! Ау-у-у!..

— А почему я твой голос даже без трубки слышу? — удивилась жена. И добавила: — Да и вижу я тебя на опушке, прямо напротив дачи.

Я поглядел сквозь деревья и увидел до боли родной желтый домик; до него было рукой подать. Ах, лукавый, крутишь православных людей почему зря — и рысью побежал домой, в тепло, к родной жене и жареной картошке. А грибы уж как-нибудь в другой раз...

«...ДА НЕ СУДИМЫ БУДЕТЕ» (Мф. 7, 1)

Молодой священник, выступая по «Православному радио» (по протестантскому тоже), назвал газету «Православный Санкт-Петербург» «провинциальной, несмотря на название». Лучшей похвалы и придумать невозможно. Спаси вас, Господи!

«Провинциальность благородна. Благая родина во мне от недостатков не свободна — я вырос в малой стороне. Там деревенское прервалось, столичное не привилось, там с опозданием сбывалось, что в центре сорок раз сбывлось. Там все воспринималось как-то, чуть-чуть, а все ж со стороны, не сразу признавались факты чужих заслуг, чужой вины. Там рухнула святая вера! Но и безверия ростки в песке провинциальных скверов не прижились как сорняки. Там колебались «за» и «против», жизнь разрешить там не смогла противовес души и плоти, противовес добра и зла. Провинциальность беспородна, но я должник ее всегда за то, что жизни всенародной испытал в начальные года» (Виктор Верстаков).

Я-то, безусловно, «асфальтовый мальчик», но особой гордости от проживания в Питере не испытываю. Раньше, при жизни мамы, я часто бывал на Вологодчине, родине предков, на берегу широченной Шексны, в деревеньке Ивицы, что в семи верстах от знаменитого Кирилло-Белозерского монастыря. Конечно, пьет народ, и матерок гуляет по просторам, но все одно устои жизни глубоко в душах; и дышится там легко и свободно, и

приставать к незнакомцу никому в голову не придет, и встречные-поперечные обязательно поздороваются, хотя в глаза тебя до того не видели, и на помощь всенепременно придут. Простота отношений как-то увязывается с неписаными законами деревни; и пусть три тюремных «ходки» у тебя за спиной, а правила не нарушишь — иначе выживет тебя община из деревни. Помню, однажды в жаркий солнечный денек я неумело косил траву вокруг дома и разделся до плавок. Вечером ходившая к соседке мама отругала меня за непристойный вид: глаза у деревенских зоркие. Палка поперек двери — нет хозяйки дома, и не войдет никто, не нарушит. Хотя и поножовщина по пьяни, и распри многолетние — не без того. А все равно легче: вранья, что ли, меньше — все друг у друга на виду; да земля предками веками намолена.

Одним словом, я бы с радостью прибавил в подзаголовок: «Народная просветительская провинциальная газета «Православный Санкт-Петербург», да боюсь, не поймут некоторые. А что называют — спасибо.

*Приеду — деревня, родина
Богом забытых старух.
Жизнь по земле ими пройдена,
и в поднебесье — дух.*

*Земля им родная — мамушкой,
чужие дети — сынки.
Аленушкой старой на камушке
старуха сидит у реки.*

*Нигде так кротко и ласково
не окликали меня.
От речки, от солнышка ясного
в глазах мерцанье огня.*

*Когда же мы землю полюбим,
дочери и сынки?
Вернемся жарким полуднем
и скинем с плеч рюкзаки?*

Алла Коркина

Синоним слова «провинция» — «захолустье». Я бы добавил — «глубинка».

МАЛЬЧИК БИЛСЯ НАД ЗАДАЧЕЙ

Дважды в Лувре воочию и множество раз в иллюстрациях я пристально глядел на картину бессмертного Леонардо да Винчи «Джоконда», про себя удивляясь невиданному ажиотажу вокруг нее, и в недоумении пожимал плечами: что привлекает внимание к изображению этой женщины?

*Беду какую прячешь ты в улыбке,
Какую тайну ты за ней хранишь?
А за спиной — пустынно, зябко, зыбко...
В улыбке — лед, в руках смиренных — тишь.*

Наталия Антонова

На картину было совершено даже покушение:

«Не знаю, глупо или мудро, но вспомяну я изо всех сокровищ Лувра ее одну. Она была сестрой, подругой, женой, вдовой? Вот грудь, обтянутая туго, и взгляд живой. И отсвет золотисто-зыбкий коснулся вдруг блуждающей ее улыбки и мягких рук. Проходят быстрые столетья во весь свой рост. И Рафаэль понятен детям, и Рубенс прост. И забываются мадонны с их чистотой перед пленительной, бездонной некрасотой. Безбровый лоб. И губы сжала. Нос длинноват. И сумасшедший тот, с кинжалом, не виноват. Она — порок и добродетель, любовь и месть. И пронизательный свидетель всего, что есть в душе сокрытого от взора других людей. И вдруг я понимаю вора, что крался к ней... Не смог сорвать высокомерья с ее лица. И прожил за закрытой дверью с ней до конца...» (Надежда Полякова).

Выдвигалось множество теорий, писались трактаты и исследования, а смысла ее загадочной улыбки разгадать так и не смогли. И я время от времени возвращался мыслью к Джоконде, размышляя: ну что таинственного может скрывать полуулыбка уже немолодой и вовсе некрасивой жительницы Средневековья?

ДЖОКОНДА

*В музейной зале Мона Лиза
в тяжелой раме золотой.*

*Москва стекала помолиться
Перед заморской красотой.
К стене прижавшись, тише тени,
Стояла девушка в смятенье.
Огонь в ее глазах горел.
Взглянул я на нее украдкой
И — Боже мой! — остолбенел,
Врасплох застигнутый догадкой:
Мол, как иных времен дитя,
Бытуя на холсте, посмела
Сойти в толпу и дерзко, смело
Разглядывать саму себя.
Но — смысла здравого толика,
И все нашло свои места.
Виною тому одна улыбка,
Непостижимая улыбка,
Тотчас сбежавшая с холста.*

Эдуард Балашов

Прошло три года с последнего посещения Лувра, как меня осенило: да это же так просто! Не зная о ней практически ничего, с трудом представляя себе время, в котором жила Мона Лиза, вдруг открылась истина — она несет в себе ребенка! Ну что еще может придать лицу увядающей богатой женщины то выражение счастья, то ожидание счастья, то предвкушение счастья, той наполненности жизни, о которой в русском народе замечательно точно говорят: «она непраздна». Конечно, Джоконда беременна, беременна от любимого человека; ей, наконец, Бог дал то, о чем она молилась долгие годы.

Недавно я нашел подтверждение своей догадки: канадские ученые исследовали картину в трехмерном изображении. Инфракрасное сканирование показало, что женщина с загадочной улыбкой сначала была нарисована с собранными в пучок волосами, при том, что в окончательном варианте ее волосы свободно струятся по плечам. Это открытие объясняет известное противоречие — в XVI веке в Италии распущенные волосы носили только девочки или распутные женщины, а Мона Лиза была женщиной с высоким общественным положением. Ученые обнаружили также невидимый теперь предмет одежды, который носили тогда беременные или кормящие женщины.

И последний факт: в первоначальном варианте картины Джоконда не отдыхает, откинувшись на спинку кресла, а сидит совершенно ровно и прямо — так сидят все беременные, им так легче.

Одним словом, я нашел ответ и успокоился...

*Мальчик бился над задачей,
Верил, что найдет ответ,
Не мирился с неудачей —
А в задаче смысла нет.
От других отнять — и что же?
Общий жребий разделить:
Состояние умножить,
Да и голову сложить...
Уравнений интересных,
Мальчик, больше не решай:
Слишком много неизвестных —
Счастье, истина, душа...
Ничего не надо больше,
И не все ль тебе равно,
Что поменьше, что побольше,
Что равно, чему равно...*

Игорь Чиннов

Я было закончил эту былинку, но в книге Н.А. Синдаловского «Словарь петербуржца» (СПб., «Норинт», 2003) нашел выражение: «Блокадная Джоконда». Так ленинградцы окрестили 15-летнюю девочку Веру Тихову (впоследствии Вера Андреевна Кравцова), выполнявшую во время блокады на своем токарном станке полторы взрослые нормы. Ее фотографии с загадочной улыбкой Джоконды появились на одной из послевоенных фотовыставок в залах Ленинградского отделения Союза художников. В 90-х годах Вера Андреевна жила в городе, ее разыскивали журналисты, но до XXI века она не добралась...

В ЗАВОДСКОМ ЦЕХЕ

*Цех дрожит от близкой канонады...
Привела блокада паренька
Прямо из тимуровской команды
К суппорту токарного станка.*

*У станка на ящике стоит он,
Похудевший, в ватнике большом.
Режет сталь резец из победита,
Закипает стружка под резцом.
И флажок пылает над станиной,
Кумачовый, в точности такой,
Как над взятой на пути к Берлину
Энскую высоткой подо Мгой...*

Николай Новоселов

«ВОЗЛЮБИ БЛИЖНЕГО ТВОЕГО, КАК САМОГО СЕБЯ» (Иак. 2, 8)

Еще один немаловажный для России вопрос: с утратой родственных связей быстрее разваливается и страна. Наш родственный круг сузился до наименьших размеров: дед, бабушка, отец, мать, внук, двоюродные братья и сестры... В основном это все. А раньше?

*«В нашу речь встает всех проще, чтоб родством сердца
взять, в ряд со строгим словом «теща» удалое слово
«зять». А ведь есть других-то сколько: веют древностью
глухой и теплом «свекровь» и «свекор» вместе с тихою «сно-
хой». Соотносится с доверьем и участием неспроста слово
«шурин» к слову «деверь», ибо равные места. И придуман-
ные ловко, могут впрямь свести с ума слово дерзкое «золов-
ка» с обольстительным «кума». И божественно и жарко
отзывается в душе слово доброе «божатка», ныне редкое
уже. Даже тот, кто вовсе дальний, уж чуждой, был все же
чтим. Привечали, называли: «Нам он будет по своим». Слово
каждое светилось и в достатке, и в нужде: колесо
родства катилось по глубокой борозде... Поумнев, я точно
вызнал, отчего я так окреп. То родство служило в жизни
для меня, что свежий хлеб» (Александр Романов).*

Свекор и свекровь, тещь и теща, племянник и племянница, кум и кума, дядя и тетя, сват и сватья, свояк и свояченица, зять и невестка, шурин и деверь, сноха и золовка, божат и божатка. Это твои близкие родственники.

Ну что ж, давайте вспоминать. Для этого я прибег к сайту «Культура русской речи».

— Дядя и тетя — брат и сестра матери или отца. «У тетки баловень племянник, а у дяди племянница», — говорит народная мудрость.

— Племянник и племянница — сын и дочь брата или сестры. Внучатыми племянниками называют внуков брата или сестры. Кстати, внучатые родственники — это любая родня в третьем колене; стали употребительными французские слова кузен и кузина, обозначающие двоюродных брата и сестру, а также любых дальних кровных родственников в одном колене.

— Кум и кума — крестные родители по отношению к родителям крестника, самому крестнику и друг к другу. «Кума да кум наставят на ум», — гласит русская пословица. Иногда кумами называют себя люди, обменявшиеся нательными крестами в знак дружеской любви.

— Тесть и теща — отец и мать жены.

— Свекор и свекровь — родители мужа.

— Сват и сватья — родители одного из супругов по отношению к родителям другого супруга. Не слишком ближнее родство — недаром в народе говорят: «Сват не сват, а денежки не родня!»

— Свояк — муж жениной сестры, а свояченица — сестра жены.

— Невестка — замужняя женщина по отношению ко всем без исключения родственникам ее мужа (матери, отцу, братьям, сестрам, женам братьев и свекру).

— Зять — муж дочери («Одно дитя рожденное — дочь, а другое суженое — зять»); муж сестры; муж золовки.

— Деверь — брат мужа, а золовка — сестра мужа. «Первая занозушка — свекор да свекровушка; другая занозушка — деверь да золовушка», — порой вздыхали молодые невестки.

— Шурин — брат жены. Помните, у Высоцкого: «Послушай, Зин, не трогай шурина: какой ни есть, а все ж родня...»

— Божат — крестный отец, божатка — крестная мать.

— Примак — приемный зять, живущий в семье жены (раньше это было редкостью, обычно молодая жена приходила в дом мужа).

— Мачеха — неродная мать; отчим — неродной отец.

«Где ты силы искала, в деревне какой?! Ты меня приласкала чуть дрожащей рукой. Я глядел, как звереныш, плачем губы свело. Быстро сердцем отходишь, если смотрят

тепло... В доме — белая скатерть, в доме — чистый порог. — Я сама ведь без матери поднималась, сынок!

И шепчу я упрямо, грусть свою затая: — Здравствуй, мачеха, мама, мать вторая моя!» (Иван Слепнев).

«В день моего рожденья мне оказали честь крестный отец и шурин, дядя жены и тесть. Сидят на тесовых лавках, стаканы в правой руке. Суп лоснится бараний, сваренный на таганке. Теща моя колдует над жареным гусаком, щучьей икрой и салом, шпигованным чесноком. Под толстым слоем сметаны в тарелках сопят грибы. От розовой самогонки пот прошибает лбы. И смотрят мутные глазки ласково на меня. Хмельная и неуклюжая — все это моя родня! Поет, а частушка матерна, шутит — шутка груба. Родня моя деревенская — это моя судьба! Живущая льном и рожью, сгорбленная в спине, пулею и вошью питанная на войне. Не вмещаются души в схемы и чертежи. Как нам, ей хочется правды и не хочется лжи. Как нам, ей бывает больно, а может, еще больней, она страдает и любит, может быть, нас сильней. Ей дано от рожденья — только паши да сей. Но полезней навоз из конюшни, чем книжник и фарисей. Вот почему я считаю, что мне оказали честь дядя жены и шурин, крестный отец и тесть.» (Владимир Костров).

Теперь, когда вы разобрались в хитросплетениях родственных связей, будет легко разгадать и загадки, напечатанные В.И. Далем в сборнике «Пословицы русского народа»:

— Шуринов племянник как зятю родня? (Сын).

— Шли по дороге две матери, две дочери да бабушка с внучкой — а сколько их всего человек? (Трое: бабушка, мать и дочь).

— Шли муж с женою, брат с сестрою да кум с кумою; нашли полтора хлеба. Сколько каждому досталось? (По полхлеба — их трое: муж, жена и сестра жены).

— Шли теща с зятем, муж с бабкой, бабка с внучкой да дочь с отцом. Сколько их всего было? (Четверо: теща, муж, жена, дочь).

— Сын моего отца, а мне не брат — кто это? (Я сам).

«Я никак не пойму смысла этого слова — «свекровь», не могу разобрать — кто золовка, кто деверь, кто шурин... Тихо льется мука, словно теплая белая кровь, вижу: бабушкин лоб почему-то нахмурен. Месит бабушка тесто, какие-то шепчет слова, и святая вода выливается в белую миску... А за длинным столом примостилась соседка-вдова: как все-

гда, по слогам поминальную пишет записку. То стрекочет сверчок, то собачий доносится лай, вспоминает вдова, как пришла похоронка на мужа, а с иконы на нас молча смотрит святой Николай, на просторах России лютует январская стужа. Здесь над белой мукою невидимый ангел летал, сердце бедных детей защищая от смерти и мрака, здесь когда-то мой дед у святого Матфея читал родословье Христа: «Авраам же роди Исаака...» Я не помню его, умер он до великой войны, знаю: бабушка Библию в старый упрятала китель. Ну, а я до сих пор все томлюсь ощущеньем вины, потому что не знала Твое родословье, Спаситель. Не могла прочитать я и собственной книги родства. Умер проклятый век — а теперь уже сделалось поздно. В палисаднике вновь шелестит молодая листва, но на лице Святителя брови сдвигаются грозно. Я в помянник пишу: Параскева, Димитрий, Иван — и коснеет рука, вспоминая о Божией каре... Тихо бабушка Марфа садится ко мне на диван. Помнишь ты, дорогая, кто Зару родил от Фамари?» (Светлана Кекова).

Продолжение следует

ИУДА И МАЗЕПА КАК СИМВОЛЫ САМОСОЗНАНИЯ «УКРАИНЦЕВ»

Иуда Искарриот, совершая свое предательство, мечтал не о славе. В фатальном для его жизни поступке он руководствовался сугубо меркантильными интересами. Узнав, что иудейские первосвященники желают расправиться с Иисусом, он явился к ним и спросил: «Что дадите мне, если приведу к вам Иисуса?». Те, несказанно обрадовавшись, с ходу предложили ему тридцать серебряников. Цена предательства Иуду устроила, и в подходящий момент он совершил свое черное дело, предав Учителя в руки врагов. В дальнейшем, правда, повел себя неадекватно: вернул деньги «заказчику» и удавился. «Хэппи энда» у предателя не вышло. В историю, тем не менее, он вошел, а знаменитый «иудин поцелуй» стал понятием нарицательным...

Гетман Иван Степанович Мазепа, совершая свою измену, тоже меньше всего думал о славе. Им двигали гораздо более приземленные ценности, среди которых власть и деньги служили самодостаточным замещением любых иных человеческих устремлений. В своей жизни Мазепа всегда руководствовался интересами сиюминутными и не простирали

сокровенных вожделений дальше обладания неким перечнем осязательных земных благ. О них он только и мечтал, ради них жил и действовал. Для его сребролюбивой, корыстной, но в целом достаточно мелкой натуры такие отвлеченные понятия, как честь, совесть, преданность, патриотизм, любовь к Родине являлись ничего не значащими абстракциями, лишенными всякого реального содержания. Переходя на сторону шведского короля Карла XII, он был далек от мысли каким-то образом «войти в историю» или «остаться в памяти грядущих поколений»... И все же в историю вошел, да и фамилия его стала нарицательной при обозначении двоедушия, предательства и иезуитского коварства... Впрочем, стоя на краю могилы, Мазепа, наверное, предвидел отрицательный характер своей посмертной славы, но вряд ли, даже в минуты самого напряженного поиска самооправданий содеянному, мог представить, что далекие потомки тех, кого он предал, вдруг возведут его в ранг *героя* и даже *бескорыстного борца за свободу Отчизны*. И тем не менее такое совершенно неправдоподобное преобразование исторического облика гетмана-иуды произошло.

Произошло три столетия спустя после его смерти, в совершенно иных исторических условиях, в среде людей, сделавших предательство и измену своему народу не просто хорошо оплачиваемым ремеслом, но жизненным кредо и даже неким религиозным фетишем. «*Украинцы*» — так они стали величать себя в отличие от своих Русских предков, добавив к вновь обретенному историческому имени и собственный пантеон героев, в сообществе которых Мазепа занял едва ли не самое почетное место. Они-то и возвели мазепинскую измену в почетный ранг «жертвы во имя Родины» и даже «подвига». *Украинского*, конечно, подвига... А таковой зиждется на трех фундаментальных составляющих. Вначале — поиск державы, враждебной России... После того, как она найдена, «герой» делает все, чтобы вовлечь ее в войну с собственной страной. Когда же науськиваемые им неприятельские орды бросаются поработать Отечество, он им в этом всеми силами помогает. И, наконец, напоследок убедительно объясняет народу, что случившееся содействовало «народному благу», «подлинной свободе» и «европейскому прогрессу». А нынешние «укра-

инцы», вне зависимости от успеха или неуспеха таких действий, навечно зачисляются совершившего их деятеля в число своих героев.

В измене Мазепы все вышеперечисленные признаки налицо, почему и обрела она почетный статус *украинского подвига*. С соответствующим ореолом и поклонением. В последние годы это поклонение достигло кульминационной точки. Ни один из гетманов-изменников не удостоился такого потока славословий, как этот предатель. И не следует думать, что эта широкомасштабная кампания реабилитации изменника — плод «общественных инициатив». Она — неотъемлемая часть официоза и находит поддержку и понимание на самом высоком уровне украинских властных структур. Тот же Л.Кучма, в течение 10 лет бывший президентом самостийной Украины, в своей книге «Украина — не Россия», как бы подводящей итог его политической карьеры, не скупится по адресу Мазепы на самые восторженные комплименты. *«Его гетманство стало временем культурного расцвета и хозяйственного подъема Украины»*. Гетман, правда, не забывал и себя, став к концу жизни одним из богатейших людей Европы, но *«богатство не мешало Мазепе быть горячим патриотом Украины»*. *«Боль и страх»* за ее судьбу — *«вот что двигало им. Целью же была ее независимость»*. Он *«стремился встать, и стал во главе Украины, имея в виду одну-единственную цель: с иностранной помощью нанести поражение России, в которой он видел, справедливо или нет, зло и пагубу Украины»*. При чем тут вообще измена! *«В наши дни упорное отношение к Мазепе как к предателю уже нелепый анахронизм»*, свидетельство *«душевной незрелости»* (здесь и далее выделено мной. — С.Р.).

Когда о необходимости «прозрения» в отношении того или иного исторического деятеля высказывается высшее должностное лицо государства, да еще и с указанием направления, в котором следует «прозревать», — для всего сонма чиновных мужей, рангом пониже, это указание обретает статус служебной директивы, обязательной к исполнению. А в современной Малороссии желающих «подсуетиться» в отбеливании темного лика изменника — пруд пруди. Официальное благословение, да еще на столь высоком уровне, распоясывает украинских идеологов, и они пускаются во все тяжкие, приписывая предателю совершенно фантастические заслуги,

да еще и подавая их на столь же фантастическом историческом фоне. Вдруг непостижимым образом становится известным, что Мазепа явился *«инициатором и организатором последнего вооруженного выступления против имперского наступления на Гетманщину»* (а не просто удрал в неприятельский лагерь). Это самое «имперское наступление» и побудило нашего героя *«ориентироваться на молодого и амбициозного шведского короля Карла XII, в то время единственного в Европе достойного оппонента Петра I»*. Мазепа, правда, проиграл. Ставка его оказалась бита, но не пропало втуне его дело, ведь *«события, сопровождавшие конфликт украинского гетмана с московским царем — это лишь вершина айсберга... Несовместимость моделей общественно-политического поведения в Московии и Гетманщине (в первой все зависело от воли самодержца, во второй — от закона, перед которым все равны) давала о себе знать на протяжении всего существования казацкого государства»* и немеркнущее значение подвига Мазепы заключено в том, что он не побоялся придать этому конфликту открытый и гласный характер.

А если попытаться постигнуть внутренний облик гетмана, те подлинные мотивы, которыми руководствовался он в своей деятельности, то на память, прежде всего, *«приходит Конрад Валенрод — герой произведений Адама Мицкевича. К.Валенрод, как истинный патриот, не видел иного пути борьбы с врагами родины, кроме как временная служба им, чтобы в решающий момент нанести захватчикам смертельный удар»*. И здесь Мазепа дает наглядный урок — каким именно способом следует бороться с вековым заклятым врагом. И пусть лично он потерпел поражение на этом пути, дело его не погибло и было продолжено последующими поколениями «украинцев».

Преимственность, действительно, налицо. Политические реалии нынешней самостийной Украины яркое тому подтверждение. Воистину *«мазепинский дух»* пронизывает сегодня каждую мысль, каждое слово, каждое действие всякого «украинца»... Вот в галерее искусств Львова открывается выставка, посвященная Мазепе. Предметы, оружие, вещи, которых касалась великая рука. Украинское сердце бьется учащеннее, а в голове непроизвольно возникает глубокая, волнующая мысль: *«Все мы немного мазепинцы!»*. Да и как иначе, ведь со-

всем не случайно (наверное, даже фатально), все «президенты Украины во время инаугурации клали руки на Евангелие», изготовление оправы которого «финансировал Иван Мазепа». «Так что сам Господь велит главам государства преисполняться **мазепинскими идеями**»... Что они и делают: «оранжевая революция» на Майдане — зримое тому подтверждение... На Украину и землю привезли из румынского города Галац, с того самого места, где стояла церковь, в которой был захоронен Мазепа. И при виде этой земли все существо «украинца» опять пронизывает какой-то неземной восторг: «Где прах Мазепы нынче — неизвестно», но «дух — среди нас».

И «дух» этот требует своего монументального увековечения. И вот в Галаце в торжественной обстановке открывается памятник Мазепе. Переход гетмана на сторону Карла XII присутствующие величают не иначе как «героическим и мужественным» и связывают его с неуклонным «**европейским выбором Украины!**»! В общем, да здравствует НАТО! И слава навеки Совет Европы! И новый мировой порядок торжествуй!.. А в Батурине с помпой перезахоронили «останки сожженных батуринцев, обнаруженных во время археологических раскопок». На крутом холме над р.Сейм, месте, где во времена Мазепы стояла крепость, был воздвигнут и освящен памятный крест. В торжественной церемонии приняли участие народные депутаты Украины и по совместительству мазепинцы Ющенко, Драч, Костенко, Мовчан, Плющ... К чествованию украинского героя подключена и молодежь. В Полтаве, например, состоялся рок-фестиваль «Мазепа-фест», посвященный «**казакам-мазепинцам, погибшим за свободу Украины в 1709 году от рук московских оккупантов в Полтавской битве**». И данное мероприятие, как и все прочие, отмечено все тем же специфическим колоритом: «**Это был настоящий праздник украинского духа**»... Так что говорим: «дух Мазепы» — подразумеваем «украинский дух». Такое вот нравственное тождество в ходу сегодня у самостийников.

Нарастая с каждым годом, эта **мазепомания** уже откровенно перерастает в самое настоящее беснование. Замечательным образцом этой одержимости может служить фильм «Молитва о гетмане Мазепе», снятый в 2002 г.

Спешу, впрочем, сразу оговориться: само понятие «украинский кинематограф» столь же виртуально, как и

«украинская наука» или «украинский спорт». За истекшие четырнадцать лет «нэзалэжности» не было снято **ни одного** (!), я уже не говорю талантливое, а хотя бы достаточно толкового фильма, который бы сумел привлечь внимание зрительской аудитории — сплошная серость с ярко выраженной тенденцией навязчивого «антимоскальского» бреда, да еще при отсутствии должного финансирования. Одним словом, так называемое «украинское кино» представляет собой зрелище самое жалкое и убогое.

Некоторый общественный интерес вызвала лишь демонстрация польского фильма «Огнем и мечом». Снятый по одноименному роману Генрика Сенкевича, он посвящен событиям Малороссийской войны и полностью отражает *польский взгляд* на них, изображая героев освободительной борьбы Русского народа, в том числе и Хмельницкого, в самом отвратительном виде, как необузданных, жестоких и постоянно пьяных дикарей. Несмотря на это, а может быть, именно поэтому на Украине его широко разрекламировали и запустили в массовый кинопрокат, а, кроме того, несколько раз показали по телевидению. В фильме снялись и известные украинские актеры во главе с министром культуры Богданом Ступкой. Этим «щирым украинцам» даже в голову не пришло, что своим участием они содействовали созданию произведения лживого и оскорбительного в отношении их собственного народа... Впрочем, не исключено, что они именно так и представляют своих предков: звероподобными и разнузданными пьяницами, способными лишь убивать, насиловать и грабить.

Вот такого рода польско-украинским «шедевром» только и смогло отметиться «украинское кино» к исходу XX столетия, пока, наконец, не разродилось собственным детищем — «Молитвой о гетмане Мазепе».

История создания этого «киношедевра» берет свое начало в 2000 г., когда правительство заказало украинским «мытцям» (мастерам) два фильма о наиболее известных малороссийских гетманах — Хмельницком и Мазепе и, хотя в согласии с исторической хронологией, первым следовало бы явиться фильму о Хмельницком, — сняли «Молитву о Мазепе». Не удержались-таки! Как ни крути, а Богдан в обойме укргероев — явный чужак, не могут «украинцы» простить ему Переяславской рады. А

Мазепа — свой, можно сказать, в доску. Поэтому и бросили все силы и средства на то, чтобы запечатлеть на экране образ легендарного украинского кумира. Бюджет фильма составил фантастическую для Украины сумму — 4 млн. долларов! Министр Б.Ступка, он же исполнитель главной роли, пустил на съемки весь годовой бюджет своего ведомства. Снимали поистине с жертвенным размахом — и, наконец, сотворили подлинный *укршедевр*. С точки зрения его создателя, режиссера Юрия Ильенко, фильм стал «*прорывом в развитии украинской государственности*», развенчав «*ложные исторические представления об истории Украины и ее выдающихся личностях*». При этом «развенчание» было произведено совершенно новаторскими методами.

Центральную тему «Молитвы» можно условно обозначить как «Украина убитая», убитая, разумеется, «москалями»: на экране медленно проплывают сотни застывших трупов (особенно режиссеру удались ножи в девичьих животах), катящиеся после ударов топора головы, море крови, льющейся из черепов (естественно, украинских), а для лучшего усвоения зрителем этого вампирического месива оно щедро сдабривается откровенно порнографическими и садомазохистскими сценами. Достаточно сказать, что фильм начинается кадрами, где Петр I прямо на могиле Мазепы насилует солдата Преображенского полка! Императрица истошно вопит: «Питер, неужели тебе меня мало?», но тот уже вошел в раж, начал ломать могилу, крушить гроб и... о, ужас! Вдруг оттуда протягивается рука гетмана и «тиран Украины», получает, наконец-то, по заслугам... Начавшись nepотребством, фильм таковым и заканчивается: на экране мельтешат озверевший Петр, голые девки, многоликие Мазепы, шароварные казаки и снова текут клюквенные потоки крови. Опять же украинской.

Таким образом, рядом с «Украиной убитой» режиссерская фантазия мощно и выпукло созидает еще один образ: «Украины изнасилованной». Кем изнасилованной, догадаться не трудно: все теми же звероподобными «москалями». И не только изнасилованной, но вдобавок еще и до последней степени развращенной. Например, жена генерального судьи Кочубея после казни мужа не находит иного способа выразить свое неумное горе, как начать... мастурбировать его отрубленной го-

ловой... Когда на пресс-конференции журналист «Известий» попросил Ильенко объяснить: зачем Кочубеиха это делает, тот отреагировал мгновенно: «А что, в Москве не мастурбируют? Да вы лишь тем и занимаетесь, что мастурбируете!». Железная укрлогика: каким бы ни был по содержанию вопрос, самый мудрый ответ на него: «у москалей еще хуже!»

Фильм приобрел скандальную известность на Берлинском кинофестивале в феврале 2002 г. Сделанный аля Голливуд, он даже на фоне американских подделок такого рода выделился своей особо мерзкой и отвратительной фактурой. Зрители справедливо восприняли его как бессвязный поток извращенного воображения режиссера, омерзительную фальсификацию подлинных исторических событий и их реальных участников. Соответствующие оценки он получил и в немецкой прессе, что нисколько не смутило его создателей. Тот же Ильенко напрочь отменил негативные рецензии, объяснив их как *«имперский черный пиар России»*. Более того, уверенно заявил, что будет продвигать «Мазепу» на российский кинорынок, тем более что министр культуры РФ М.Швыдкой в свое время намеревался выделить на съемки 250 тыс. долларов! Также похвастался, что громадный интерес к фильму проявляет Польша, а польский «Кредитбанк» даже пообещал выделить грант в 800 тыс. долларов на досъемку сцен в Польше для готовящейся телевизионной многосерийной версии.

Так что украинский киношедевр не пропадет втуне. Невзирая ни на что, «украинцам» он нравится. Не то чтобы они до конца понимали буйную фантазию его авторов — и выдавший виды психиатр вряд ли смог бы истолковать ее причудливые извивы. Нет, не за это психическое буйство любят «украинцы» «Молитву о Мазепе», и не за сексуальные извращения, которыми она так обильно насыщена, а любят ее за то, что она достойно представляет Украинскую Легенду, ни на шаг не отступая от ее базовых догматов, где самая омерзительная клевета в адрес России, ее государственных деятелей и Русского народа и столь же беззастенчивое уродование малороссийской истории считаются наивысшим свершением и «подвигом» одновременно. Психопат ли Ильенко, сексуальный ли извращенец — в данном случае не важно: все, что в течение двух с половиной часов демон-

стрирует зрителю его фильм, не им придумано. Точно такой же несусветный бред увековечен ныне в сотнях «научных» монографий, бесчисленном количестве популярных статей, параграфах школьных учебников, названиях улиц и скверов, наглядной агитации в воинских частях, многочисленных партийных программах, заполняя своими ядовитыми миазмами все поры культурной и политической жизни современной Украины, уродуя духовно и психически ее население.

«Молитва о гетмане Мазепе» — своего рода промежуточный итог, образно венчающий ту широкомасштабную деятельность, которая призвана обеспечить полное духовное перерождение той части Русского народа, которая, волею судеб оторванная от России, оказалась в полной и безраздельной власти украинских самостийников. Ильенко лишь исполнитель политического заказа, рядовой той черной армии этнических мутантов, усилиями которых сегодня формируется и внедряется в общественное сознание идеология украинства. Эти деятели до такой степени одержимы желанием сделать ее господствующей в Малороссии, что всякий раз, начиная размышлять об истоках украинства или делая попытку различить в темных глубинах Истории своих духовных предтеч, впадают в своего рода транс. Их беснование достигает предельного напряжения, а воображение наполняется странными и дикими галлюцинациями. Конкретный исторический материал деформируется до неузнаваемости и не поддается расшифровке, возникающие образы не имеют ничего общего с теми реальными личностями, которые взяты в качестве прототипов для создания пантеона укргероев. Совпадает только то, что уже невозможно изменить: фамилии, имена, даты рождения и смерти, основные вехи биографии, все остальное — плод самой причудливой фантазии, где, как в фильме Ильенко, в одну кучу мешаются «сегодня», «вчера» и «завтра», История превращается в вымысел, а вымысел — в Историю; «любовь» преобразуется в ненависть, «правда» — в самую похабную и разнузданную ложь; реальные исторические персонажи подаются в предельно окарикатуренном виде, опошляются и приножаются до тех пор, пока не начнут соответствовать моральному и интеллектуальному уровню нынешних «украинцев», говорить их языком, назидательно изре-

кать ходячие истины самостийничества и, наконец, утратив всякие признаки жизни, не превратятся в пассивных марионеток дурной фантазии их создателей.

Так создается сегодня Украинская Легенда, бредовые штампы которой со страшной, просто скотской силой вколачиваются в массовое сознание населения Малороссии послушными режиму средствами массовой информации. А лживое варево для них готовит целая армия штатных идеологов украинства.

Прекрасный образец того, как конкретно это происходит, дает тот же Валерий Шевчук, в опусе *«Козацька держава. Етюди до історії українського державотворення»*. В. Шевчук — фигура знаковая: лауреат Государственной премии им. Т.Шевченко, премии фонда Антоновичей, премии им. Е.Маланюка и многих других, он недаром обласкан украинским официозом. Подвизаясь в сфере наукообразной фантастики, В.Шевчук достиг в трактовке исторических сюжетов воистину невиданных высот, став своего рода «Грушевским нового времени», не уступая последнему ни в степени исторического невежества, ни в лживости. Поражает и размах его деятельности в деле уничтожения исторической правды: многочисленные книги, статьи в журналах и газетах, выступления на радио и телевидении. Свои «Этюды...», например, прежде чем издать, он озвучил на радио. В полном объеме. Регулярно, каждую пятницу выходя в эфир в течение 10 месяцев, с марта по декабрь 1994 года!

В каком же обрамлении преподнес В. Шевчук многомиллионной аудитории слушателей свои лживые небывлицы об эпохе Гетманата, в их числе и времени Мазепы? Каков общий фон, на котором разворачивается деятельность славного укргероя? И кто тот главный враг, которому он вынужден был противостоять?.. Само собой разумеется, это не Турция, Крым или Польша, и уж тем более не Швеция, а всегдашний объект ненависти каждого «украинца», имя которому «Россия», или, в шевчуковской интерпретации, «империалистический монстр России», она же — **«империя зла»**, «темная и полудикая страна», способная «нести другим народам только темноту и культивировавшееся в ней рабство». С не меньшей ненавистью отзывается он и о Русских, снабжая их следующими характеристиками: уже в то время признаком ума у них считалось *«умение обмануть того, с кем*

имеешь дело»; всегда жадные до чужого добра «русские хватались даже за ниточку, если являлась возможность захватить чужую землю». Договора, к которым Россия принуждала малороссийских гетманов, «узаконивали пребывание на Украине **оккупационных русских войск**» и невозможно было защитить Украину от их «утеснений и злоупотреблений». Ее население они «просто грабили, брали украинцев себе в прислугу, забирали коней, имущество, одежду, истощали подводной повинностью, насылали экзекуции на дома, арестовывали и сами судили», словом, вели себя, как настоящие **оккупанты**. А в подмогу им «шли на Украину новые и новые полчища беспощадных и неудержимых захватчиков, чтобы убить окончательно ее волю и уничтожить державу».

Направлял же и вдохновлял эту беспрецедентную по масштабам и жестокости агрессию Петр I — подлинное исчадие ада, самый жестокий «поработитель украинского народа, сатрап из сатрапов, своевольный, беспощадный и аморальный»; «царь-деспот, тиран, создатель империи зла, в которой «закон, что дышло — куда повернешь, туда и вышло», царство Дракона, как тогда говорили, где не только царь отличался своеволием и самодурством, но в не меньшей степени и его сатрапы».

Именно Петр «все права Украины беспощадно растоптал, а позднее в своем озлоблении дошел до **геноцида украинского народа** и полного уничтожения его прав и свобод». К концу его же царствования «Россия настолько укрепилась, что могла уже безвозбранно затянуть петлю на шею украинской Казачьей державы». Это привело к угнетению «украинцев» чуждой для них культурой, которая в «значительной мере узурпировала имя, государственные традиции и историю народа, себе подчиненного, и провозгласила совершенно бесстыдный постулат, что народ этот не является народом, язык его не является языком, а история — не история; иными словами, он должен сам себя безболезненно и мирно запретить и стать частью народа господствующего»¹⁵. Закономерно и то, что именно «в безумной голове Петра I точно так же, как в параноической голове его позднейшего поклонника Сталина... появился дьявольский **план геноцида украинцев** и как один, так и другой воплотили его в жизнь».

Перемещение в близкие к нам времена не случайно: Шевчук призывает к *бдительности*. «**Империя зла**» все

еще существует и все так же стремится покончить с украинской самостийностью самыми коварными и бесчеловечными способами, не зря же «и теперь Россия, а раньше коммунисты, разжигает на Украине межконфессиональные конфликты». Она же пытается вбить клин «между украинскими верхами и низами», не давая «нации создать единый политический фронт»... А что ждет Украину в случае присоединения к России, о том даже подумать страшно, ведь «бессмысленный террор Сталина не был плодом фантазии этого деспота, подобная практика глубоко укоренена в исторической традиции империи зла».

Таковы «исторические обстоятельства», на фоне которых и разворачивается деятельность Мазепы. О каком предательстве вообще можно вести речь в данном контексте? — кликушествуют украинские идеологи, подменяя **историческую правду** своей **украинской ложью**. А, между тем, речь идет именно о предательстве, и, если строго следовать историческим фактам, предательстве изначальном, задуманном задолго до 1708 года, еще в тот первый момент, когда Мазепа едва только начинал мечтать о должности малороссийского гетмана...

Мазепа, конечно, был человеком выдающихся способностей и редко ошибался, особенно в выборе средств и друзей, могших в той или иной степени содействовать осуществлению его честолюбивых замыслов на пути к власти и богатству. За всю свою жизнь он и совершил-то всего две ошибки, но обе имели фатальное значение для дальнейшей его судьбы. Расчетливый, хитрый, изворотливый, прожженный циник, привыкший тщательно взвешивать каждый свой шаг и каждое сказанное слово, он в иные минуты как-то странно увлекался и попадал в «истории» буквально водевильные. Этим он напоминает гоголевского Чичикова, который в своем упорном продвижении к очередным служебным вершинам и финансовому преуспеянию также привык все взвешивать и рассчитывать до мельчайших подробностей. Но в иные моменты (обычно самые неподходящие) его вдруг осеняли «порывы» удивительные (и даже странные!) для личности подобного склада. Чего стоит только его увлечение губернаторской дочкой! Ничем не примечательная шестнадцатилетняя блондинка, явившись на бал, совершенно очаровала Павла Ивановича, и он букваль-

но потерял голову. И благо было бы из-за чего: ее овално круглившееся личико с тоненькими и стройными чертами, хрупкий, изящный стан, простенькое белое платье, легко и ловко обхватывавшее во всех местах гибкие молодые члены, не таили в себе абсолютно ничего особенного. Кто же из девиц в таком возрасте не обладает подобным набором свежих нетронутых прелестей. А нашего героя это юное создание ушибло до такой степени, что он, солидный и респектабельный предприниматель, почувствовал себя едва ли не гусаром! И погорел буквально в течение какой-то пары часов одного рокового вечера, обратив в прах труды многих дней и ночей. И все это после того, как ему удалось виртуозно повернуть немислимую по дерзости и кощунству сделку по приобретению мертвых душ. И надо же так облажаться в самый неподходящий момент...

Мазепа тоже привык рассчитывать все до мельчайших деталей, а замечательная проницательность и умение использовать человеческие слабости и недостатки позволяли обращать окружающих в слепые орудия достижения своих корыстных целей. Благодаря наличию подобных специфических талантов он начал свое жизненное поприще более чем успешно.

Историкам неизвестен точный год его рождения. Знаменитый церковный деятель Феофан Прокопович (1681—1736), младший современник Мазепы, считал, что родился он около 1640 г. в селе Мазепинцах, недалеко от Белой Церкви, на р. Каменке. Это имение было пожаловано королем Сигизмундом-Августом предку Мазепы, шляхтичу Мазепе-Колединскому, с обязательством отправлять службу по Белоцерковскому староству. На польской службе находился и отец Мазепы, Адам-Степан. Услуги, оказанные им Польше, были отмечены в конце его жизни (ум. 1665) почетным, хотя и мало что значащим чином «черниговского подчашего», а, кроме того, дали возможность пристроить на службу при королевском дворе своего молодого сына. Мать Мазепы — Марина (урожденная Мокиевская, 1617—1707) после смерти мужа постриглась в монахини под именем Марии, а по прошествии некоторого времени приняла схиму под именем Магдалины. Долгое время, вплоть до своей кончины она являлась игуменьей женского Вознесенского монастыря при Киево-Печерской лавре, а так-

же Фроловского женского монастыря на Подоле в Киеве. Была у Мазепы и родная сестра — Александра, трижды выходявшая замуж (за П.Обидовского, Витуславского, Я.Войнаровского). Сыновья Александры от браков с П.Обидовским и Я.Войнаровским служили у Мазепы во время его гетманства.

Вопрос о том, была ли вся семья Мазепы православной, униатской или католической, не выяснен историками, а, между тем, исключительно важен. А.Дикий обоснованно предполагает, что широко распространенное среди современников Мазепы убеждение в том, что он — *истинный поляк*, прямое свидетельство его неправославия, т.е. принадлежности к католицизму или униатству. А вероисповедание в те времена определяло и этническую принадлежность. Не здесь ли кроется источник той ненависти и враждебности, которыми на протяжении всего периода своего гетманства был окружен Мазепа? Ведь в тогдашней Малороссии (в отличие от нынешнего смутного времени) отношение к католикам и униатам было совершенно однозначным. Одного только подозрения в принадлежности, например, к униатству было достаточно для жестокого самосуда. А.Дикий в связи с этим приводит весьма показательный случай. В церковных книгах бывшего сотенного местечка Карабугова сохранилось описание расправы с одним из родственников сотника, свояком, заподозренным в униатстве. Его жестоко избили «киями» (палками), а затем повесили перед церковью. Примечательно то, что эта расправа осталась совершенно безнаказанной. На следствии, которое производил судья Нежинского полка, выяснилось, что повешенный «*намовляв* (подговаривал) *пидкорытысь папи Римському*». Этого было достаточно для оправдания совершенного убийства...

Пока Мазепа делал карьеру в Польше, он мог не таиться в своем униатстве (католицизме), а, напротив, всячески его выпячивать. Но, перебравшись на Левобережье, поневоле должен был затаиться и стараться изо всех сил выглядеть настоящим православным. Не отсюда ли и его получившая широкую известность церковная благотворительность? Он строил церкви и богато одаривал монастыри, чтобы *показать* свое Православие. Свято-Николаевская церковь в Киеве, Вознесенская в Переяславе, «Святые ворота» Киево-Печерской Лавры и мно-

гие другие церкви построены, обновлены или украшены на пожертвования Мазепы. Особенно богатые дары деньгами и имениями делал он киевским монастырям, где игуменьей была его мать Мария-Магдалина. Но вся эта показуха никого не вводила в заблуждение: в глазах народа, над которым он гетманствовал двадцать один год, Мазепа так и остался чужаком, затаившимся врагом Православия, а, значит, и потенциальным изменником (что, в конце концов, и оказалось сущей правдой)...

Но вернемся к началу биографии нашего героя. Итак, благодаря стараниям отца, он уже в ранней молодости оказался при королевском дворе. Быстро освоившись в новой для себя обстановке, Мазепа до такой степени сумел завоевать расположение и благосклонность короля, что тот в компании двух других шляхтичей отправил его на учебу за границу на три года. Там Мазепа приобрел знание нескольких иностранных языков и наружный европейский лоск. По возвращении из чужих краев в 1659 году, он нисколько не утратил расположения Яна-Казимира и в звании покоевого (комнатного) дворянина исполнял важные дипломатические поручения, с которыми король отправлял его к малороссийским гетманам: вначале к Выговскому, а после его бегства в Польшу к Юрию Хмельницкому и Павлу Тетере. На тот момент ему было около двадцати трех лет, и будущее сулило самые радужные перспективы успешной карьеры, с соответствующими ей почестями и богатством. И вдруг в течение буквально одного года все решительно переменялось и ловкому, обходительному придворному пришлось в срочном порядке покинуть не только Варшаву, но и Польшу. Как оказалось, навсегда.

Служивший вместе с Мазепой при королевском дворе шляхтич Паск следующим образом описывает события, повлекшие за собой фатальный поворот в судьбе нашего героя. В 1661 году Мазепа оговорил его, Паска, перед королем, будто он по поручению коронного войска, находившегося тогда во вражде с Яном-Казимиром, ездил к войску литовскому наущать и его против короля. Паска арестовали, нарядили следствие, которое совершенно его оправдало, а Ян-Казимир даже подарил ему 500 червонцев, Мазепа же был временно удален от двора, но скоро опять допущен. В следующем 1662 г. Паск, не забывший нанесенного ему оскорбления, как-то раз

наградил Мазепу оплеухой, тот схватился за оружие. Придворные, ставшие свидетелями инцидента, приняли сторону Паска, потому что не любили и не уважали Мазепу, в их глазах он был выскочкой и карьеристом, да к тому же и «не слишком благородным». Драка в королевских покоях считалась большим преступлением, и вину за нее возложили на Мазепу. Это поставило под вопрос его дальнейшую карьеру при дворе. А происшествие, случившееся в 1663 г., окончательно поставило на ней крест, навсегда покрыв Мазепу несмываемым позором и сделав изгоем в шляхетском кругу.

А произошло вот что. На Волыни была у Мазепы деревушка, по соседству с которой находилось имение какого-то пана, по фамилии Фальбовский. Проживая временно в своей деревне, наш герой втерся в дом к соседу, понравился его жене и стал частенько бывать у нее в гостях в отсутствие хозяина. Насколько далеко зашли отношения с пани Фальбовской, неизвестно, но домашние слуги, наконец, донесли мужу, что Мазепа и его жена пересылаются между собой записками, а затем проводят свидания наедине. Фальбовский, ничего не сказав супруге, попрощался с нею, как будто отправляясь в дальний путь, и выехал со двора. Немного отъехав, он остановился на той дороге, по которой, как донесли ему, Мазепа ездил к его жене. Вдруг бежит обычный посланец с запиской от жены к Мазепе — тот самый слуга, который и открыл своему пану существование этой порочной связи. Фальбовский взял у слуги записку и прочитал в ней любезное приглашение Мазепе с извещением, что муж уехал далеко и надолго. Фальбовский вернул записку посланцу и приказал: «Поезжай и проси ответа. Скажи, что пани приказала скорее!» Слуга поехал далее с запиской, а Фальбовский остался ждать на месте, так как до мазепинской усадьбы оттуда было не более двух миль. Исполнив поручение, посланец возвращается назад с ответной запиской, в которой Мазепа обещает приехать тотчас. И, действительно, спустя некоторое время, едет сам Мазепа. Встретив Фальбовского, поприветствовал его как старого доброго приятеля. «Куда едете, ваша милость?» — спрашивает тот, в свою очередь. Мазепа называет пункт, находящийся далеко в стороне от поместья Фальбовского. «Ко мне прошу захватить!» — радушно предлагает Фальбовский, но Мазепа

отговаривается тем, что ему надобно спешить в названное им место, а сам при этом замечает: «Да ведь и вы, пане, я вижу, тоже куда-то едете». Фальбовскому, наконец, надоедает играть роль мужа-простофили, которого запросто водят за нос. Он хватает Мазепу за шиворот и показывает ему его записку к своей жене: «А это что?». Мазепа стал ни жив, ни мертв, уверяет, что едет в дом Фальбовского в его отсутствие в первый раз. «Хлоп! — обращается Фальбовский к слуге, который возил Мазепе записку. — Сколько раз этот господин бывал в моем доме без меня?» Служитель отвечает: «Столько раз, сколько у меня волос на голове». Фальбовский предлагает Мазепе выбрать способ, которым он предпочел бы умереть. Тот умоляет не убивать его и во всем признается. Фальбовский приказывает раздеть Мазепу донага, облить дегтем, обсыпать пухом и посадить на собственную его лошадь без седла, оборотивши лицом к хвосту, а затылком к голове лошади, подвязав ноги под ее брюхо. Затем лошадь испугали криком, ударами плети, да вдобавок произвели несколько выстрелов у нее над самыми ушами. Испуганное животное во всю прыть помчалось домой по узкой тропинке, которая шла среди зарослей шиповника, диких груш и терновых кустов. Даже тот, кто держал бы поводья в руках, должен был, едучи по такой тропинке, беспрестанно нагибаться и уклоняться от колючих растений из опасения расцарапать лицо и разодрать одежду. Каково же было голому, посаженному спиной к конской голове всаднику, сидеть на лошади, когда та от испуга и боли летела что есть духу!.. Мазепу в его поездке сопровождало двое или трое слуг, но Фальбовский не отпустил их с господином, чтобы они не смогли оказать ему своевременную помощь. Лошадь принесла Мазепу к воротам его дома еле живого. Мазепа кричит, зовет сторожа. Тот, услышав голос хозяина, отворил было ворота, но едва увидел страшное пугало на коне, тотчас их затворил и спрятался. Мазепа зовет дворню: та выглядывает из-за дверей и только крестится. Мазепа уверяет людей, что он их господин, но они ему не верят, и с большим трудом смог он их убедить, чтобы впустили его, наконец, во двор, озябшего и исколотого до крови...

Понятно, что после такого рода происшествя путь в общество благородных шляхтичей для Мазепы был зак-

рыт. О Польше пришлось позабыть, и бывший придворный переквалифицировался в «казака». Справедливости ради следует признать, что и в новой для себя среде он не затерялся. В 1665 г. объявился у Дорошенко и в скором времени сумел занять место начальника его наемной охраны, а затем и генерального писаря. В течение десяти последующих лет Мазепа ревностно служил своему новому шефу и в равной степени с ним нес ответственность за те неслыханные преступления, которые творил этот турецко-татарский прихлебатель на Правобережье во время своего «гетманства». В 1674 г. мазепинской службе едва не пришел конец. Дорошенко отправил его с письмами к разным вельможам Турции и Крыма. Посланцу приданы были 9 татар, которые стерегли и вели 15 русских невольников, казаков с левой стороны Днепра: Дорошенко послал их в подарок своим мусульманским союзникам. Когда Мазепа с татарами и невольниками приближался к реке Ингул, его перехватили запорожцы, шедшие из Сечи со своим кошевым атаманом Серко. Они перебили татар, освободили невольников, а Мазепу с письмами доставили в Сечь. Запорожцы пришли в сильное негодование, когда увидели, что Дорошенко посланец гнал христианских невольников в дар бусурманам, и хотели немедленно убить Мазепу, но Серко предложил сохранить ему жизнь и отправить к гетману Самойловичу. Как агента враждебного России правителя Правобережья, Мазепу затем переправили в Москву, но по ходатайству Самойловича не сослали и даже не наказали, а разрешили вернуться в Малороссию и поселиться на Левобережье.

Мазепе быстро удалось завоевать доверие Самойловича, и он стал учителем и воспитателем его сыновей. Гетман считал его «своим» человеком, на которого можно во всем положиться. Через несколько лет Мазепа уже был генеральным есаулом. «Отблагодарил» он своего благодетеля чисто по-мазепински, состряпав на него в 1687 году ложный донос с обвинением в «измене». Самойлович был отрешен от власти, сослан и вскоре умер, а Мазепа занял его место.

Поляки, едва услышав о гетманстве Мазепы, тут же принялись наводить с ним контакты, причем на самом высоком уровне. В 1689 г. король поручил львовскому епископу Иосифу Шумлянскому, тайному униату, а, воз-

можно, даже католику, связаться с гетманом. Тот немедленно отправил к Мазепе доверенного человека, шляхтича Доморацкого, с письмом. В нем среди прочего содержалось и такого рода обещание: «Когда уверимся в приязни вашей милости, сейчас же начнем работать на счет *обеспечения*, какое должны будут дать вашей милости король и республика». Устно Доморацкий объявил, чтобы гетман скорее отзывался со своим желательством на сейм, который будут нарочно тянуть до того времени, пока получают этот отзыв. Если бы теперь гетман вскоре отозвался с желательною склонностию к польской державе, то епископ Шумлянский, одевшись в мирское купеческое платье, сам приехал бы тайно в Батурин, чтобы именем королевским переговорить обо всем из уст в уста: о вольностях и правах войсковых и чести гетманской, как все это должно быть на будущее время.

Мазепа стоял с войском в Лубнах, когда явился к нему посланец Шумлянского. Встретил он его далеко не дружелюбно: велел отдать под караул, а письмо Шумлянского отправил в Москву, куда вслед за тем прислан был и Доморацкий. Поставленный перед польским резидентом Домиником Довмонтом, он и пред ним повторил, от кого и зачем был прислан к Мазепе. Королю, конечно, было сделано соответствующее представление по поводу его явно недружественных действий, а он, разумеется, наотрез отказался от всякой причастности к этому делу. Зато Мазепу за проявленную «верность» наградили. Инцидент был исчерпан...

Между тем, признания сделанные Шумлянским два года спустя, однозначно подтверждают, что в высших правительственных кругах Польши Мазепу с самого начала его гетманства считали своим человеком. Причем с каждым годом уверенность в этом все более крепла и распространялась. Ясно, что основание подобному убеждению мог дать только сам Мазепа. К тому же Самойловичу в течение 15 лет его гетманства поляки почему-то **ни разу** не обратились. А здесь сразу же, да еще и от самого короля! Имели, значит, уверенность в благоприятном исходе миссии... Шумлянский в беседе с русским резидентом в Речи Посполитой стольником Михайловым (май 1692) не только подтвердил, что именно по «королевскому приказу писал к гетману Мазепе», но сообщил и еще более интересный факт: «*В середине Великого поста*

*вдруг присылает за мною король; я поехал; а он меня встречает словами: отец! **прежнее то наше дело исполнилось, Мазепа уж наш, приехал в Белую Церковь.** Целый тот день король был весел и напоил меня добрым вином, какого уже давно у него никто не пивал. Но потом, четыре дня спустя, опять прислал за мною и говорил, что дело отменилось, еще не исполнилось. Из этого можно видеть, какую здесь имеют надежду». Надежды не было бы, если бы сам Мазепа не подавал ее. Просто в этот раз у изменника что-то не срослось и пришлось отложить исполнение своего намерения до лучших времен. Но само оно оставалось неизменным.*

В Москве отказывались в это поверить. А в Малороссии верили. Никто не купился здесь на разыгранный Мазепой спектакль с арестом и отправкой в Москву королевского посланца. Точно так же, как и в Варшаве, здесь знали, что высшая власть над краем находится в руках человека, не просто являющегося поляком по своим привычкам и предпочтениям, но и всегда готового при благоприятном стечении обстоятельств вернуть край снова в состав Польши. Поэтому и не верили, что он долго удержится у власти. Это убеждение было настолько широко распространено, что выходило даже за малороссийские пределы. В Севске двое торговцев, ходивших по городским и сельским ярмаркам, один — москвич Кадашевской слободы, другой — калужанин, говорили: *«Гетману не долго быть на уряде; скоро пришлют из Москвы бывшего гетмана на его место, затем, что малороссийский народ не только не хочет иметь Мазепу у себя гетманом, но желал бы, чтоб имя его здесь не вспоминалось»*. Торговцев схватили и посадили в тюрьму. Но это ничего не изменило. В самой Москве какой-то малоросс Порваницкий распространял о гетмане худые слухи. Его также схватили и, хотя под пыткой он показал, что болтал в пьяном виде, отправили в Батурин для казни. Однако и эта расправа мало помогла Мазепе.

Еще не завершилось дело с Доморацким, как в Киеве на имя царей Петра и Иоанна было подкинута письмо (март 1690 г.), также доставленное из польских владений. В нем анонимные авторы писали: *«Благочестивым монархам доносим и остерегаем, дабы наше прибежище и оборона не была разорена от злого и прелестного Мазепы, который прежде людей наших подольских, русских (галиц-*

ких) и волынских бусурманам продавал, из церквей туркам серебро продавал вместе с образами; после, отдавши господина своего (Самойловича. — С.Р.) в вечное бесславие, имение его забрал и сестре своей в наших краях имение купил и покупает; наконец, подговоривши Голицына, приехал в Москву, чтобы вас, благочестивого царя Петра Алексеевича, не только с престола, но и со света изгнать, а брата твоего Иоанна Алексеевича покинуть в забвении. Другие осуждены, а Мазепу, источник и начаток вашей царской пагубы, до сих пор вы держите на таком месте, на котором если первого своего намерения не исполнит, то **отдаст Малороссию в польскую сторону**». Как видим, современники Мазепы хорошо были осведомлены и о его «подвигах» при Дорошенко, когда продавал он своих соотечественников в турецкое рабство и грабил православные церкви, и о том, как он подло предал Самойловича, обобрав его семью, и о тайном замысле отдать Малороссию Польше. Но в Москве упорно игнорировали любую, неблагоприятную для малороссийского гетмана информацию.

Между тем, в этом же году на Мазепу снова поступил донос, на этот раз от Михаила Чаленко. Родом из Черкас, он долгое время находился в татарском плену, а после освобождения сразу же явился в Киев и донес на гетмана. Не исключено, что эта решительность и смелость диктовались тем, что сам Чаленко был из числа тех русских людей, которых Мазепа продал в рабство. А доносил он все о том же: гетман по природе поляк и желает отступить от державы великих государей под польскую власть. В этих видах приобретает заранее маетности в польских владениях, для чего и просил зятя своего Войнаровского, земского старосту владимирского, селить людей в селе Мазепичах (Мазепинцах), где он родился. Русское правительство и на этот раз никакого интереса к полученной информации не проявило. И это было странно. Если первый донос являлся анонимным, что заведомо обесценивало его содержание, то Чаленко не таился, и эта открытость служила весомым доказательством правдивости его показаний. Следовало бы тщательно проверить истинность его утверждений, но вопреки всему, Чаленко приказано было наказать кнутом и сослать в Архангельск.

Однако и в следующем 1691 году явился донос. На этот раз его доставила в киевский Фроловский женский мо-

настырь монахиня Полонской обители, расположенной в польских владениях. И в нем сообщалось, что Мазепа продавал бусурманам в рабство православных, что, достигши гетманства, злоумышлял вместе с князем Голицыным на жизнь Царя Петра, что имеет тайный замысел отдать Малороссию Польше с целью истребления православных церквей и православной веры, и что, подготавливаясь к этому исподволь, покупает для своей сестры маетности в польских владениях.

И этому сигналу, раскрывающему истинный облик Мазепы и его подлинные замыслы, не придали в Москве никакого значения, хотя само обилие доносов на гетмана, казалось бы, должно было подвигнуть к более внимательному расследованию содержащихся в них фактов... Но и на этот раз выкрутился Мазепа. Даже укрепил свое положение. Показательные расправы над доносителями сковали страхом уста многих. Боялись выступить против гетмана еще и потому, что, видя, какой поддержкой пользуется он в Москве: вначале со стороны всемогущего фаворита князя Голицына, а после его падения уже и самого Царя Петра, считали это дело совершенно безнадежным. «Значных» казаков заставляла держать свои подозрения при себе, кроме всего прочего, и социальная политика Мазепы, щедро наделявшего преданных ему старшин привилегиями, поместьями и, самое главное, подневольными крестьянами...

И все же Мазепа не мог чувствовать себя спокойно: нет-нет да и пробивались сведения о тайных его замыслах. В августе 1696 года киевский воевода князь Борятинский отправил к русскому резиденту в Польше дьяку Никитину стародубца Сулова с двумя рейтарами для вестей. Сулов, в свою очередь, тоже привез Никитину новости: *«У поляков намерение совершенное, чтоб Украину к себе превратить, и **посылки у них к гетману Мазепе частые**: так, нынешнею весною проехал к гетману от короля посланник вместе с греками, будто купец. Начальные люди теперь в войске малороссийском все поляки, при Обидовском, племяннике Мазепы, нет ни одного слуги казака... Гетман держит у себя в милости и призрении только полки охотницкие, компанейские и сердюцкие, надеясь на их верность, и в этих полках нет ни одного человека природного казака, все поляки... Казаки говорят, что если б у них были старые вольности, то они бы одни Крым взяли; а если*

нынешнего гетмана и урядников-поляков не отменяют, то не только что Крым брать, придется быть в порабощении от Крыма и от Польши». Когда Никитин дал знать об этом Царю, то Сулова привезли в Москву для допроса. Тот подтвердил все прежде сказанное и еще объявил, что львовский православный шляхтич Попара говорил ему: «Очень худо, что на Украине начальные люди — поляки; если б были русские, то Украина была бы надежнее».

И эти сведения с ходу были отринуты в Москве. Там умудрились не заметить, что за пять лет, прошедших с момента последнего доноса на Мазепу, он успел сформировать в руководстве края мощную «пятую колонну», состоявшую из сплошных поляков: «**все начальные люди — поляки**», что намного облегчало переход края под власть Польши. Но и этот очевидный факт не поколебал доверия к малороссийскому гетману.. После допроса Сулова государь велел послать Мазепе список с его речей. При этом Мазепе написали, что великий государь всем этим слухам поверить не изволил и никакого сомнения не имеет, потому что он, гетман, старшина и все войско служат верно, не щадя здоровья и голов своих. Потом, по просьбе Мазепы, отправили в Батурин и самого Сулова, давши позволение пытать его. Изменник смог сполна отдаться мстительной злобе, а печальный мартиролог его жертв пополнился еще одной.

Слепое доверие Царя Петра надолго укрыло Мазепу от окончательного разоблачения. В течение последующих десяти лет никто больше не предпринимал попыток разоблачить его двоедушную политику. Предатель мог последовательно и методично готовить осуществление задуманного.

Он, конечно, страстно мечтал о возвращении в Польшу, но после всего, что там с ним произошло, не мог вернуться туда просто так. Требовался триумф, ореол «победителя». Он должен был вернуться не с пустыми руками. Отторгнутая от России Малороссия стала бы хорошим «откупным». Такой трофеей не только реабилитировал бы его в глазах шляхетского сообщества, но и вознес бы на головокружительную высоту, недоступную большинству из тех, кто считал его происхождение «низким и не очень благородным». В случае успеха он не только входил в ряды высшей польской знати, но и становился настоящим польским героем, своего рода Анти-

Хмельницким, и «Польская Отчизна» вовек бы ему этого не забыла. По крайней мере, так ему казалось... И все же в течение долгих и долгих лет Мазепа все никак не мог решиться на осуществление своего намерения. И причины здесь были вполне объективные: не к кому было присоединяться! Польское государство агонизировало. Времена, когда могучая Речь Посполитая могла диктовать свою волю России, канули в Лету. Польша была слаба, в Польше был кризис. Король Август, сменивший на престоле Яна Собеского, не пользовался популярностью, против него возникло мощное оппозиционное движение, в любой момент он мог лишиться трона. А тут еще неудачная война со Швецией. И вот уже в Польше два короля и не ясно, какой из них, в конце концов, утвердится. В таких условиях к кому было присоединяться? А, кроме того, было совершенно очевидно, как реагирует народ на возвращение под польское ярмо. В случае же неудачи и в самой Польше вряд ли будут жаловать изменника. Мазепе совсем не хотелось повторять судьбы своих предшественников, Выговского и Богуна, получивших в благодарность за свое предательство неправый суд и позорную казнь... Частые посылки в Польшу и обратно продолжались в течение всего срока его гетманства, но так ни к чему и не вели. Приходилось выжидать благоприятного случая и продолжать играть роль «верного Царского слуги»...

После того как в окопах Воли, окруженных шведскими войсками, немногочисленный съезд шляхты провозгласил польским королем ставленника Карла XII познаньского воеводу Станислава Лещинского (12 июля 1704 г.), междоусобная война в Польше разгорелась с новой силой. Впрочем, на отношении польских правительственных кругов к своему тайному доброжелателю это не отразилось: с Мазепой по-прежнему поддерживали самые тесные контакты. Менялись только лица, которым поручалось это важное дело. В 1705 году, во время нахождения Мазепы в Дубно, близкие отношения с ним установила княгиня Дольская, мать князя Вишневецкого, активного сторонника Лещинского. С нею гетман имел длительные дневные и ночные конференции. Затем связь поддерживалась через секретную переписку, для ведения которой Мазепа передал Дольской ключ специальной цифровой азбуки. В одном из

таких цифровых писем княгиня уверяла гетмана, что «*послала куда следует с донесением об истинной вашей приязни*». В дальнейшем эта переписка приобретала все более интенсивный и откровенный характер. В 1706 г. в Минске Мазепа получил еще маленькое цифирное письмо от княгини, извещавшей, что какой-то король посылает к нему свое письмо. Будучи в Киеве, гетман получил очередное послание от Дольской. На этот раз она просила его непременно начинать преднамеренное дело и убеждала, что он может быть совершенно уверен в скорой помощи от целого шведского войска и в исполнении всех своих желаний, на что придется к нему *ассекюрация* (обеспечение) короля Станислава и гарантия короля шведского... Для Мазепы, наконец, наступала решающая минута.

Внешние обстоятельства складывались для него как нельзя лучше. Внимательно отслеживая происходящее, он не мог не прийти к выводу, что положение Петра I становится все более безнадежным. В военном противостоянии России и Швеции очевидно наступал решающий перелом в пользу последней. 26 августа 1706 г. Карл XII вступил в Саксонию, наследственное курфюрство короля Августа. 10 сентября он уже был у Лейпцига. Никакого серьезного сопротивления саксонцы ему не оказали, несмотря на беспрецедентный грабеж и реквизиции шведской армии. Сам Август находился в это время в Литве в районе Новогрудка и единственным средством сохранить свои наследственные владения считал срочное заключение мира на любых условиях. 14 сентября в замке Альтранштадт его комиссары их подписали: Август отрекался от польской короны, обязывался признать польским королем Станислава Лещинского и разорвать союз с Русским Царем. Шведская армия временно оставалась в Саксонии, где и содержалась на счет саксонской казны. В дальнейшем именно саксонское золото обеспечит финансирование шведского вторжения в Россию. Карл XII столь обильно поживится им в Саксонии, что когда 27 июня 1709 г. русские кавалеристы ворвутся в неприятельский ретраншемент у полтавского вала, то в личном помещении бежавшего с поля битвы короля найдут еще два миллиона саксонских золотых ефимков... Впрочем, до этого еще далеко, а пока Карл XII в зените славы...

Окончательное военное поражение России теперь, после потери последнего союзника, всей Европе представлялось очевидным. Молодой шведский король обрел славу «непобедимого», его величали не иначе как «северным Ахиллесом» и «Александром Македонским». Знаменитый английский полководец герцог Мальборо, лично явившись к Карлу в Саксонию, не скупился на самые льстивые дифирамбы по его адресу: «Если бы пол не препятствовал моей королеве, то она бы сама приехала сюда, чтоб видеть государя, возбудившего удивление всей Европы; я, ее подданный, в этом случае счастливее ее и был бы еще счастливее, если бы мог совершить несколько походов под знаменами вашего величества, чтоб дополнить мое военное воспитание».

Визит герцога был связан с конфликтом, который неожиданно возник у Карла XII с австрийским императором. Находясь в Альтраштадте, шведский король вдруг выступил с угрозами в адрес Австрии, которая, по его мнению, нарушала права протестантов, проживавших в Силезии. Англия и Голландия, разумеется, поспешили затушить назревавший конфликт из опасения потерять союзника в войне против Франции. Дело кончилось тем, что император должен был уступить требованиям Карла. Но, невзирая на это, шведский король демонстративно проследовал со всей своей армией через принадлежавшую Австрии Силезию, и император был безмерно рад, что он там не задержался. Это был момент, когда Карл XII делал в Европе почти все, что хотел. Его дерзость терпеливо сносили даже такие монархи, как австрийский, не говоря уж о более слабых государях. Его слава затмила славу его знаменитого предка Густава Адольфа, героя Тридцатилетней войны, которому он старался подражать. На этом сияющем фоне Россия и ее Царь представлялись шведскому королю ничемными противниками. Он откровенно хвастался, что скоро сможет навестить «варваров» в самой Москве, не теряя времени на осаду Нарвы и других городов, занятых Русскими, и заключит с Россией мир по-саксонски, свергнув Петра с престола и посадив на его место принца Якова Собеского.

Меры, предпринимаемые русским правительством, только укрепляли уверенность всех в том, что, именно по этому сценарию и пойдет дальнейший ход событий.

Петр лихорадочно рассылал по всем европейским дворам посольства искать союза против шведского короля или примирения с ним. При этом он готов был уступить почти все свои завоевания, сделанные в Прибалтике, выговаривая для себя лишь Петербург и Орешек, за которые был готов заплатить огромные деньги. Но эти попытки ни к чему не привели. В Европе шла своя война, и никто не желал вмешиваться в шведско-русский конфликт. Неудача на дипломатическом фронте, повлекла за собой целую серию оборонительных мероприятий внутри страны. Спешно укреплялся Киев, где денно и нощно тысячи казаков с кирками и лопатами торопились завершить строительство «фортеции». Сильные укрепления возводились за Днепром и Двиной. До 20 тыс. человек производили крепостные работы вокруг Москвы и в самом городе. Градоначальнику был послан строжайший указ: построить у Никольских и Спасских ворот редан, а за рвом у Спасских ворот еще контрэскарп, от Неглинной до Москвы-реки соорудить везде больварки и контрэскарпы и установить, где нужно, артиллерию. В спешном порядке укреплялись Можайск, Серпухов и Троице-Сергиев монастырь.

Мазепа тем временем наблюдал и анализировал. Ошибки быть не могло: длившаяся уже столько лет война близилась к своей развязке, и предсказать ее победителя не составляло труда. Да и все его польские корреспонденты, превознося до небес военный гений «непобедимого Карла», в один голос утверждали то же самое. Значит, час пробил. После стольких лет опасного балансирования на краю бездны под вечным страхом в любую минуту низвергнуться в нее, когда приходилось тщательно скрывать свои самые заветные мысли и желания и ежечасно ждать неминуемого разоблачения, можно было, наконец, вздохнуть свободней и сбросить порядком надоевшую личину беззаветно услужливого царского гетмана.

Он отправляет посланца в Саксонию, где в тот момент находился Станислав Лещинский вместе со своим патроном, шведским королем. Роль курьера выполнил иезуит Заленский, капеллан княгини Дольской. Он же доставил ей и ответ. 16 сентября 1707 г. в Киеве Мазепа получил вместе с письмом от Дольской и письмо от Лещинского, который, кроме того, приказал словесно пе-

редать гетману, чтобы тот начинал замышленное дело прежде, чем шведы приблизятся к русским границам. Еще иезуит привез проект трактата с Мазепой и со всем войском Запорожским. Княгиня просила гетмана прислать за ним какое-нибудь доверенное лицо.

Но не тем человеком был Мазепа, чтобы вот так сразу, очертя голову, не обеспечив запасных позиций, на которые всегда можно было бы отойти в случае неудачи, бросаться осуществлять столь рискованное предприятие. Что значит «начать прежде, чем шведы приблизятся к русским границам»? Он столько лет ждал подобного момента, подождет еще немного, когда все определится окончательно. 18 сентября гетман пишет Станиславу, что не может выполнить его указаний и начать что-либо по целому ряду причин. Киев и другие фортеции в Малороссии снабжены большими гарнизонами, под которыми казаки, как перепелица от ястребов, не могут головы поднять. Да и сам он всегда имеет при своей особе несколько тысяч царского войска, которое бодрым оком смотрит на все его поступки. Кроме того, все русские силы сосредоточены в Польше, близ малороссийских границ. Самусь с прочими полковниками, старшинами и казаками правобережной Украйны, по недавних бунтах опасаясь от войск польских отмщения, едва ли могут склониться к Речи Посполитой: для того надобно прежде стараться войско и целый народ по обеим сторонам Днепра привести к единомыслию. Да и сама Речь Посполитая все еще раздвоена. Мазепа просил, чтобы Станислав прежде постарался привести в единство польскую Речь Посполитую настолько, чтобы она единогласно признала его своим государем и королем. Одно он, впрочем, обещал твердо: не вредить ни в чем интересам Станислава и шведских войск.

Но месяц спустя он высказывается намного определеннее. Как свидетельствует придворный проповедник Карла XII лютеранский пастор Нордберг, в октябре 1707 г. у короля Станислава Лещинского был тайный посланец от Мазепы, какой-то низложенный архиерей, болгарский или сербский, странствовавший под видом собирателя милостыни для церковных нужд. Настоящая цель его поездки была известна только четырем лицам: двум королям — шведскому и польскому, самому Мазепе и еще одному польскому пану. Посланец от имени Мазе-

пы заявил: «Всем известно, что московские ратные люди большие трусы, и хотя хвастают, что с твердостью будут ожидать нападения от шведов, но всегда разбегаются. Мазепа предлагает королям шведскому и польскому свое содействие и заранее обещает устроить мосты для шведского войска, если короли станут покровительствовать его намерению. Московское войско, которого будет в Украине тысяч шесть или семь, все будет истреблено». Станислав через посланца поблагодарил Мазепу за преданность, уверил, что будет хранить в тайне его предложения, и обещал на будущее время вести с ним тайные сношения до тех пор, пока казакам можно будет открыто объявить о разрыве с Москвой.

Свидетельство Нордберга очень важно. Пастор сопровождал Карла XII во всех походах и был близким очевидцем важнейших событий, происходивших вокруг шведского короля. После Полтавского разгрома он вместе с другими своими соотечественниками, стремясь избежать плена от калмыков, угрожавшего оставшимся на поле боя шведам, добровольно сдался русским. Свое сочинение «История Карла XII», где он шаг за шагом излагает бурную жизнь шведского героя, он издал уже в 1728 г., по свежим следам, и в этом главная его ценность: автор максимально приближен к тем событиям, которые описывает. Нордберг фиксирует очень важный момент в намерениях Мазепы, когда тот уже переступил ту роковую черту, за которой тщательно взвешивают все «за» и «против». Он окончательно решился, отбросив все сомнения. Ему уже было за шестьдесят, и жизнь воистину предоставляла последний шанс вознестись на самую вершину богатства и почестей, о которых он мечтал с самой своей юности. А теперь ему как никогда хотелось достигнуть исполнения своих заветных желаний, ибо, невзирая на преклонный возраст, душой Ивана Степановича владели страсти совсем нешуточные.

В 1703 г. Мазепа овдовел, а год спустя неожиданно сделал предложение дочери генерального судьи Кочубея Мотре. Мазепа и Кочубей были давними знакомыми, вместе служили еще у Дорошенко. Совместно участвовали они и в свержении Самойловича. Тесные отношения поддерживали и после того, как Мазепа стал гетманом. Мазепа женил своего племянника Обидовского на дочери Кочубея Анне. Сам Кочубей занимал дол-

жность генерального судьи, а в отсутствие Мазепы даже наказного гетмана. Мазепа же выхлопотал для него жалованные грамоты на обширные поместья. И вот в 1704 г. их разделила непримиримая вражда. А причиной стало скандальное предложение Мазепы. Его скандальность и даже оскорбительность заключались в том, что Мотря была крестной дочерью Мазепы, и с церковной точки зрения подобный союз представлял не просто блуд, но и кровосмесьничество. Понятно, что родители с негодованием отвергли кошунственное предложение. Но иначе отнеслась к делу Мотря. Трудно сказать, что пленило сердце молодой девушки — дорогие подарки или честолюбивое желание стать гетманшей, — но чувства начальственного старца нашли самый благоприятный отклик в ее душе. Не отказался от своих домогательств и Мазепа. Между ними установились тайные сношения. Через своего служителя Демьяна старый греховодник неоднократно посылал Мотре подарки и любовные послания. Такое, например: *«Моя сердечная коханая Мотроненько! Поклон мой отдаю вашей милости, мое серденько, а при поклоне посылаю в.м. гостинца, книжечку и обручик диамантовый. Прошу тое завдячне прийняти, а мене в любви своей неотменно ховати нем, дасть Бог, з липшим привитаю. За тим целую уста королевици, ручки беленькие и все члонки тельца твоего беленкого, моя любенко коханая»*. К этим откровенно сексуальным посланиям великовозрастный развратник добавлял и соответствующие просьбы: то прислать ему рубашку с ее тела, то монисто с шеи.

Понятно, что эта связь не могла долго сохраняться в секрете, скоро о ней стало известно не только родителям, но и многим посторонним. Поползли слухи, скабрезные домыслы, обраставшие самыми непристойными подробностями. Оскорбленные родители пытались усостыжить непутевую дочь, но та не внимала ни мольбам, ни угрозам. Более того, в ответ на родительские упреки взяла — и сбежала к Мазепе, удвоив их позор и унижение. «Делалось ли подобное с кем-нибудь из тех, которые живали при своих региментарях чиновно и не чиновно! — с горечью писал Кочубей Мазепе. — Горе мне мизерному и всему заплеванному! Обратилась в грусть надежда моя найти себе в дочери будущую утеху! Омрачился свет очей моих; обошел меня кругом мерзо-

стный студ; не могу прямо смотреть людям в лицо; срам и поношение окрывают меня перед ближними и домашними! Всегда с бедною супругою своею плачу от сокрушения».

Но Мазепа и сам стал понимать, что дело приобретает опасный оборот, поэтому отправил Мотрю назад, к родителям, но, отправив домой, не прервал с нею переписки, по-прежнему маня дорогими подарками и обещаниями. Да и та нисколько не каялась в содеянном и отнюдь не смирилась со своей участью. На Мазепу обрушились упреки: зачем отослал обратно в родительский дом! Тому приходилось оправдываться и извиняться: «Мое серденко! Зажурилися, почувши от девки (присланной Мотрею. — С.Р.) такое слово, же ваша милость за зле на мене маешь, же вашу милость при себе не задержалем, але одослал до дому; уважь сама, щоб с того виросло: першая: щоб твои родичи по всем свете разгосили, же взяв у нас дочку у ноче кгвальтом и держит у себя место подложнице. Другая причина, же державши вашу милость у себе, я бым не могл жадною мерою витримати, да и ваша милость также, мусели бисмо изсобою жити так, як малжинство кажет, а потом пришло бы неблагословение од церкви и клятва, жебы нам с собою не жити».

Впрочем, это была лишь минута, когда он мог здраво судить о ситуации, которую сам же и создал. Преступная страсть не оставляла его, и он продолжал прельщать и соблазнять предмет своих похотливых вожделений. «Мое сердце коханое! Сама знаешь, як я сердечно шалене люблю вашу милость; еще никого на свете не любив так; мое б тое щасте и радость, щоб нехай ехала да жила у мене, тилко ж я уважав, який конец с того может бути, а звлаща (особенно) при такой злости и заедлости твоих родичов? Прошу, моя любенко, не одменяйся ни в чем, яко юж не поеднокрот слово свое и рученку дала есь, а я взаємне, пока жив буду, тебе не забуду». Теща себя надеждою каким-либо образом добиться желаемого, он распаял такие же надежды и в соблазненной девице, а та совсем уж взбесилась: как безумная металась по дому, плевала в отца и мать, а те приписывали эти дикие выходы влиянию чар. Имело место чародейство или нет, но атмосфера в Кочубеевом доме достигла взрывоопасного напряжения: между родителями и дочерью вста-

ла стена не просто отчуждения, а самой настоящей вражды. Особенно обострились отношения Мотри с матерью.

А Мазепа продолжал подливать масло в огонь и с явной издевкой писал несчастному отцу: «Пан Кочубей! Пишешь нам о каком-то своем сердечном горе, но следовало бы тебе жаловаться на свою гордую, велеречивую жену, которую, как вижу, не умеешь или не можешь сдерживать: она, а никто другой причиной твоей печали, если какая теперь в доме твоём обретается. Убегала св. великомученица Варвара пред отцом своим, Диоскором, не в дом гетманский, но в подлейшее место, к овчарам, в расселины каменные, страха ради смутного». Он не только поучал несчастного Кочубея, но и без всякого стеснения его запугивал: «Не можешь никогда быть свободен от печали и обеспечен в своем благосостоянии, пока не выкинешь из сердца своего бунтовничьего духа, который не столько в тебе от природы, сколько с подушения женского». Рядом с угрозами соседствовало полное оправдание содеянному и наглое отрицание своей вины: «Если упоминаешь в своем пашквильном письме о каком-то блюде, то я не знаю и не понимаю ничего, разве сам блудишь, когда жонки слушаешь».

Понятно, что всю информацию о том, что происходило в доме Кочубея, старый паскудник черпал из писем своей пассии, которая особенно жаловалась на суровое обхождение матери. Мазепа приходил в бешенство и кричал о мщении. «Сам не знаю, — писал он Мотре, — що з нею, гадиною, чинити? Дай того Бог з душею разлучив, хто нас разлучает! Знав бы я, як над ворогами помститися, толко ти мене руки звязала. Прошу и велце, мое серденко, яким колвек способом обачься зо мною, що маю с вашей милостью далее чинити; боюж болш не буду ворогам своим терпети, конечно одомщение учиню, а яке, сама обачишь».

Мазепа никогда не рассеивал угроз просто так. И Кочубей прекрасно сознавал, какая смертельная опасность нависла над ним и его семьей. Он поспешил предупредить неотвратимый удар. В сентябре 1707 г. в Преображенский приказ явился иеромонах севского Спасского монастыря Никанор, который поведал следующее. В июле ходил он с товарищами на богомолье в Киев, а на возвратном пути, в Батурине, наказной гетман Василий

Кочубей с женой пригласили его к себе. Во время встречи «Кочубей с женою начали гетмана Ивана Степановича Мазепу бранить: бездельник он был... сын и беззаконник! Я у них спросил: за что они гетмана бранят, и какой он беззаконник? И они говорили: хотел он нашу родную, свою крестную дочь взять замуж; мы ее за него не отдали, потому что она ему крестная дочь, и он, зававши ее к себе в гости, изнасиловал. После этих слов жена Кочубеева послала мужа из сада на двор к челобитчикам, а сама вышла со мною из шатра, взяла меня за руку и, идя со мною по саду, говорила: такой он, гетман, вор, хотел нас разорить. Был у нас в доме на именинах мужа моего, 1 января, и говорил нам, для чего мы своей дочери за него не отдали? И я ему говорила: полно тебе коварничать! Не только ты дочь нашу изнасиловал, ты и с нас головы рвешь, будто мы с мужем переписывались в Крым... Если бы, говорила Любовь Кочубеева, великий государь шел чрез Батурин, то я бы на гетмана сама побила челом и обо всем донесла». 27 августа по приглашению четы Кочубеев у Никанора состоялась еще одна встреча с ними. После того, как по просьбе Кочубея он поцеловал крест с обещанием не выдавать его, пришла Кочубеева жена, принесла крест благословящий, писанный на деревянной доске, и говорила с великим плачем: «Как Бог страдал на кресте за нас, так и нам надобно умереть за великого государя! Все мы трое поцеловали крест, и Кочубей стал мне говорить: гетман Иван Степанович Мазепа хочет великому государю изменить, отложиться к ляхам и Московскому государству учинить пакость великую, пленить Украину, государевы города. Я спросил: которые города хочет пленить? Кочубей отвечал: об этом я скажу, а ты ступай в Москву и донеси боярину Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину немедленно, чтоб гетмана захватить в Киеве, а меня бы уберечь, чтоб гетман меня не убил».

И этот донос не возымел никакого действия. Неизвестно даже, вышел ли он за стены Преображенского приказа. Доносы на Мазепу стали привычными и, по устоявшемуся у Царя и высших придворных взгляду, очередной из них также был отнесен на счет не утихавшего в Малороссии недоброжелательства к гетману. К тому же Кочубея легко было заподозрить в желании отомстить за семейный позор, а в странном происшествии с его

дочерью вообще никто не хотел разбираться. Благоволение Царя и его ближайших сподвижников надежно оберегало предателя. А кроме того, и момент был не тот, чтобы донос, не подкрепленный реальными фактами, привлек чье-либо внимание, — были проблемы поважнее. В мае 1707 г. Карл XII покинул Саксонию и двинулся к русским границам. Его армия не просто отдохнула, но благодаря саксонским деньгам сильно поправила материальную часть потрепанных в прошлых битвах полков, а также полностью обмундировала и вооружила многочисленных новобранцев, прибывших из Швеции. Теперь эта армия двигалась на восток, и все внимание было сосредоточено на мерах по отражению ее вторжения в Россию.

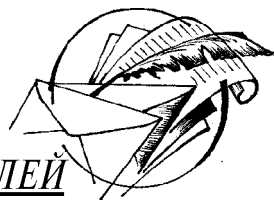
Продолжение следует

КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ?..

У нас все равны, но некоторые — равнее.

Уже сейчас можно говорить о созревающей в России системе негласного апартеида, при которой русским уготована роль угнетаемого большинства. Уже сейчас в Москве есть целые кварталы, в которых инородцев и иностранцев — большинство, и большинство из них — нелегалы. Завтра на месте этих кварталов будут... нет, не гетто, в гетто живут бесправные негры, а это будут кварталы, в которых станут жить «хозяева жизни», высшая кавказская раса, «орлы и волки». В этих местах законы РФ действовать не будут. В этих местах будут действовать расово верные «законы гор».

День сегодняшний — Светлана Валерьевна Гоголевская, 1968 года рождения, коренная москвичка. Окончила музыкальное училище, Московскую консерваторию по классу фортепиано, затем аспирантуру по классу концертмейстерства. Еще в музыкальном училище, после педагогической практики, заинтересовалась педагогикой, начала искать себе учеников и подраба-

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

тывать преподаванием музыки в разных местах. Ей нравится работать с детьми, она всегда легко находит с ними общий язык.

В 1994 году появляется на свет сын Саша — после этого Светлана прекращает концертную деятельность, целиком отдавая себя педагогике и воспитанию сына. Дело в том, что в 2001 году ее сын Саша заболел. Он начал хромать, ему становилось все труднее ходить. Обнаружили болезнь Пертеса — разрушение тазобедренного сустава. Сделали сложную операцию, потом вторую... В общей сложности Саша больше года провел в больнице, и несколько лет — в инвалидной коляске. Сейчас он нормально ходит и живет более или менее полноценной жизнью, однако остается инвалидом; ему запрещены физические нагрузки. Постоять за себя ему гораздо труднее, чем обычному мальчишке.

В сентябре 2007 года Светлана Валерьевна стала учительницей музыки в школе, где учился ее сын. Скоро Светлана Валерьевна начала замечать царящую в школе нездоровую атмосферу — дело в том, что среди учеников сложилась прослойка «богатеньких» — детей богатых и влиятельных родителей, считающих, что они здесь хозяева и могут вести себя как угодно. Эти дети могут терроризировать других учеников, вступать в открытые конфликты с учителями — администрация школы при этом либо сохраняет нейтралитет, либо встает на их сторону.

А потом Светлану Валерьевну угораздило поставить четверку одной из своих учениц. Разъяренный отец девочки, Шукюр Азиз-оглы Тагиев, отправился к директору. Директор, по словам С.В., вызвал ее к себе и сказал буквально: «Тагиевым меньше пятерки ставить нельзя!» Дело в том, что Шукюр Тагиев — человек непростой; в школе о нем рассказывали, что он контролирует все овощные рынки столицы.

Однако решать профессиональную дилемму Светлане Валерьевне не пришлось: Тагиев просто запретил своей дочке ходить на уроки музыки, и больше она на уроках у С.В. не появлялась.

Конфликт имел иное продолжение. Сын Тагиева Камран, учившийся в 7-м классе вместе с сыном С.В. Александром, начал травить и изводить Сашу. В этом ему помогали друзья — Сергей М. и Савелий П., а также Рам-

зан М. — чеченец, сын чиновника из московской мэрии, еще одна «головная боль школы».

16 мая С.В. вместе с другими учителями сопровождала школьников на экскурсию. Камран со своими приятелями вел себя из рук вон плохо, и она делала им замечания. Видимо, это и вывело его из терпения. На следующий день, 17 мая, Саша позвонил матери после последнего урока, попросил срочно приехать в школу и забрать его. Он не стал объяснять, что случилось, но по голосу Светлана поняла: что-то очень серьезное. У дверей школы их встретили Саша и его друг Женя Емельяшенок. Саша еле стоял на ногах и не мог говорить: он держался за живот, под обоими глазами набухали синяки. На глазах у матери его вырвало.

Женя объяснил, что после последнего урока, когда все выходили из класса, Рамзан М. оттолкнул Сашу от двери, сказав: «Сейчас Камран тебе врежет, и пойдешь». Камран в сопровождении своих дружков подошел к Саше и нанес ему несколько «прицельных» ударов в голову и в живот (он занимается борьбой и умеет драться профессионально).

После этого инцидента Светлана, разумеется, немедленно забрала сына из школы и ушла оттуда сама — благо был уже конец учебного года. Из больницы был направлен документ в милицию. Против Камрана, как несовершеннолетнего (на момент избиения ему было 13 лет), не могли возбудить уголовное дело, однако поставили его на учет. А 26 августа, вернувшись с дачи, Светлана обнаружила у себя в почтовом ящике повестку в суд по двум уголовным статьям — ч.1. ст.116 (нанесение побоев) и ч.1 ст.130 (оскорбление чести и достоинства).

В своем заявлении Тагиев утверждал, что Гоголевская уже давно преследует его сына, и особенно подчеркивал, что, по его мнению, ею двигали не только личная неприязнь, но и национальная ненависть. Сложно сказать, что сподвигло Тагиева на такой поступок — возможно, то обстоятельство, что он собирался отправить сына учиться в МГИМО, а документально зафиксированный в милиции эпизод с избиением Саши мог помешать Камрану попасть в этот престижный вуз.

Суд признал учительницу виновной по всем статьям. Она должна выплатить 4 тысячи рублей штрафа и 1 тысячу рублей компенсации за моральный ущерб потер-

певшему. По слухам, отец потерпевшего намерен был обжаловать это решение: сумма компенсации его не устраивает.

Так и закончилась бы эта грустная, но характерная для дня сегодняшнего история, если бы дело не получило широкую огласку. В настоящий момент делом занимается Русское Общественное Движение, которое, к примеру, помогло отстоять права и свободу москвички Александры Иванниковой — той самой, что, защищаясь, убила водителя-насильника, армянина по национальности, и была преследуема армянской диаспорой. Хочется верить, что закон в России перестанет быть дышлом, а разговоры о правовом государстве — только разговорами.

МИНИАТЮРЫ

КАРТОШКА

Было засушливое и не по-сибирски жаркое лето. В начале июня, посадив картошку, уехали на крымское побережье отдыхать, а когда вернулись через месяц, картошка уже отцветала. С окучиванием опоздали. Но все же огребли хилые кусты сухими горячими комьями.

Давно не помнили здесь такого пекла: как на склонах у Черного моря, все пожелтело, иссохло...

И narosло картошки мало — мелкая, неровная, как говорят в наших краях, худая. К радости нашей, осталось ведер пятнадцать-двадцать старой, прошлого урожая. На нее и положили все надежды. В глубоком погребке крупные клубни лежали как свежие.

Крепкие белые ростки начали появляться у прошлогодней лишь в октябре-ноябре. Мы их раз обломали, перебрали всю картошку, и она снова лежала до...

Заглянул однажды в отсек из горбыльков, поразился: клубни вновь проросли. А прошло с неделю, не больше. На этот раз пус-

ПРОЗА

тили не ростки, а гроздья клубеньков. Самый большой с грецкий орех или виноградину, а там — поменьше, мельче и совсем горох.

Новый урожай — надо же! Сама же старая картошка оставалась вполне съедобной, хотя ядреность и вкус уже не те.

Пришел, стало быть, срок и дала потомство. И прибавляли детки в росте очень быстро. Посмотрел через недельку: те клубни, что были с орех, стали совсем ладными, крупнее голубинового яйца, а на некоторых — до куриного доходили.

Какая же сила, думал, сидя в прохладном погребок, заложена природой в этих неживых холодных клубнях, если они в таких неподходящих (считай, в полной темноте) условиях с такой настойчивостью совершают то, что им положено.

А еще подумалось: как бы не взрывоопасна оказалась земля и малопригодна для обитания человека, жизнь наша не иссякнет, не прекратится, раз есть на ней картошка!

НАПОМИНАНИЯ

А какие схожие лица встречаются иногда — до внутреннего содрогания, до мистических предчувствий.

Стою как-то в очереди за авиабилетом — смотрю, приближается... однокурсник институтский подходит. Оттанавливается рядом, во взгляде раздумье: отстаивать такую длинную очередь или уходить? Смотрю, не отрываясь, сравниваю, улавливаю полную схожесть черт лица: знаю, что однокурсника нет в живых. «Господи, — шепчу про себя, — неужели может быть такое... Будто явление оттуда, из небытия».

Похожий на однокурсника, разумеется, ничего не подозревает и не мешает мне воскрешать многолетние давности. Во мне вдруг вспыхивает прозрение: а может все люди вообще одинаковые? Что их в сущности своей разнит друг от друга? Рождаются, живут, умирают — и ничто и никто не в силах помешать этому постоянству неизбежности.

Вечерами часто хожу на речной бульвар, особенно в летнюю пору, когда там толпы народа — пассажиры на кораблях и у причалов, отдыхающие и праздные, трез-

вые и пьяные, молодые и старые. Когда-то я встретил здесь одного человека. Проговорили мы, помню, целый вечер. Ах, этот бархатный августовский вечер на решетчатом диване у причальной стенки под мягкий плеск воды... все помню до подробностей — лицо в улыбке, глаза ее, пухлые губы, до которых я не посмел коснуться в тот первый вечер. А больше мы и не виделись, хотя я и делал все, чтобы разыскать ее. Не судьба.

Несколько лет спустя попадаетея однажды здесь же, на бульваре, женщина на глаза, так похожая на ту, так похожа, что я подхожу и спрашиваю. Но, увы, это другая. И все равно я ее до сих пор ищу в толпах, слежу, высматриваю. И иногда везет мне: вот она идет с малышом, потом вижу с девочкой на руках и с тем же мальчиком, но уже повзрослевшим. А затем и обоих ребятшек, совсем повзрослевших...

В нашей жизни мы берем себе в утешение то, что больно напоминает нам наше прошлое. И многое связываем в этих случайных и неслучайных напоминаниях с нашим душевным состоянием сегодняшним и завтрашним. Даже находим символы веры и уверенности в себе — до суеверия.

Не раз поражался еще одной схожести лиц. Живет в столице знакомый. Неплохой специалист, большой книжник. В прежние, доперестроечные времена, когда ни зайдешь в его тесный кабинет, бросался в глаза за креслом, почти на уровне головы, миниатюрный портрет вождя в золоченой рамке под стеклом. Лицо хозяина кабинета навязчиво копирует черты лица портретного: такая же лысина, скулы, усы, бородка, прищур узких глаз — гений человечества и его отражение. Схожесть эта демонстрировалась как бы невзначай, как само собой разумеющееся, так как эти портреты висели и висят почти в каждом кабинете чиновников до сих пор.

А недавно приехал в столицу, заглянул к знакомому в кабинет — нет портрета на уровне головы. А лицо хозяина кабинета неузнаваемо изменилось: усы, бородка сбриты, на темя с затылка начесаны три жидких пряди. Сидит блеклый, мятый, растерянно шурит припухшие глазки — нет лица, и нет человека, который с тайной гордостью всю жизнь носил в себе напоминание значимости и величия.

Напротив моего дома, сразу за железнодорожной веткой, цеха станкостроительного завода — старый, низкий и длинный, и новый с большими окнами, из стекла и бетона.

Всякий раз в обеденное время наблюдаю из своего окна на четвертом этаже одну и ту же картину: рабочие трусцой бегут по бурьяну к забору, шмыгают в дырку и спешат к столовой. До проходной им идти неохота, она находится далеко, поэтому многие таким образом сокращают путь и время.

Не заметил, когда в заборе появилась свежая заплатка из досок. Их, этих заплаток, уже немало, почти через каждые два-три метра — весь забор исполосован, хотя весной его покрасили, и выглядел он неприступной темно-зеленой стеной.

С моей верхотуры забавно смотреть, как черные фигурки перебираются через высоченную преграду. Одни перемахивают легко, другие преодолевают с трудом, цепляются, висят, шмякаются в полынно-крапивные заросли. С той и с этой сторон появляются ящики, всякие подставки, лесенки. Но чаще всего в заборе выбиваются доски.

Не замечал ни разу, когда появляются и эти заплатки, и эти дырки. Но сегодня посчастливилось: крупный парень или мужчина наступил на ящик, подпрыгнул, чтобы ухватиться за верхнюю кромку, и... сорвался, скатился к самой насыпи. Встал, осмотрел руку, похоже, ободрал, отряхнулся, поозирался вокруг, походил вдоль линии туда-сюда, нашел кусок трубы или железяку и снова пошел на приступ. На этот раз он отпихнул ногой ящик, заложил в забор железяку, выворотил снизу доску. Даже я услышал, как взвизгнули гвозди. Таким же путем отлетела в кусты вторая и третья доски. Парень, отбросив железяку, спокойно прошел через дыру и направился к низкому зданию цеха. Все остальные, те, кто шел с завода и из столовой, уже проходили через дыру спокойно и неторопливо, как будто она, эта дыра, была всегда.

А ведь чего проще, кажется, там, где так часто люди ломают заборы, сделать калитку, чтобы она хорошо и вовремя открывалась и закрывалась. Столько напрасных трат досок, людских усилий и, главное, морального ущерба от

мысли, что все это воспринимают как безобразие и все терпят и сносят как должное неизбежное. Неужели нельзя, думал я с какой-то безнадежной и черной досадой, считая вслух заплатки на заборе. Неужели?..

Через несколько дней, смотрю, дырка снова оказалась запечатанной, а на следующий день — вновь дыркой...

И так повторяется уже восемь лет — это с того момента, как я поселился в этом доме. А заводу скоро исполнится сто лет.

СЕЛЬСКАЯ ЛАВОЧКА

После того как у Алексея Кондратова «лопнула» коптильня, он сильно загрустил, запил и не знал, куда себя деть. Лежал на диване в дядиной малухе, тарачил глаза на экран телевизора и ничего там не замечал: все мельтешило в рекламных передергах, в вихлянии и диких перестрелках, после которых все оставались живыми. Даже сексуальные стоны, голые зады и титьки не трогали, не занимали, потому что все это экранная чепуха, в жизни, он не раз убеждался, бывает другое и по-другому.

«Почему же так произошло? — размышлял он о своем коптильном деле, прокручивал в уме случившееся, обмозговывал каждый свой шаг от начала и до конца, когда и отчего «лопнуло» и убеждал себя: — Не могло так кончиться, не могло и все! Сам я виноват, сам допустил налоговиков... Гринька этот, гнида...» — при одном упоминании имени этого у него сами собой сыпались матерки.

Открыл Алексей коптильню два года назад в бытовке зернотока, который находился на задах дядиного огорода на пойменном обрыве. Как все перестроенное на развал, зерноток давно развалился — что растащили, что сторело или сгнило. Но бытовку шлакоблочную Алексей приватизировал, зарешетил окна, навесил железную дверь, отсыпку песчаную сделал.

Дядя, когда увидел хорошее начало, охотно включился в работу, хотя часто прихварывал. Но все равно на дню не раз ковылял на своей деревяшке туда-сюда по огородной меже, помогал, советовал. А Алексей дневал и ночевал в пристрое коптильни, раз ему поверил родной дядя Федя: его мнением, бывалого фронтовика, он всегда дорожил и прислушивался к каждому слову. Готовую продукцию хра-

нили в этой же малухе, в гараже, на чердаке — первое время она не залеживалась: секреты копчения Алексей изучил по книгам, ну и от отца и дяди многое узнал — копченые получалось качественное, шло нарасхват.

А последние полгода пошло... пошло-поехало, «как в кинке закрутилось», как говорит дядя. Хотя посмотреть на «копоть» приезжали из других районов и окрестных деревень, нюхали, пробовали, покупали, советовались.

«Нет, сам я виноват, сам, — ворочался на диване Алексей, ругал себя за явные промашки с закупкой, особенно с налоговиками. — Ох, попадись мне эти мерзавцы под пьяну руку...»

Алексей подумывал уже плюнуть на все и идти трактористом, пока предлагают, но внутри что-то кипело, протестовало: своим делом ведь занялся, своим! И не дали, гады!..

«Или положить на все с прибором и жениться, — раздумывал, глядя, как в телевизоре голые катаются на широкой постели. — Тянуть лямку, как все. С Танькой, конечно, покончено, больно командовать... свою дурь выказывала — довыказывала. И с Нинкой... тоже выпендривается, цену набивает. А-а, двадцать семь еще, не поздно это ярмо второй раз надевать», — подвел Алексей итог своим размышлениям.

В эти месяцы безделья утрами он часто ходил на автовокзал выпить пивка, прислушивался к разговорам. Покупал газеты, вчитывался во всякие заголовки: «Деловой человек на селе», «Сельский бизнес», «Товар — лицом», «Как стать...»

И именно здесь, на автовокзале, для Алексея родилось новое дело, но не из чтения газет, а от беседы со стариком Пашей, который торговал у входа метлами и деревянными лопатами.

— Ну и в целом у тебя, дядь Паш, есть выручка, оправдываются затраты?

— Да какие затраты!.. — хитро улыбнулся старик. — Пошел в березняк да нарезал прутьев... Хванеру, верно, сын достает в городе для лопат — это так.

— Ну и выручка, положим, в месяц? — пытал Алексей.

— Да прибавка к пенсии бывает, хоть не скажу... — неопределенно махнул рукой старик. — На бутылку—две выкраиваю. И старухе на проруху.

— Все, дядь Паш, буду брать у тебя лопаты оптом и по той же цене. Может, и метлы. Готовь к осени штук пятьдесят, сейчас-то кому они нужны, снег растаял. Заключим договорчик, оговорим пунктиками.

И помчался к дяде за советом.

Дядя Федя помозговал немного и идею племяша одобрил. К тому же квартирант съехал неделю назад, получил казенную квартиру. Сын писал из Нового Уренгоя, что он пока уезжать с севера не собирается, но просил половину больше никому не сдавать. Не сдавать — так не сдавать, толку от этих квартирантов, мусор да грязь от них, пожню вон разворотил, подлец, так и не едет ровнять.

Документы Алексей оформил быстро, все шло по накатанному, потому что кругом знакомые да друзья. Съездил в Курган, Шадринск и другие места, закупил что возможно: ассортимент получился широкий, начиная от деревянных лопат и кончая — в общем полный набор. Деньги... с деньгами обернулся, даже ссуду не стал брать. Дядя подкинул, свои добавил. А тут получилось, что выгодно продал моторную лодку и мотоцикл — наследство отцовское. Зачем они ему, если есть «жигуль» последней марки с прицепом?!

Вскоре по местному радио объявили, что в районном центре открылась новая и единственная в районе «Сельская лавочка» с полным ассортиментом инвентаря для приусадебного, садового и дачного хозяйств.

Вывеска с таким названием и с разноцветной яркой подсветкой в самом деле уже висела на доме дяди Феди. И торговля пошла ходко: май, как раз посевы-посадки, всем нужны были лопаты, грабли, вилы, рыхлители, поливашки и прочие орудия.

Однажды в лавку заглянул Гринька Кислов, или Григорий Яковлевич — так его теперь зовут-кличут. Весь такой тихий, нотный, как говорит дядя.

Алексей и Гринька учились в одной школе, правда, в разных классах, дружили одно время. А теперь Гриня заважничал, напялил кожаную, всю в модных бляхах, куртку — начальником налоговой инспекции сделался.

— Ну что, Алеша... — сказал важно-дружески, потоптался у прилавка, осмотрел витрины. — Все по уму, Алексей Батькович, по-хозяйски. Можешь не подавать декларацию в налоговую, весь этот товар налогообложению не подлежит.

— Не подлежит — тогда ладно.

Поговорили о том, о сем, и Гринька слинял. А недели через две снова явился, пошарил глазами по полкам и витринам, сказал с усмешкой:

— А эти часы, замки, чайники зачем, Алексей? Нарушение заявленной декларации налицо. Это облагается. Зайди завтра в инспекцию к десяти, — и ушел, подчеркнуто резко хлопнул дверью.

На следующий день Алексею вручили в налоговой предписание уплатить штраф за нарушение... Он шел обратно, матерился вслух на Гриньку, которого не застал, вручила бумагу соплюха Ирка.

Чуял нутром Алексей, что это для него — новый провал. Как тогда повадился в коптильню Гринька с сослуживцами-друзьями, уносили под мышками свертки, куски свинины, телятины, а когда коснулось... И теперь, гад, прилипнет, будет тянуть. Да и где взять деньги? Это разорение, канитель, долги.

И, посоветовавшись с дядей, Алексей решил быстро все свернуть. Переписал лавку на дядю и тут же ее ликвидировал. На следующий же день отвез в соседний район к другу почти весь товар, остатки свалил в сарай и развез по друзьям.

И подготовился к отъезду, погрузил в машину все свои вещички. Хотел сходить попрощаться с Нинкой, а потом раздумал. Привязал на резинку за локоть двухсотграммовый свинцовый слиток, пошел подкарауливать Гриньку.

И подкараулил. Подкараулил в этот же вечер в переулке недалеко от его дома: тот волокся изрядно пьяный. Ухватившись за лацкан куртки, Алексей развернул его и ударил со всего маху по скуле кулаком с зажатой свинчаткой.

Гринька упал кулем. Алексей пнул его два раза ногой и скорым шагом направился к дядиному дому.

С дядей и тетей Катей он распрощался, те спали уже. Машина стояла на обочине дороги. Алексей сел за руль, перекрестился и направился проселком в соседний район, чтобы быстрее попасть на южную трассу. Через два дня он намечал уже быть на Украине у старшего брата, который давно звал его к себе.

КРАСНЫЕ КОНИ

Среди ночи он проснулся в испуге, свесил ноги с кровати, позвал жену.

-
- Слышь, мать...
 - А-а... Ну чего? — пробудилась так мгновенно.
 - Мать, слышь, счас я видел во сне...

— Чего тебе не спится, хорек ты вонючий? Будишь спяну — то тебе мерещится, то шарашисься по углам. Спи!

— То-то вот... Вижу я, будто стригу бороду у Пантелеева. Стригу, значит, все как надо... Наверно, приснилось все это потому, что я сам состриг свою бороду к дню рождения, зря поддался на твою просьбу: мужик без бороды — не мужик. Ну, стригу я, и будто прихватил у него кожу, он ойкнул — и я проснулся.

— Хватит молоть-то, ложись и спи, говорю! Пантелеев твой три года назад как помер. Стриг он...

— Так он спрашивает: «Почему не стрижешь до конца?» — «Так я проснулся», — объясняю я.

— Ложись, чего мелешь спяну?! Валенки хоть сыми и закройся одеялом.

— Нет, мне интересно... посмотрю, может, он в сенках...

— Кто в сенках? Не шарашься, ложись, ради Бога!..

— Я посмотрю...

— Ну, когда ты нервы мне трепать перестанешь? Сколько можно?!

— Нет его в сенках, — вернулся он, откинул шторку на окне, уставился в никуда.

В печной загнетке горела электроплитка, и от нее в кухонном окне отражался слабый красный свет. Он отодвинул занавеску полностью, взгляделся в лунную заснеженную пустоту поля.

— Вон тройка подъезжает красных лошадей, в кошевку запряжены, аха — это за мной, — сказал он смиренно, с тихой безнадежной грустью.

— Господи, наказание... — взмолилась жена, вставая с постели. С тревогой подумала: «Прости ты меня, если что, Господи! Он что... что с ним?» — и она тихо заплакала, жалко ей стало его. И себя. Прожили как-никак двадцать семь лет.

Он как будто услышал ее, отошел от окна, присел рядом. Завздыхал растроганно и сдержанно. Ему припомнилась вдруг свадьба — их свадьба.

Июль, жара, все веселые и пьяные, толкуются, пляшут и поют во дворе. А они, уже муж и жена, потихоньку ушли через огород — и лугом, густыми травяными за-

рослями добрались до речки. Разделись и плавали, пока не устали. Потом долго лежали в теплой, душевной траве.

Их искали, кричали, а они не отзывались: никого и ничего им в мире не надо было — так им было хорошо и спокойно.

Сейчас он ощутил в ее слезах, в ее сдержанных рыданиях трепет тех далеких дней. Сам всплакнул и почувствовал, что ему еще хочется побыть в этой жизни. И ночь эта для него не последняя.

Он подумал, что если тройка и в самом деле приехала за ним, то пусть уезжает обратно. Он выходить к ней не собирается.

ПРОШЛОГОДНИЙ СНЕГ

«Ох, и снегу нынче!.. — вздыхал Эдуард Платонович, пробиваясь через горбатый сугроб чуть ли не по пояс. — Хорошо, что ватники с напуском на унты, а то бы...» — Эдуард Платонович с благодарностью вспомнил о знакомом шофере, который подарил ему эти чудо-штаны.

Когда затопил печку в стильной избенке, разгрузил рюкзак, попил чаю, вышел с лопатой бороться со снегом. Рыл до обеда метровой глубины траншеи, рыл и после обеда и успел только к колодцу, до дороги, ну и во дворе. К бане отложил борьбу на завтра.

Улегся за печку рано с тяжелой ломотой во всем теле. И снилось, как отбрасывал в разные стороны сахарные ковалки. Потом стал складывать, сгребать снег перед воротами в одну кучу — получался огромный ворох. Когда он был почти завершен, подкатили три красных самосвала, молодые парни, не вылезая из кабин, спросили в один голос:

— У тебя, мужик, не найдется излишков прошлогоднего снега? Купим по сходной цене. Понимаешь, наша фирма сделала открытие: прошлогодний снег — лучшее сырье для аква дистиллятам. Усек?

Эдуард Платонович знал в общих чертах, что такое аква дистиллятам, но стоял в нерешительности, опершись на лопату, раздумывал.

— Ситуация на снежном рынке, сам видишь, пока не в пользу поставщиков, — выговаривал парень с заднего самосвала. — Излишки снега налицо, предлагаем реальную цену за самосвал. — И он назвал сумму.

— Согласен, — воскликнул без колебаний Эдуард Платонович, радуясь, что получит неплохие деньги.

Парни отсчитали купюры, подогнали экскаватор и начали грузить самосвалы. Не успели отъехать, как примчалась соседка баба Лиза, что жила напротив, закричала с дороги во всю улицу:

— Ты почему продал свой сахар, Эдуард Платонович?

— Какой сахар, баба Лиза, ты что... с печки упала?!

— Сгресли всю кучу, а себе ты что, себе-то что оставил?

Надо же летом на варенье... И деньги они тебе дали белые. Я из окна видела, надули они тебя, ты военный, а не...

Эдуард Платонович вытащил из кармана пачку денег — действительно, это были совсем белые, без всяких рисунков бумажки, хоть и хрустели.

Он швырнул их в снег и выругался вслух, хотя при людях, особенно при бабках, этого не делал.

И проснулся.

Встал, насунул валенки, откинул с окон занавески, оглядел заснеженный палисадник, проворчал:

«Надо же, бред всякий — самосвалы, снежный рынок, сахар...»

И тут же вспомнил про сахар: позавчера соседка по квартире вошла без стука, так как жили за одной железной дверью, с улыбкой проговорила:

— Сахару мешок купила, всего за триста, просили, правда, вначале четыреста, а потом... «Вы, — говорят, — бабки...» Внизу купили Вера Акимовна и эта из 140-й... Я хотела и вам сказать, но у них было три последних мешка.

А вскоре она же, соседка, вошла снова, лицо в слезах, руками трясет:

— Так они, паразиты этикие, что продали нам?! — запричитала. — Песку речного по мешку подсунули, ой-ей-ей, дожили до чего... Обман кругом. Главное, сами занесли, вежливые такие: да мы вам, вот вам, ах-ха... Сверху-то килограмма два сахару, а там...

Эдуард Платонович тоже намечал закупить с очередной пенсии мешок сахару к летнему урожаю ягод — вот так нарвешься, как соседка...

После завтрака он снова взялся за лопату, принялся пробивать ход к бане. Бросал комья в разные стороны, вспоминал сон.

«Вот она жизнь пошла, — размышлял, опершись на лопату. — Хочешь — торгуй прошлогодним снегом, хочешь — пей чай с речным песком... Рынок на дворе, дикий рынок...»

— Старик, ты никак спишь? — спросила старуха, входя в избу с полным подойником молока.

— Сплю, — отозвался Петр Степанович.

— Корова требует быка, а ты дрыхнешь без задних ног.

— А что я могу сделать? Я не бык. «Корова требует быка»,

— беззлобно передразнил он старуху, вставая с лежанки.

Вчера протапливали русскую, старуха пекла хлеба. Петр Степанович как привалился с вечера к теплому печному боку, так и проспал. Только один сон донимал: виделось все, как он с ребятами катается с горки на санках, приволакивается домой весь заснеженный, обледенелый и ложится вот на эту лежанку, и ему так хорошо спится под отцовской шубой...

— Господи, это к чему бы такой сон? — шепотом спросил себя Петр Степанович и присвистнул от удивления. — Фф-ю-у!.. Поблазнилось, аха... шестьдесят с лишком годов прошло.

— Это ты что там свистишь? — осведомилась старуха. — Грех в дому...

— Да так. Сны разгадываю. — И он поведал, какой сон его донимал.

— Это расставание с дорогим, — заключила старуха.

Петр Степанович накормил Тузика, кур, сам позавтракал, и только потом занялся Зорькой — подготовил крепкий ошейник, конец веревки. На выпас корову не пустили, она металась по пригону, клала на изгородь голову, прыгала, вздывала бока.

— Ну, ты, успокойся, шальная! — ругался Петр Степанович.

Вышел из пригона, облокотился на калитку, засмотрелся на заречную даль. Его не покидала загадка сна. «Что же такое наша жизнь на этой земле? Было и все прошло. Катался вот на санках во сне...» — поражался он, оглядывая все свое прошлое, которое представлялось сейчас как будто одним долгим мигом. Вот как этот лес заречный, стоит такой же, как в детстве, не насмотришься, не нарасуешься.

Подошла тихо старуха, стала рядом.

— Думается мне, мать, корову выводить придется нынче. Сил моих... Предел моим силам наступил. Если сын не приедет в июле, к покосу...

— Решай сам, отец, — покорно проговорила старуха. — Проживем, поди-ко. Нам банки на неделю не съесть. Хотя скушно без коровы мне будет.

В деревне на сегодня осталось семь коров и десятка три овец, а лет десять назад в деревенском стаде насчитывалось до полусотни коров. Держали и быков. Рядом, в трех верстах, была огромная ферма в полтыщи голов, теперь ни совхоза, ни фермы — полное разорение.

Петр Степанович сходил в конторку лесоучастка, позвонил в таежную деревню Талая, что в шести километрах. Там жил знакомый мужик. Подтвердили, что вроде держит быка, не вывел. Повел корову туда.

До тракта добрались благополучно. На перекрестке случайно встретился с другом сына, водителем автобуса Валерой. Корову припутал к столбу на обочине, пока разговаривали. Как только автобус укатил, она бешено рванулась, порвала веревку и, задравши хвост, уметнулась к лесу.

Петр Степанович отвязал обрывок веревки, рванулся вслед, да куда там — скрылась в чащобе, и след простыл. Он присел на обочине, всплакнул от досады и бессилия: как вот теперь ее загонишь, скотину дурную? И от старухи достанется, не довел до цели... накаркала старая... сон в руку.

Посидел, погоревал и с обрывком веревки отправился вслед за коровой. Поди, стадо где недалеко учуяла, ошалела. До деревни оставалось километра полтора. Брел, ворчал и не переставал любоваться на летнюю благодать полян и лесов.

С НОВЫМ ГАДОМ

Смоляков сразу же, как только протиснулся через заснеженную калитку во двор, сразу понял: опять были воры!

Пробрался сугробом к веранде — дверь распахнута. Замок он только навешивал на пробой, который тоже болтался, так как не за что уже было держаться ему, вырывали столько раз... В сарай тоже, похоже, заходили. И в предбаннике дверь распахнута...

— Действительно, с новым гадом, — проговорил Смоляков, входя в стылую избу.

Выражение это он только что услышал в электричке. Молодые парни сидели напротив, распивали с утра в

честь старого нового года бутылку, и один с бритой головой поднимал бумажный стакан, всякий раз хрипло выкрикивал на весь вагон: «Ну, с новым гадом!»

Три недели Смоляков не был в родной избе. И не тянуло, потому что заходишь как в чужое подворье. Омерзительно сознавать, что кто-то здесь был, рылся, лапал твои вещи. Он уже и счет потерял, сколько раз шарилась с осени — раз пять или шесть. Сейчас, выходит, седьмой. Забрали все алюминиевое: чашки, ложки, поварешку, умывальник, провода все сорвали и обрезали. В конце двухтысячного парились в бане со старухой при керосиновой лампе, как в войну, хорошо хоть она осталась, не заметили в сенях в углу за столом.

Что на этот раз украли, Смоляков пока не обнаружил. Не до этого было. Печку в избе еле растопил: дымища, угар, не продохнуть, дверь открыл настежь. Пришлось слазить на крышу и убрать с трубы огромный ком снега, в котором еле угадывалась посредине махонькая дырочка. И все равно чадила печка, настыла за месяц.

Часа два расчищал дорожки к бане, к колодцу и сараю, намело снегу чуть ли не по пояс. Остановился у крыльца передохнуть, опершись на лопату, призадумался вдруг, что вот за шестьдесят пять перевалило, старость-усталость. И тут только заметил, что в углу двора нет елочки — ровное место. Срублена.

— Срубили, ах, сволочи! — прошептал, и весь закачался от возмущения. — Не иначе это Сопливый, ах сволота поганая!..

Елочку он посадил года три назад, прижилась хорошо, росла, пушилась в тенечке. В позапрошлый Новый год привозили внука Артемку, он вокруг нее крутился, гладил, обряжал все два дня. И вот не стало.

«Лень за речку сходить, там их сплошь растет. И кто придумал этот идиотский обычай — рубить живые деревца и тут же выбрасывать на помойку?!»

Смоляков соскреб снег с крыльца, присел на ступеньку, продолжал размышлять. Ему припомнился послевоенный сорок шестой год, когда они, трое десятилетних сорванцов, украли у тетки Насти прямо из печки чугунок с кашей. Придя с поля, тетка Настя бегала по двору, выла, причитала, а они в это время в березняке за огородами доедали ее кашу — выгребали пятернями из чугунка, давились от жадности. Сам чугунок, правда, он от-

нес на следующий день, подбросил в огородчик между грядками.

«Но тогда, — раздумывал Смоляков, — к воровству толкал страшный голод, который принесли гады-изверги издалека, из чужой земли. А теперешнее нищенство сотворили свои собственные гады, внутренние враги. Как с ними бороться? Обирают друг друга без зазрения совести, что присвоил, пригрел и прикарманил, то и твое — так выходит? Это уже не война, это бедствие всего народа».

Вошел в избу Смоляков только к вечеру и вздохнул теплым, безугарным воздухом. Хотел переобуться в валенки, но валенок под кроватью не оказалось. Украли. Хоть и старые, с дырами и трещинами, а все равно украли.

Сел к столу, оглядел вешалку, книжную полку, где всегда стояла в углу настольная лампа. И ее, выходит, украли.

Баян на тумбочке лежал на месте. Еще в прошлом году перламутровую отделку на нем он в некоторых местах ободрал, изрезал, обезобразил, как мог. Такой он никому не нужен наверняка и, слава Богу, стоит на виду, не трогают. А инструмент хороший, тульской, ручной работы, голосистые медные планки.

Смоляков взял изуродованный собственными руками баян, сел у печки на низенький стульчик и тихо заиграл.

Играл и плакал.